

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ФЕВРАЛЬ
2006**

ШВАТ 5766

№2 (166)

ВСЁ В ЖИЗНИ ЗАВИСИТ ОТ ТЕБЯ

É ífáti ó dááæíó íáúéíú íðéøæ íæí íðéðíæáíéí è ááíðéò: «Áú òíéúéí ÷òí íðéáðæè è íáí á áðíá, ÿ òí-ó íðíááðéòú áííðáðí-íí èè áú í ááðí, ÷òíáú íáí è ðéíáíáéòú Áíò ó í áú á èóéáéá áááí-èá: ííææèðá ííá æéáú èèè í áðòáú?» Ðááæí ííáçò íííÿè, ÷òí çááí æè íííáðéòáéú áíèè ííæçáòú áí ó ÷òí áááí-èá æéáá, áííòú ííæí áò èóéæ – è áíò áááí-èá óéá í áðòáí; áíèè ííæçáòú ÷òí áááí-èá óí áðéá, áííòú ðáçíæí áò èóéæ, è íáííéí íá óéáðéò. Óéúáí óéíÿ ðááæí è ííæçáé: «Í òááò íá ÿòíò áííðíí – íðíáéáí à òáíáá íáíáíáí íá áúáíðá. Ýòí òááá óíðíðéè òðíé: áú á æéçí è çááéíðò íò òááú...»

Проблема свободы выбора вызывает у людей множество вопросов. Многие не могут понять: почему Б-г, воплощающий в себе принцип добра и высшей справедливости, позволяет существовать несправедливости в мире. Почему столько людей живет в бедности? Почему праведник терпит лишения, а мошенник преуспевает? Почему Всевышний допускает, что террористы убивают невинных людей?

За этими и другими подобными вопросами стоит простая и на первый взгляд убедительная логика. Б-г всё знает, всегда различает праведника и грешника. Почему же Он не награждает праведника сразу и не наказывает грешника опять же сразу? Ведь в этом случае праведник жил бы счастливо, что справедливо, а наказанный грешник раскаялся бы в своих поступках!

Единственное, чего не учитывает подобная логика, так это центрального вопроса: зачем Б-г создал человека? В чем отличие человека от ангела и от животного? Вся история, которую мы знаем, с библейских времен и до наших дней, показывает: изначально Творец хотел дать человеку возможность самому выбирать между добром и злом. Именно ради этой свободы Он создал мир и человека как венец творения. Всевышний поставил грандиозный эксперимент: может ли человек своими сознательными действиями обеспечить победу добра над злом?

Сущность Б-жественного эксперимента хорошо иллюстрирует известная аналогия из мира спорта. Можно создать команду из суперзвезд, а можно собрать игроков среднего класса, но дать им хорошего тренера. Суперзвезд тренировать особенно не надо, они и так прекрасно играют. Но опыт свидетельствует: команда середнячков, где каждый слушает своего тренера и имеет хорошую мотивацию в игре, зачастую оказывается победительницей.

Этот пример иллюстрирует отличие людей от ангелов. «Команда звезд» у Б-га уже есть, ангелы совершенны, бессмертны, творят только добро. «Тренировать» их незачем. Люди, по сравнению с ангелами, конечно, «команда середнячков». Но когда человек получил хорошую «тренировку» от Б-га, полностью вверился Ему и делает угодное Ему – его свободный выбор достигает таких высот добра и самоотверженности, на которые лишённые свободы выбора ангелы не способны.

Точно так же Б-г не должен обеспечивать немедленный результат каждого из наших поступков, доброго или злого. Если бы Он так поступал – это развивало бы в людях не разум и духовность, а всего-навсего условные рефлексы. Условный рефлекс имеется у любого животного: нажал на нужный рычаг – получил кормежку. В отличие от жизни животных, управляемых рефлексами, человеческая жизнь состоит из испытаний. Мир, созданный Б-гом для нас, предлагает сотни и тысячи соблазнов. Человек поверхностный и недалекий тратит свою жизнь на погоню за удовольствиями; человек мудрый и праведный понимает, что жизнь – слишком ценное достояние, чтобы разбазаривать ее на пустяки: он предпочитает «инвестировать» невосполнимое время своей жизни в вечные ценности.

Иногда приходится слышать такое мнение: если Б-г так нас любит, почему Он ограничил нашу свободу, дав евреям 613 заповедей, обязательных для исполнения? Но считать исполнение заповедей «ограничением свободы» – это всё равно что считать таким ограничением еду или сон! Есть вещи, соблюдение которых необходимо для поддержания здоровья человеческого тела и здоровья духа. Если человек будет жаловаться, что есть три раза в день – это потеря времени и денег, его засмеют, поскольку даже младенец знает, что еда необходима для здоровья тела. Точно так же заповедь молитвы трижды в день необходима для здоровья души. А, к примеру, заповедь кошерности, как доказали ученые, полезна душе и телу в равной степени.

В трактате «Пиркей Овойс» сказано: «Самая высокая награда человеку в том, что Б-г создал его по образу Своему». Конечно, мудрецы Талмуда не имеют в виду, что человек внешне похож на Б-га. Но из всех

существ только человек наделен таким свойством Б-га, как свобода выбора действий и ценностей. Только нам Он даровал возможность делать ошибки, а потом совершать тшуву – возвращение к Б-гу – не из страха наказания, а потому, что человек способен осознавать ошибочность своих поступков.

Б-г не милиционер, который штрафует и наказывает за каждое нарушение. Он наш Отец, Который хочет, чтобы мы совершенствовались, учились на собственной жизни и жизни других, чтобы мы свободно, по собственному выбору, предпочли добро и тем самым способствовали совершенствованию мира. Мир создан Б-гом для нас, и судьба его зависит от нас.

Ácaáí úé daááéí Dítíéé Áadé Éacáð

С ХАСИДСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Антология праздников

לְפָנֶיךָ אֱלֹהֵינוּ אֵלֹהֵי אֲבוֹתֵינוּ

וְשִׁירֵינוּ וְשִׁירֵי אֲבוֹתֵינוּ

וְשִׁירֵי אֲבוֹתֵינוּ

На собрании хасидов в 5698 году рабби Йосеф-Ицхок Шнеерсон поведал о том, что рабби Менахем-Мендл, Цемах Цедек, однажды задал вопрос рабби Шнеуру-Залману: афтора к разделу Бешалах повествует о песне ликования, пропетой Моше и сестрой его Мирьям, когда евреи чудесным образом перешли Красное море. Почему же афтора к Бешалах – при том что обычно в ней развивается тема, параллельная теме недельного раздела Торы, – рассказывает только о песне женщины, пророчицы Дворы, вознесшей ликующую молитву после победы над врагами Израила (Шойфтим, 5)?

Рабби Шнеур-Залман на это ответил: когда евреи вышли из Египта и чудесным образом прошли по дну Красного моря, не только женщины, но и мужчины славили Б-га, однако ликование женщин было сильнее ликования мужчин. На это указывает упоминание о том, что женщины били в тимпаны и танцевали. И так как Тора свидетельствует о том, сколь велика была радость женщин, афтора к этому разделу повествует именно о женщине, пророчице Дворе.

Но почему же песнь Моше и остальных мужчин не была столь же радостна, как песнь Мирьям? На это можно ответить просто: то, что далось без усилия и боли, не может принести такую же радость, как то, что было обретено благодаря личному упорству и тяжелой борьбе. Мишна учит: «по усилиям и вознаграждение» (Пиркей Овойс, 5:27). В меру страданий и мук будет и радость.

Моше и остальные мужчины не могли вместить всей глубины радости, снизошедшей на еврейских женщин. Ведь тяжелейший из аспектов египетского плена проявился тогда, когда был издан жестокий указ фараона о том, что «всякого новорожденного <еврейского> мальчика бросать в Нил» (Шмойс, 1:22). Гнет тяжелой работы не идет ни в какое сравнение с повелением топить всякого новорожденного в водах Нила. Более того, мудрецы говорят о бесчеловечном обычае фараона купаться в крови еврейских младенцев (Шмойс раба, 1:34). Мать более чувствительна к страданиям детей, чем отец, – вот почему, когда Израиль освободился от власти фараона и его жестоких законов, ликование женщин превосходило ликование мужчин.

Óàðàíí íàøèõ áíáé

Всё, рассказанное Торой, служит источником духовного наставления. Описание Исхода из Египта и ликующей песни, сопровождаемой игрой на музыкальных инструментах и танцем Мирьям и других еврейских женщин, дают нам духовное понимание подобных ситуаций на все грядущие времена – в том числе нашей нынешней духовной ситуации. Всё это заключено в стихе: «и вышли все женщины вслед за нею». До скончания времен женщины будут следовать примеру Мирьям и возглашать: «Пойте Б-гу, ибо высоко превознесся Он, коня и всадника его поверг Он в море» (Шмойс, 15:21).

Б-жественность и святость выражены здесь словами «высоко превознесся Он», ибо Б-г пребывает в самом высоком из высочайших уровней святости. Силы же, которые противоположны священному и вели с ним войну – «конь и всадник его», – были низвергнуты в море, – и не просто низвергнуты, но ввергнуты на дно моря, в глубины глубин.

Самый зловещий из указов фараона велел бросать в глубины вод всякого еврейского младенца мужского пола, родившегося в земле Египетской, – но это происходит и в наши дни, рядом с нами!

Когда в еврейской семье рождается ребенок, необходимо обеспечить ему окружение и образование в соответствии с Торой и заповедями. Фараон, царь Египта – страны, чей стиль жизни и нравы несовместимы с нашим обычаем, – объявляет: ребенок вырастет, вступит в брак и примет на себя обязанности кормильца семьи. А значит, его немедленно следует бросить в Нил: ведь он – главный источник пищи и экономического процветания египтян. Ребенка ждет жесткая конкуренция современной экономики. Ребенок с неизбежностью погрузится в поток материального, поток борьбы за блага этого мира – все то, что противоположно Торе и ее этике. А как же Тора и заповеди? Фараон предлагает обманчивое решение: воскресные школы.

В воскресенье банк закрыт. Поэтому родители накануне берут ребенка в кино – или устраивают ему какие-нибудь сходные развлечения. А так как на следующее утро родители хотят поспать, они не будут напрягаться, чтобы отвести ребенка в воскресную школу, где он получит образование, включающее в себя не только пение и танцы, но, может статься, даже урок иврита. Однако родители устали, они безмятежно спят, погрузившись в состояние глубокой духовной дремы...

Родители должны позаботиться о том, чтобы и ребенок был связан с Б-гом – Тем, Кто поддерживает этот мир Своей щедростью и милостью. Собственно, эта связь с Б-гом – единственный подлинный путь, чтобы получить средства к существованию. Пусть другие народы экономически зависят от законов природы, управляющих «рекой Нилом», о евреях же сказано в Торе: «а вы, верные Б-гу, Всесильному вашему, живы вы все ныне». Когда еврей прилепился к Б-гу, он будет жить и ему будут ниспосланы средства к существованию. Ибо «Тот, кто дал жизнь, даст пропитание» (Таанис, 8б). Б-г, податель жизни, ниспошлет и средства к существованию главе дома, его жене и детям.

Вместо того, чтобы следовать повелениям Торы, родители «бросают детей в Нил», отрывая их не только от духовной жизни, но и от жизни в самом простом значении этого слова.

Более того, как во времена египетского плена, предшествовавшие дарованию Торы, все жестокие декреты фараона были ничто в сравнении с бесчеловечным повелением бросать младенцев мужского пола в Нил, так и в нашем нынешнем изгнании все несправедливые установления, угнетающие взрослых, ничто по сравнению со «стратегическим решением», направленным против детей. Не дайте ввести себя в заблуждение фараону или голосам «доброжелателей» и соседей, утверждающих, будто древнее наследие нашей Торы, дарованной в

пустыне, не соответствует «современной эпохе», – не в Торе, дескать, «прогресс», «культура» и всё прочее, противопоставленное «устаревшим ценностям».

Временами фараон натягивает плащ обманчивой жалости и внушает нам, что данное детям образование, направленное на сугубо финансовые цели, когда-нибудь приведет к тому, что кто-то из этих детей окажется великим филантропом, великим благодетелем еврейской общины, который с бесконечной щедростью будет жертвовать на ешивы и религиозные институты.

На самом деле всё это выгодно одному только фараону. Евреи должны осознать, что подобный образ действий приводит только к саморазрушению, поскольку он целиком замешан на самообмане. Сперва это подорвет веру евреев в Б-га, а затем поставит под вопрос само выживание нашего народа. Фараон хочет, чтобы в мире вовсе не осталось еврейских душ, он ищет путей для физического уничтожения еврейского народа – а тут хороши любые средства.

Наши, идущие издревле, стойкость и смелость должны быть направлены на то, чтобы эти установления фараона не сработали. Мы не должны заботиться лишь об образовании, направленном на экономическое процветание наших детей, ибо «много замыслов в сердце человека», и мы должны осознать, что «сбудется совет Г-сподень» (Мишлей, 19:21). Б-г – не только Небесный Владыка, но и Владыка земли, и всякого дома, где есть муж, жена и дети. Укрепившись этим знанием, еврейская женщина не должна поддаваться на «советы» соседей – напротив, она сама должна на соседей влиять так, чтобы они пожелали вырвать своего ребенка из рук фараона.

Нам должно подготовить тысячи детей, которым суждено приветствовать Мошиаха, – и может быть, приход его уже близок.

Ī òâî:ây áí ãĕî

Когда евреи освободились от деспотичной власти фараона, ликование женщин, как уже говорилось, было сильнее, чем ликование мужчин, ибо еврейские матери пережили больше мук, чем мужчины. Точно так же и в наше время: тяжесть указов современного фараона – давления, направленного на то, чтобы принять ценности, противоречащие Торе и заповедям, – и радость освобождения от этого гнета ярче переживаются женщинами. Женщины большую часть дня проводят в доме, тогда как мужья заняты добыванием средств к существованию. Даже когда они дома, мужчины не столь озабочены образованием детей, как их жены. А значит, борьба с фараоном прежде всего ложится на плечи женщин – неважно, насколько хорошо он маскируется и в обличье какого «доброхота» предстает.

В этой борьбе они могут рассчитывать на победу и на прикосновение Б-жественности в той мере, в которой они блюдут Тору и заповеди, и радость их соразмерна усилию. Те же, кто противится святому, будут «повергнуты в море». Только так обретут они великую радость женщин, ликующих и танцующих, ударяя в тимпаны... Тогда мы сможем перейти от главы Бешалах к главе Итро – получению Торы, когда женщины смогут, подобно женщинам древности, сказать: «Дети наши послужат залогом будущего соблюдения Торы» (Шир а-ширим раба, 1:3).

Учитывая всё сказанное, мы поймем комментарий в Мидраш Танхума на стих, в котором говорится о песне Мирьям: «и отозвалась Мирьям» (Шмойс, 15:23). Мирьям пела, вторя женщинам, – но почему-то на иврите употреблена форма мужского множественного числа, «лахем»! Не уместнее ли была бы здесь женская форма множественного числа, «лахен»? Мидраш поясняет: когда евреи прошли по морю и запели молитвенную песнь, ангелы тоже возжелали петь, однако Б-г объявил: сперва пусть поют евреи, а потом уже ангелы.

Тем же Мидраш объясняет и необычное «яшир» в начале песни Моше, которое скорее можно истолковать или как повелительное наклонение – «пойте», или как форму будущего времени «будут петь», а не как форму прошедшего времени «шар» – «он запел». Это – повеление Б-га: Моше и Израиль будут петь, и лишь потом песней выразят себя ангелы.

Потом, когда Мирьям и женщины готовятся запеть, ангелы вновь говорят о своем желании восславить песней Б-га прежде, чем споют женщины. Мидраш дает два толкования. Согласно первому, мольба ангелов была услышана. Согласно второму, которое получило статус авторитетного толкования, женщины всё-таки пели перед ангелами. Но даже если принять ту точку зрения, что песня ангелов предшествовала песне

женщин, ангелы не могли сказать «шира», покуда Мирьям не даровала им это право. Вот почему здесь употреблена форма множественного числа «лахем»: Мирьям обращается к ангелам и отвечает на их просьбу.

Всё вышесказанное является духовным наставлением для всякого еврея. Не надо бояться ни фараона с его бесчеловечными законами, ни реки Нил. Если еврей действует с присущей ему настойчивостью и напором, то, даже если он живет в Египте, указы фараона не затронут судеб детей Израиля. Еврей смело выведет детей на путь Торы – путь, который животворит их, дает им жизнь не только в Мире грядущем, но и в здешнем, материальном мире. Идя этим путем, они могут сказать: «Это Всесильный мой, и я прослаблю Его, Всесильный отца моего – его превознесу» (Шмойс, 15:2) – и продолжат путь своих родителей. Это величайшая радость и слава, которую могут подарить родителям дети.

Теперь пришло время вспомнить стих из песни: «Введешь их и расселишь в горах, на месте, которое сделал жилищем Твоим». Он указывает на то, что Израиль воздвигнет третий Храм, и, возможно, это случится уже в наши дни.

Более того, Талмуд говорит еще и о том, что Б-г любит Израиль великой любовью, ибо Всемогущий не ждал, покуда сбудется сказанное про расселение и относящееся к Храму, обители Б-га, а еще в пустыне сказал: «И построят Мне святилище, и Я буду обитать среди них» (Шмойс, 25:8).

Всё это относится и к нашей эпохе, и к тому небольшому промежутку времени, что остается до прихода Мошиаха. Еврей, не испытывающий никакого трепета перед указами фараона, в ознаменование своей храбрости получает право сказать, что его народ – это «семья, которое благословил Г-сподь» (Ишяю, 61:9). Евреи построят Ему святилище, и будет Он обитать среди них – в доме каждого еврея. И так как дом еврея – обитель Б-га, очевидно, что дом этот достоин Б-жественной щедрости, явленной в процветании и здоровье, и родители будут радоваться детям, а те – своим детям, и так далее, – долгие, обильные, исполненные радости, благословенные годы.

Óó áé-ó áíó

Мы можем многое извлечь из обычаев, установившихся в связи с праздником Ту би-шват – Новым годом деревьев, ибо если человек внимателен ко всему, что происходит вокруг него, то любое событие, случившееся с ним самим или рядом, послужит к тому, чтобы человек прирастал мудростью. Это относится и к отношениям, связывающим Б-га и человека, и к отношениям между людьми. Не только выдающиеся, выходящие за рамки обычного происшествя служат прирастанию нашей мудрости, но и события, повторяющиеся раз за разом. Так, наблюдая за деревом, мы многое можем постигнуть о нашей собственной жизни.

Большинство растений состоит из трех частей: корня, собственно растения – ствола, ветвей и листвы, – а также плодов (покрывающей их скорлупы или корки, плодовой мякоти и семян).

Каждая из этих частей выполняет свою функцию. Благодаря корням дерево стоит твердо и прямо. Когда корни сидят глубоко в земле, дереву не грозит опасность, что налетит сильный ветер и повергнет его на землю. И хотя корни скрыты от нашего взгляда, однако именно ими прежде всего живо дерево, пусть даже листья вбирают из воздуха необходимые для жизни дерева вещества и тем самым поддерживают ее, обеспечивая рост дерева и снабжая его энергией.

Но тем не менее дерево ассоциируется у нас прежде всего со стволом. Оно растет, набирая массу, – и по мере роста ствола появляются новые и новые ветки, со множеством листьев на них. Именно по стволу, с его годовыми кольцами, мы определяем возраст дерева.

Но призвание дерева – давать плоды, и способность его к плодоношению раскрывается в том, какое количество семян, созревших в его плодах, пошло в рост и стало новыми деревьями, которые продолжат его род в следующих поколениях...

В Торе мы встречаем следующее сравнение: «дерево полевое – это человек» (Дворим, 20:19; Таанис, 7а). Человек подобен дереву во многих отношениях. Ведь и в отношении человека можно говорить о корнях, стволе и плодах.

Корни дерева подобны вере еврея. Вера связывает нас с источником жизни, с Б-гом. И когда мы достигаем зрелого постижения Торы на каком-то серьезном уровне, когда мы осознанно исполняем заповеди, жизненные силы мы черпаем не в учености как таковой, но именно в вере в Б-га и в святость Торы.

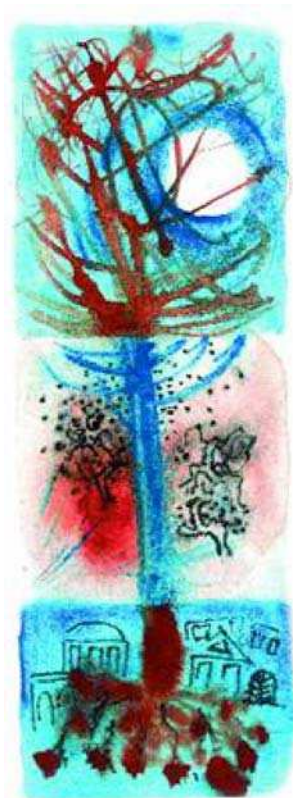
Изучение Торы и исполнение заповедей (248 заповедей «делай» подобны 248 органам человеческого тела, а 365 заповедей «не делай» соответствуют его 365 сухожилиям (Макойс, 23б; Зогар, I, 170б)), которые в идеале должны быть плотью всех наших поступков и свершений, подобны стволу дерева. Именно то, насколько Тора и заповеди присутствовали в жизни человека, определяет «протяженность осмысленной жизни» – тех лет из отпущенного нам срока, когда мы прирастаем знанием Торы и заповедями.

То, насколько еврей достиг самореализации, определяется «плодами», которые он произвел на свет. В дополнение к исполнению задач, взятых им на себя, он должен отдавать себе отчет, насколько его действия повлияли на тех, кто был рядом с ним. Кроме того, он должен стремиться, чтобы люди были деревьями, в полной мере питаемыми соками Торы, деревьями с могучими корнями (то есть изначальным качеством веры), с крепкими и высокими стволами и ветвями (которые есть изучение Торы и благие деяния), – деревьями плодоносными (несущими благо другим).

Í àí ðàðíàí àÿ öàí ù èç ïîêéëáí èÿ á ïîêéëáí èá

Подводя итог сказанному: для всякого еврея корень, который его питает, и главный аспект, определяющий его идентичность, – это чистая вера. Любая слабость и уступка в вере олицетворяют серьезную угрозу духовной жизни и росту личности. Это так даже тогда, когда жизнь человека исполнена достойных и благих деяний.

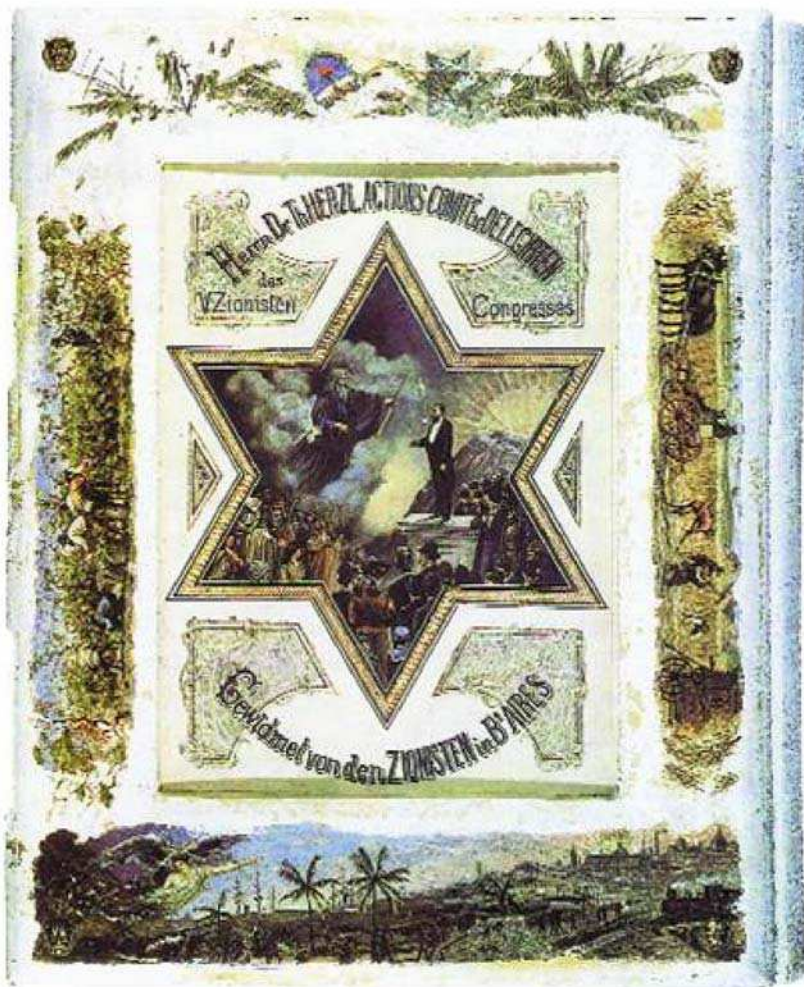
Совершенство или «полнота» человека обретает свое выражение в «плодах», в том, какое влияние он оказал на других, сподвигнув их к жизни, исполненной смысла, когда они всеми силами стремились исполнить свою задачу и цель, которая заложена Б-гом в творении. Так действия человека приносят плоды, а эти плоды со временем дают новые плоды – в результате поколение за поколением «прирастают» плодами Торы и заповедей. И всё это восходит к одному человеку, чье стремление к познанию и благу положило начало этой цепи.

гласит новый лозунг, – чем вопрос предоставления еврейскому народу прав на свободное развитие всех производительных сил в собственной стране, подобно всякому другому народу...»

«Твердость многих поколений Израиля свидетельствует, что такой подход неверен. Идея Сиона коренится в недрах земли и возносится до небесных высот, и ничего нельзя отбрасывать – ни глубокие корни, ни небесные высоты, ни память Сиона о прошлом, ни его идеал будущего (что есть две стороны одной медали). Если Израиль отвергает тайну, то он отвергает саму сердцевину реальности. Национальные формы, лишённые вечной цели, ради которой они созданы, знаменуют конец особой плодородности Израиля. Свободное развитие внутренних сил народа без учета высшей ценности, которая указывала бы цель и направление этого развития, означает не возрождение, а обыкновенный самообман, за которым затаилась духовная смерть. Если Израиль желает меньше того, что ему предназначено осуществить, то он не достигнет и малого».

יְהוָה יִצְחָק לָנוּ כִּי יִתְחַבֵּל אֲדֹנָי.

יְהִי עֲשֵׂה.

1903 א"א

И представьте себе, эти слова принадлежат Мартину Буберу, не снискавшему известности своим религиозным благочестием.

Ему вторит Альберт Эйнштейн: «Мое понимание сущности иудаизма сопротивляется идее еврейского государства, с его границами, армией и институтами земной власти, какими бы скромными они ни были. Я боюсь, что иудаизму будет нанесен внутренний ущерб».

Но хотя эти мыслители предвосхитили будущую проблему, когда основной упор стал делаться не на духовном, а на национально-политических измерениях сионизма, ее так и не удалось разрешить.

Можно было предположить, что придут религиозные сионисты или даже религиозные не-сионисты (антисионисты), которые сумеют заполнить вакуум, предложив свое видение будущего развития страны и ее народа.

Однако многие представители «религиозного лагеря» либо маргинализировались, политизировались, либо оградили себя от всякого влияния. Но как бы то ни было (а на этот счет приводится немало убедительных свидетельств), Израиль расколол, между религиозной и светской частью – глубокое недоверие, и реальные надежды на будущее отсутствуют. Если даже и находятся те, кто готов предложить свое решение проблемы, оно не привлекает интереса и внимания масс – в отличие, скажем, от призывов XIX–XX веков к созданию национального очага. Вероятно, это связано с позицией религиозных правых, которую считают кичливой, догматизированной, поверхностной, сеющей раскол, политиканской и своекорыстной.

Израиль так и не принял Конституции (руководствуясь до сих пор так называемыми «Одиннадцатью основными законами»), и главная причина здесь, очевидно, лежит в несогласии относительно того, что составляет фундаментальную законодательную основу израильского общества. Многие религиозные евреи настаивают, что единственная подлинная конституция еврейского государства – это Тора и еврейский закон (Алоха). Они не только не видят необходимости в современной светской конституции, но даже усматривают в подобном документе угрозу верховенству Торы и соответствующим тысячелетним традициям еврейской жизни на родине и в диаспоре. Светское же большинство желает, чтобы государство было сугубо светским (как гласит слоган, «государство хоки <гражданского закона>, не государство Алохи»). При всех попытках примириться эта проблема так и остается тупиковой и служит главной причиной поляризации общества.

Итак, встает большой и тревожный вопрос об идентичности и видении сегодняшнего Израиля.

Подходя к делу упрощенно, можно было бы сказать, что целью Израиля является собрать у себя на постоянное жительство максимально большое число евреев со всего мира. Ну и туристов привлечь... Однако будет ли этого достаточно, чтобы страна выстояла?

Как и в случае любых «больших вопросов», особенно тронутых пылью времен, единственный способ добиться какой-то ясности – это докопаться до их корней.

Теперь, конечно, мы начнем спорить о том, что такое «корень», и развивать новую серию теоретических вариаций на тему «нового будущего сионизма»...

Нет уж, давайте будем докапываться до корней, как мы делаем это всегда, а именно не навязывая своей позиции и не предпринимая больших и малых попыток предсказать будущее. Просто вернемся назад в историю, проследим, как менялось со временем значение слова «Сион» и попытаемся найти его первоначальный смысл.

Мы скорбим о разрушении Храма, случившемся 1937 лет назад, вовсе не потому, что так захвачены прошлым, не из чувства боли или из самодовольного каприза. Просто Святой Иерусалимский Храм (Бейс а-Микдаш) представлял собой центр, духовный котел еврейской жизни и жизни вообще. «Сделают Мне Святилище и Я пребывать буду в их среде», – сказал Б-г. Храм стал воплощением Б-жественного Присутствия на земле, которое является сущностью и целью всякого бытия.

Таким образом, разрушение Храма – это не мелкий эпизод, его нельзя свести к отдельно взятому историческому событию. Оно оказывает влияние на всех нас и во все времена. Поэтому мы вспоминаем о разрушении Храма и на протяжении всего года молимся, повернувшись в сторону Иерусалима и Святого Храма, чья святость остается нерушимой. Шхина (Б-жественное Присутствие) на Храмовой горе «не сдвинулась с места», как пишет Рамбам, то есть не претерпела изменений при разрушении Храма.

Иерусалим – иногда его называют Сион – это синоним духовного, Б-жественного. Это сердце и душа еврейской жизни и всякой жизни.

Имя «Сион» в действительности означает «знак». Это знак и символ Б-жественного Присутствия. Конечно, то же слово порой употребляется применительно к городу, еврейскому народу, Торе, мицвойс; оно указывает на нерушимую тройственную связь – земли, народа и Б-жественного наказания.

Вечная миссия Сиона задается самим его именем: быть образцом духовного света. Вне сионского духовного измерения все формы сионизма – трудовой, социалистический, ревизионистский, политический, аграрный, синтетический, утопический, национальный, культурный, религиозный – лишены духа. А вне духа они сводятся к краткосрочным решениям, вроде инструмента, который лежит на полке ровно столько, сколько он пригоден к использованию.

Лучше всего, как известно, учит история. Вспомним о расцвете и закате империй. Почему могущественные, богатые, высокоразвитые империи не выживали? Они рушились, поскольку перерастали себя, свое предназначение, теряли ориентацию, отклонялись от цели или никогда не ставили цель во главу угла.

Да, некоторые империи пали вследствие природных катастроф, войн или других привходящих факторов. Но и они в конечном счете исчезли бы, независимо от обстоятельств, как об этом свидетельствует долгая история других империй.

Еврейский народ пережил их всех и жив до сих пор, поскольку миссия его не закончилась – ему так и не стало тесно в рамках поставленной перед ним цели. Миссия еврейского народа с самого начала и по сегодняшний день заключалась в воспитании, очищении и одухотворении нашего мира, в том, чтобы быть «светом для народов», следовать высочайшим духовным ценностям и этическим нормам, быть живым примером того, что называется «Б-жественным» – жить, как положено людям, сотворенным по образу Б-жьему.

Поэтому родина для евреев, их культура, язык, политика и экономика – всё это лишь инструменты для осуществления их миссии. Если миссия оказывается под угрозой, если о ней забывают, то всякий инструмент лишается духа и не может укрепить народ.

Именно это произошло с сегодняшним Израилем. Было время, когда мечта о еврейском национальном очаге была достаточно сильной, чтобы объединить людей, собрать их, создать государство. Но сейчас у нас есть свой национальный очаг, правительство, экономика, армия – государственная инфраструктура представлена в полном объеме. Ну и в чем наше видение, наша цель?

Религиозный сионизм и религиозный антисиионизм спорят о том, возможно ли построение еврейского государства, лишенного его духа. Религиозные сионисты полагают (хотя и признают такой путь далеким от идеального), что лучше всё же начать с построения светского государства, а потом вместе поработать над тем, чтобы оно превратилось в государство духовно-религиозное. Антисиионисты возражают: это путь тупиковый, поскольку государство, лишенное религиозного духа, нежизнеспособно.

Еще более радикальные антисиионисты утверждают о невозможности построения даже духовного государства, пока мы пребываем в изгнании и Б-г не освободил нас. Они считают, что только Б-г может создать действующее государство в Израиле.

Но, независимо от позиции, которую мы занимаем, ясно одно: государство не выживет, если оно не исполняет своей миссии. Особенно государство, находящееся в состоянии войны.

Какое бы мнение ни высказывалось о месте Торы применительно к конституции современного государства, невозможно игнорировать тот факт, что Тора составляла конституцию древнего Израила и оставалась таковой на протяжении истории еврейского народа. В самом деле, еврейский народ первым принял конституцию, начав с признания Десяти Заповедей, а потом и всего корпуса законов Торы. В результате в мир пришла цивилизация.

Можно не принимать такого определения еврейской миссии. Это дело индивидуальное. Но тогда вам неизбежно придется искать альтернативную цель и видение будущего.

Всякий бизнес требует «формулировки предназначения». Всякому государству, стране, народу нужна цель. Если это цель краткосрочная, то общественный организм столько и просуществует. Инструмент не может прожить дольше, чем ему предназначено.

Любопытно в этом плане обратиться к опыту Соединенных Штатов. США существуют уже 229 лет – дольше, чем все другие империи, – и становятся всё сильнее. Нет оснований полагать, что в ближайшем будущем Америка утратит статус сверхдержавы.

Есть мнение, что своим успехом США обязаны непреходящей «формулировке миссии», заявленной в Декларации Независимости: «Мы считаем очевидными следующие истины: что все люди сотворены равными, что они наделены своим Творцом некоторыми неотъемлемыми правами, в числе которых – жизнь, свобода и стремление к счастью».

Даже если кто-то скажет, что у Америки нет своей миссии, как и у большинства (если не всех) стран, то все эти страны не живут в окружении миллионов врагов, готовых наброситься на тебя в любой момент. Белый человек в Америке об этом позаботился – все индейцы уже перебиты.

Израиль живет в окружении 250–300 млн арабов и мусульман, отказывающих Израилю в самом его праве на существование. Находясь в состоянии войны, ни одно государство не способно выжить без ясно поставленной перед собой цели. Поэтому сегодняшний Израиль не может позволить себе существовать, не осуществляя некоей миссии.

Современный сионизм некогда мечтал о национальном очаге. Мечта осуществилась (по меркам самих мечтателей). Какая мечта у сионистов сегодня? А отсутствие мечты – не является ли оно сигналом о смерти современного сионизма?

Всегда легче сформулировать миссию при наличии врага – бороться против кого-то или чего-то, вместо того чтобы бороться за что-то. Гитлер искусно использовал этот момент, когда мобилизовал соотечественников-немцев против евреев и других «грязных» элементов.

Сравнительно легче было сформулировать сионистскую идею в конце XIX века, в эпоху воинствующего антисемитизма и повсеместных погромов. Сам враг тогда помог осознать потребность в национальном очаге.

Сегодня, когда потребности не столь ясны, сформулировать задачу стало гораздо труднее. А если еще добавить многие годы накапливающегося недоверия и стереотипы, связанные с религией, то можно себе представить всю грандиозность этой задачи.

Но мы призваны «искупить Сион», «его пленников».

Мы призваны сформулировать долгосрочную миссию Израиля на сегодня и завтра.

И пророк Ишаяу говорит нам, как это сделать: «Сион искупится Законом, а пленники его – праведностью». Закон – это образование, изучение Торы. Праведность – это милосердие и альтруизм.

Нам необходимо заложить основы широкой образовательной программы – обусловленной не интересами политиков или отдельных групп населения, а действительно полной души и сострадания, помогающей людям осознать истинное значение «национального очага».

Израиль не должен быть местом убежища, загара и вечеринок. Местом, где найдет отдых утомленное тело. Это должно быть место, где ваш дух почувствует себя дома.

Нам, нашим детям и друзьям нужно учиться, чтобы постичь значение духа, научиться распознавать его голос и миссию, претворять его в повседневной жизни, освещать этим духом окружающий мир.

Наша миссия в том, чтобы евреи исполнили свое высокое предназначение – стать истинным светом остальным народам.

Как сказал Ишаяу: «И будет, в последствии дней утвердится гора дома Г-сподня как вершина <всех> гор, и возвысится над холмами, и устремятся к ней все народы. И пойдут многие народы, и скажут: “давайте взойдем на гору Г-сподню, в дом Б-га Якова, чтобы Он научил нас путям Своим и чтобы пошли мы стезями Его”. Ибо из Циона выйдет Тора и из Иерушалаима – слово Г-сподне. И рассудит Он народы, и даст поучение многим народам; и перекуют они мечи свои на орала, и копья свои – на садовые ножницы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать».

В «ДУРКУ»? В «ДУМКУ»?

Ėait ěä Dääçööt äñëë

Ėö äë, Dññey öçĭ äëä èi ŷ Äëäëñĭ ädä Ėĭĭ öäää «B çĭ äp Dññĭ è Dññĭ ĭ äŷ çĭ ääö».

Что Копцев – в той или иной форме «псих», особых сомнений не вызывает. Как говорится, «типичный анамнез». «Совсем худо, что-то, воля ваша, недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы. Такие люди или тяжко больны, или втайне ненавидят окружающих».

Юный Копцев, правда, не избегал игр – компьютерных, с убийствами. В остальном же всё точно – и «тяжко болен» головкой, и втайне ненавидел окружающих... Объект для направления ненависти выбрал банальный – ясно, кто же, кроме евреев, виноват в том, что он свихнулся?

Впрочем, будет ли наш герой коротать свои годы в тюремном дурдоме или в обычной тюрьме, я, естественно, судить не берусь. Да и не интересует это меня (как, полагаю, и вообще мало кого интересует). Одним уродом на свободе меньше – и ладно.

Лучше поговорим о тех, кто остался на свободе.

В сущности – и это вполне очевидно, – юный Копцев всего лишь попытался – во всеоружии – реализовать знаменитый депутатский запрос «о запрете еврейских организаций». Запрос этот затерялся между колесиками бюрократической машины, депутаты – в отличие от своего восторженного избирателя с ножом – кайфуют на воле, никто их в дурдом не отправляет... Ну-с, если Государство (находящееся «под игом иудейским») не желает выполнять свои прямые функции – спасения русского народа от жидов, – то вот и находится законопослушный гражданин, который, в точном соответствии с запросом депутатов, пытается на свой страх и риск «закрыть еврейские организации». Как говорится, «письмо нашло своего адресата». Как известно, «счастье – это когда тебя понимают». Интересно, депутаты – авторы запроса – были счастливы, узнав

ὁ αἶψά τοι ἀπὸ τῆς ἀφ᾽ οὐρανόθεν ἰδέσθαι ἔσται ἡ ἀπόστολος Ἰωάννης. Ἰὼάννης τῆς ἀφ᾽ οὐρανόθεν ἰδέσθαι ἔσται ἡ ἀπόστολος Ἰωάννης. Ἰὼάννης τῆς ἀφ᾽ οὐρανόθεν ἰδέσθαι ἔσται ἡ ἀπόστολος Ἰωάννης.

× οἱ ἀπὸ τῆς ἀφ᾽ οὐρανόθεν ἰδέσθαι ἔσται ἡ ἀπόστολος Ἰωάννης.

Ἰὼάννης τῆς ἀφ᾽ οὐρανόθεν ἰδέσθαι ἔσται ἡ ἀπόστολος Ἰωάννης.

Ἰὼάννης τῆς ἀφ᾽ οὐρανόθεν ἰδέσθαι ἔσται ἡ ἀπόστολος Ἰωάννης. Ἰὼάννης τῆς ἀφ᾽ οὐρανόθεν ἰδέσθαι ἔσται ἡ ἀπόστολος Ἰωάννης. Ἰὼάννης τῆς ἀφ᾽ οὐρανόθεν ἰδέσθαι ἔσται ἡ ἀπόστολος Ἰωάννης. Ἰὼάννης τῆς ἀφ᾽ οὐρανόθεν ἰδέσθαι ἔσται ἡ ἀπόστολος Ἰωάννης.

МИХАИЛ ГЕНДЕЛЕВ: «Я ПИШУ ТО, ЧТО НЕЛЬЗЯ»

Аעאעיא אד באיירי תודו

י עוהע אאי אעאא, אאפעע ייטו, ערהעעוועע אהאעאאיעי, אהא: אהי עע יאידייטו ערהעעע ע ידאי יאאאא אעו ייעעו יעי אע אהאע עיעעו עי. נ. אאי יאא א י יפעא; - י ייעעו עעא ע עעו אהא אהא

– Михаил, в послесловии к «Неполному собранию сочинений», вышедшему в издательстве «Время» в 2003 году, сказано, что ваши предки жили на севере России со времен Екатерины II.

– Предки моего отца жили в Торопце. Это старинный город под Великими Луками. Пару лет назад, уже после смерти отца, я впервые приехал туда посмотреть на город, на озеро Великое, увидел эту фантастическую красоту. На еврейском кладбище Торопца нашел надгробия конца XVIII века. Что же до еврейского присутствия в этих местах – оно прекратилось. Кстати сказать, в школьном классе моего отца неевреев было по пальцам посчитать. Смотритель кладбища рассказал, что последняя еврейка в городе умерла незадолго до моего приезда. Кладбище заросло, хоть коси, верней, вырубай, – причудливыми, в два человеческих роста, страшноватыми растениями. Дед и бабка погибли в оккупации. И я нашел место их гибели. Немцы в Торопце были очень короткое время, меньше двух недель. Специально выяснял по немецким архивам, какие войсковые части там находились. Ни зондеркоманд, ни подразделений СС, обычный вермахт. Но «еврейский вопрос» они решили. На месте расстрела в овраге – братская могила. Сосны вокруг до сих пор сочатся застрявшими в них пулями. Отцу моему на все запросы отвечали: место гибели неизвестно. Но я, воспользовавшись некоторыми связями, в губернаторской канцелярии мгновенно получил нужную справку... Из нее выяснилось, когда, где и как всё произошло. От руки это было сделано, обычными солдатиками, «рабочими рыцарями» войны.

– Ваши предки по отцовской линии – кантонисты?

– Нет, кантонисты – со стороны матери. В силу этого Слозины объявились в Петербурге. Это фамилия мамы, ее зовут Хася Шмаевна Слозина.

– Что известно об их военной службе?

– Двоюродные деды были в рядовых чинах. В Израиле у меня хранятся их молодецкие фотопортреты: в форме царской армии, в усах, при погонах. Известно, что они – кантонисты, и при этом не выкресты.

– **Следовательно, личного дворянства они не получили.**

– Нет. Они получили право жить вне черты оседлости.

– **Чем они занимались вне черты?**

– Сомневаюсь, что они зарабатывали выездкой породистых жеребцов или, скажем, изготовлением скрипок. Полагаю, занимались они торговлей и не преуспели до баронства Гинцбургов.

– **Где познакомились ваши родители?**

– В Ленинграде после войны. Отец вернулся инвалидом, без ног, с поврежденной рукой. Он дважды сходил в атаку под Невской Дубравкой. Первый раз атаковал с мотком телефонного провода, а второй раз – с муляжом винтовки. Противопехотная мина оторвала ему обе ноги. Спасли моего отца наручные часы. Дело было в ноябре 1941-го, он лежал в ледяной Неве, что уменьшило кровопотерю. И когда санитары, они же мародеры, дай Б-г им здоровья, пытались снять часы, по пульсу обнаружили, что он жив. Сняв часы, доставили его в госпиталь. Дальше была чудовищная история – отец не говорил на эту тему – последовательных ампутаций. Ноги очиняли, как карандаши. После госпиталя отец вернулся в Ленинград, где учился до войны в техникуме. И – встал на протезы. Не спился, не попал под «санацию», которые, как известно, проводились после войны, когда заметали всех калек в «мясорубки», в спецлагеря, откуда не возвращались. Власть приспичило очистить страну от уродов, что, с точки зрения прагматики, акция полезная в смысле облагораживания пейзажа города-героя. Военные уроды очень мешали, снижали пафос Победы.

Отец был человеком активным, с фантастической витальностью. Встав на протезы, он поступил на завод инженером-технологом; познакомился со своей будущей женой.

А дед со стороны матери прожил положенную в Советской России жизнь мелкого коммерсанта, то есть угодил в лагерь. Поэтому мама, дочь «лишенца», до сих пор говорит: «Михалик, главное – не занимайся никогда “делами”, помни, чем оно кончается...» Уже перед смертью, с «пылающим» туберкулезом, он был выкуплен из лагеря. Вернулся и умер через месяц, не дожив до пятидесяти. Его могила на Преображенском кладбище Петербурга.

Я родился в Ленинграде в 1950 году. Ничего праздничного в моей родословной нет. За обеими фамилиями не стоит, как видите, ничего аристократического. Ни гильдий, ни раввинов. Тем не менее – а вернее сказать, в силу этого – мои дядья, мамыны братья, отличались фантастической выживаемостью, отменным здоровьем и природной кряжистостью. Серьезные были люди, ничто их не гнуло, интеллигентность не отягощала. А по отцовской линии художественные увлечения присутствовали, дед был резчиком надгробий, но в свободное от других занятий время – резьба по камню о ту поёру прокормить семью не могла.

Так что запел, «подал голос» в семье – наверное, я первый.

– **А выбор вами медицинского института...**

– ...определялся тем, что тетя Сима работала там старшим преподавателем кафедры иностранных языков. В гуманитарные вузы я не проходил ни по каким показателям, несмотря на явно гуманитарные наклонности. Медицина меня не интересовала, и врачом я стал случайно.

– **Почему вы не проходили в гуманитарные вузы?**

– В Питере конца 1960-х годов еврею, проявив должные способности, поступить в гуманитарный вуз можно было только будучи хорошим мальчиком из очень хорошей семьи, или... или... И больше никаких «или»! Я не отличался прилежанием в школе. Меня больше интересовали бокс и девы. Кроме того, Санкт-Петербург традиционно не был гуманен к молодым людям моего профиля и курчавости.

Горю и туча Н. Аар аар аа

1932 аа

– **Когда вы поняли, что хотите писать? Когда появились первые публикации?**

– Какие публикации? Первые «публикации» состоялись в самиздатовских ленинградских журналах. Нашими публикациями стали «чтения». Было такое занятие и понятие во времена моей юности. Оттуда, из ленинградской школы стиха глубокий интерес к произнесению, к акустике слова. Все мы изошли на голос, читая по кухням. Это был ритуал – чтение.

Первая подлинная моя публикация случилась в государстве Израиль, в журнале «Сион». Я напечатал там «развесистое» художественное произведение, поэму «Дiasпора». По приезде впервые подержал в руках лист бумаги с напечатанной фамилией...

– **Вы уже располагали строки «бабочкой»?**

– Нет, тогда «бабочка» только формировалась. А начал я сочинять чрезвычайно поздно и совсем не с того, с чего обычно начинают.

– **«Поздно» – это когда?**

– На первом или втором курсе института. Неприлично поздно для поэта, по тогдашним меркам.

– **Что значит: начал не с того? Не с первой влюбленности?**

– Отнюдь не с первой влюбленности. Никогда не писал любовной лирики в «чистом виде». Я начал с того, что накопил некоторое количество песенных текстов. Тогда говорили: «он/она поет на гитаре». Был и есть такой жанр. Способ меня шантажировать – вспоминать мои юношеские сочинения, в частности успехи на песенном поприще. Одна из моих первых песен написана к спектаклю «Бег». Тема была белогвардейская, что всегда интересно и полезно еврейскому мальчику... «Корчит тело России от ударов копыт...», «Б-же, белые ночи ниспошли на Париж...» и прочие «эполеты». Хорошо знавшие меня люди иногда в подпитии поют мои сочинения. С перерывом в четверть века я «вернулся в жанр» и с израильскими друзьями записал диск песен на современную музыку. Но в юношеские годы литература интересовала меня не в первую очередь, и назвать Мишу Генделева интеллигентным юношей было затруднительно.

– **Вы посещали студию, которой руководил литератор Давид Дар?**

– С Давидом Яковлевичем у меня связаны нежнейшие воспоминания. Но литературных студий я не посещал. Не потому, что я эдакий самородок. Но тогда я считал, что уж мне-то учиться писать не надо. Позже, в Израиле, я сообразил, что недурно бы приобщиться к теоретическим аспектам сочинительства. И в часы одиноких штудий обнаружил, что я чрезвычайно простоват, чтобы не сказать невежественен. Образцом для меня стал замечательный русский поэт, житель Тивериады Анри Волохонский, я думаю, самый виртуозный сочинитель второй половины XX века, живущий сейчас в Германии. Тот, кто написал «Над небом голубым есть город золотой...». И еще – его соавтор, блестящий поэт Леша Хвостенко, недавно умерший в Москве.

Посмотрев, как «дело делать надо», я всерьез заинтересовался технологией занятия, которое прежде казалось мне легким. Ни филологического образования, ни опыта студий не было. Но что было? В среде андеграунда была чрезвычайно высокая конкуренция. Непросто было гению заявлять о себе, гении... Литература была занятием эскепическим. Конкурс на место поэта в Ленинграде того периода был чрезвычайно высок, как и уровень письма. То есть нужно было нечто предложить. Поэтическая традиция была отчетлива, бушевал неоклассицизм, бушевал постакмеизм, вспоминались обэриуты. Имели место пристальное внимание к стиху и, скажем так, технологическая широта. Писала тьма народу, быть поэтом было престижно. И поэты были замечательные. Это потом, много позже, появились у меня претензии к ленинградской школе, к ее «залитературности», музейности...

– Как Давид Дар оценил ваши стихи?

– Ему нравились, как я теперь понимаю, мой темперамент, образ жизни, громогласие. Но поклонником моих поэз Дар не был. Он непрозорливо предрекал, что когда-нибудь я напишу прозу, которая ему понравится. Отношения же у нас были скорее дружеские, а не отношения наставника и ученика. Восхищался он стихами моих приятелей, не моими. Никакого «в гроб сходя, благословил...».

Νόσση τείεοάε Ε. Διεόαδών. Βόοί.

1984 ἄἄ

– Некоторое время в Питере жил Аксенов...

– Нет, со всеми «грандами» русской литературы я сошелся уже в своей либо их эмиграции. Перед отъездом из Ленинграда свел знакомство с Довлатовым. С Аксеновым впервые встретился в Милане на конференции журнала «Континент». С Вознесенским, с Беллой, с Веничкой Ерофеевым познакомился в свой первый приезд в Россию в 1987 году, тогда же, когда и со всей московской группой сочинителей. Для них я был иностранец, израильский писатель.

Десять лет в Израиле (до первого приезда в Россию) были для меня самыми главными. Вообще, я считаю эмиграцию чрезвычайно полезной для любого автора, а в особенности для российского. При наличии таланта, самостоятельности и отчетливости взгляда эмиграция приучает не ходить в стае. Чем был плох Ленинград перед моим отъездом? Неофициальная литература составляла в нем некую общность. За окном шел всеобщий серый дождик... А внутри этой общности каждое слово осваивалось коммунально, становилось компанейским. И сочинитель должен был собственной персоной, социальным поведением подкреплять свои тексты. Судьба сочинителя, факт его оппозиции, существование в неофициальной поэзии являлись частью контекста. Но стих такая штука, что в какой-то момент из него должен уйти автор. Текст – остаться, а поэт – уйти.

Коллективность всё-таки разлагает. Развращает душу. И поэт должен, с моей точки зрения, время от времени попадать в эмиграцию, внутрь инофонной жизни, когда весь окружающий мир говорит на другом языке. Тогда происходит «реставрация символов», символизм наоборот: стол становится столом, война – войной, смерть – твоей смертью, жизнь становится твоей жизнью, а не всеобщей. Выяснение отношений с Г-

сподом Б-гом становится не коллективным занятием, а твоим собственным. Спасибо судьбе, что на десятилетия я уехал из России, из ленинградской школы стиха и заодно из русской литературы.

– Ваш отъезд в 1977 году диктовался этими причинами или более рациональными?

– Уехал я от страха. И от невозможности разделить некоторые ценности, которые существенны для русского писателя. Например, судьбу страны. Кто-то еще помнит, что за годик был 1977-й в Ленинграде?! Моя жена, когда я решал эту проблему, сказала: «Давай уедем хотя бы за тем, чтобы внуки потом не говорили: когда-то дедушка чуть не отчалил в Америку». Тогда это был билет в одну сторону. Нырок без всплытия.

Отъезд стал выходом из планетарного сознания. Планетарное сознание свойственно России, она – сама себе планета. Литература могла быть только русской или в переводе Райт-Ковалевой, а мир заканчивался на государственной границе СССР и охранялся пограничником с Карацупой. И жизнь была всеобщей, а не личной, коммунальная жизнь, интеллектуальный социализм. Израиль расставил в иерархии мира всё по своим местам. Я персонально столкнулся с простыми реалиями: твоя война, твое горе, твоя смерть, твоя земля. Земля, как горсть песка, а не как отвлеченное понятие, и от тебя зависит, чьей она станет. Узнал, что патриотизм – не позор. Но в первую очередь: любовь, война и смерть.

– При отъезде не было сложностей, препятствий не чинили?

– Вылетал я пулей. У меня таких сложностей не было. По-моему, все только обрадовались...

– А родственники в Израиле тоже обрадовались?

– Их просто не было. Я приехал со второй женой, а младшая дочь родилась уже в Иерусалиме. 1977 год в Израиле тоже был чрезвычайно любопытен. Я помню, в Хайфе мне навстречу вышла майская демонстрация с красными флагами и пением «Интернационала». Я взялся за голову.

Это было славное время... В кинотеатрах и в автобусах курили. Если солдат у обочины поднимал палец, сразу несколько машин тормозили, чтобы его подвезти. На каждую русскую фразу на улице оглядывались. Интеллигенция была только левой, и считалось, что она не бывает другой. Между прочим, эта традиция в Израиле сохраняется, правда, уже не в столь обостренной форме. Разделять правые взгляды и оставаться интеллигентом было невозможно. Такой человек буквально выплевывался этой средой.

– Вы сразу выбрали Иерусалим?

– Год работал в Беер-Шеве врачом-анестезиологом, пошел в армию, и уже во время службы моя маленькая семья переехала в Иерусалим. Я рвался в этот город. Если уж жить в Израиле, то – в Иерусалиме. А если подписывать художественное произведение, то подписывать или «Москва», или «Петербург», или «Иерусалим»! Хороши также много говорящие сердцу русского сочинителя подписи «Ницца», «Париж», но никак не «Кфар-Саба»...

Ἰ ἴδὸ δαὸ πῆ ἀδαὸ ἴε.

Ἐαδῶταεῖ.

2003 ἄ ἄ

– В Израиле конца 1970-х правой была только русскоговорящая интеллигенция. Не с нее ли началось поправление и поправление страны?

– Всё-таки нет. Мы были не правы в своих представлениях о «правых» на Западе. Но мы твердо, на личном опыте, знали, что такое социализм. У нас он вызывал аллергию. Приехавшие из СССР в начале 70-х застали кибуцы с портретами Сталина. «Красный Израиль» не был еще вчерашним днем. Компартия Израиля – это было серьезно, она еще не стала насквозь арабской. Выходцы из «розовых» кибуцев составляли элиту страны. Левые социалисты пользовались огромным влиянием. Альтернативой была только религиозная группа.

Мы – алия из Советского Союза – идентифицировать себя с социализмом не могли. Но Израиль поправел не из-за того, что мы внушили ему свои взгляды. Он поправел от отчаяния. Желание «быть как все», заявить себя полноценными членами Социалистического Интернационала не встретило взаимности в Европе, наоборот, в конце 1970-х отчетливо проявилась поддержка европейскими социалистическими партиями и движениями арабского мира. Именно тогда Израиль стал воспринимать Советы и всё, с ними связанное, как главного врага. Начавшаяся в СССР перестройка ускорила крах соцлагеря. Социализм, как идеология, устал.

Если вы заметили, в XX веке все тотальные идеологии прошли несколько фаз и претерпели определенный кризис. Сионизм – не тоталитарная, но тоже тотальная идеология. Он также претерпел кризис, особенно его левое направление.

– Такое впечатление, что во второй половине XX века наиболее значимых политических достижений в Израиле добивались лидеры правой ориентации, например Бегин, заключивший мирный договор с Египтом...

– ...и от отчаяния впавший в депрессию, проживший последние несколько лет в добровольном затворничестве и в ужасе от происходящего вокруг Ливанской войны. Кого вы считаете выдающимся израильским политиком после Бегина?

– У Нетаньяху были шансы заключить такой договор с арабскими соседями, который держал бы ситуацию под контролем.

– Нет, у него не было шансов на заключение мира с соседями. Могу это доказать. Я много занимался политической журналистикой в Израиле, потом аналитикой, работал копирайтером в нескольких предвыборных штабах. Читаю курс политологии в Высшей школе имени Дубнова в Москве.

– «МВД – под наш контроль» – это не вы придумали? Скандировали в «русских» дискотеках по всей стране...

– Нет, я был против этого лозунга. Это было большой ошибкой, при всей внешней пиар-аттрактивности. Своей агрессивностью слоган оттолкнул возможных политических союзников, например «русских» из партии «ШАС». Из-за него потеряно несколько мандатов.

Я человек правых взглядов. Но в свое время поддержал Эхуда Барака на премьерских выборах. В соответствии с моим умом именно «левые» в Израиле должны были продемонстрировать желание договориться с арабами и «провалиться» на глазах у всего мира. Продемонстрировать миру, что у Израиля отсутствует вменяемый, адекватный партнер. Так и произошло. Сегодня нам, при отсутствии партнера, приходится договариваться со всем миром.

– **Есть мнение, что арабы, как люди со средневековым сознанием, сформированным во времена Халифата, считаются с противником, который пользуется силовыми методами. Попытки договариваться они воспринимают как слабость. Поэтому у «правых» больше шансов в общении с ними.**

– А европейское либеральное сознание сформировано во время Столетней войны? Слишком просто объяснять исламский быт «средневековым сознанием». Это не ментальная характеристика, а характеристика определенного устройства общества. Арабское общество патриархально. Оно не либерально по многим фундаментальным показателям. Что же до самих арабов, то арабы, знаете, бывают всякие. Арабское общество не очень технологично и не особенно к этому стремится, у него иные ценности. Система ценностей либерального мира абсолютно непрививаема обществу, основанному на клановых понятиях.

А что касается силовых аспектов – да! – проблему арабского анклава на территории еврейского государства в свое время возможно и нужно было решать радикально. Обмен населением, трансферты и в прошлом, и на протяжении XX века не обязательно были сопряжены с жестокостью. Возможна система экономических поощрений. После второй мировой войны европейские страны обменивались населением, целые области заселялись переселенцами.

– **Соседи Израиля не захотели сделать палестинцев своими гражданами. Трансферт не состоялся, вернуться в ту ситуацию невозможно. Современную эпоху в Израиле называют постсионистской. Что это означает?**

– Это означает кризис идеологии. Политический сионизм, формулируется просто: жить на своей земле, защищать ее с оружием в руках, молиться своему Б-гу на своем языке. Этот принцип сегодня подвергся мутации. Последние поколения израильтян хотят жить в стране, подобной европейским странам, но не в «еврейском государстве».

– **Может быть, с появлением Палестинской автономии произошло всего лишь размежевание арабских и израильских районов? Идеология при этом не пострадала, осталась той же, только территория уменьшилась?**

– Нет, здесь другое. Тотальные идеологии стареют. Или под влиянием внешних сил, или от «центробежных обстоятельств», как произошло с коммунизмом или с британским империализмом с его киплингеским пафосом. Проходят определенный цикл и разваливаются. А поскольку все эти идеологии не теологичны, а всего лишь религиоподобны, приспособлены к сознанию масс, то они рано или поздно мутируют вместе с этим сознанием. Достигают апогея и пикируют. Сегодня так называемое мировое общественное мнение не позволяет израильтянам решать собственные проблемы собственными средствами, а предполагает право и возможность вмешательства извне в нашу жизнь. Следовательно, Израиль живет в постсионистскую эпоху, причем не добровольно.

– **В классическом виде идея сионизма просуществовала сто лет. Чем она может быть заменена? Идеей жить в либеральном обществе по типу европейского?**

– Я полагаю, что мы не успеем...

– **Так мрачно?**

– Нет, не обязательно в том смысле, что Израиль будет ликвидирован. Но когда нельзя решить какую-либо проблему внутри системы, то решение находится извне. Проблему израильско-арабских отношений нельзя решить внутри ближневосточной системы, сложившейся на данный момент. Но, я полагаю, что через двадцать лет мир будет неузнаваем. Он переформируется. Появятся другие центры притяжения.

Государства, которые находились в центре, отойдут на периферию. Если взглянуть на старые географические карты, то мы увидим страны, обладающие огромной мощью, территорией и человеческими резервами. И где они? Пример Советского Союза показателен. Я тоже считал, что социализм – это надолго, что это такой тысячелетний рейх.

Что же касается Израиля, то мы – региональное государство. А регион может быть переформирован надрегиональными изменениями. Арабский мир, как он существует сейчас, может резко измениться. И не только по цивилизационному вектору.

– Ваша первая военная кампания – ливанская. Чем вам памятен те дни?

– Это была моя первая война. Всё, о чем я читал или видел в кино, вдруг стало почему-то происходить со мной, Мишенькой... И я вдруг понял, что война – некая норма. Конечно, звучит чудовищно. Но война имеет свой быт, свой пафос, свою эстетику. Никакими машинками литературной или исторической эрудиции собственный опыт не заменишь. Особенно когда ты – часть общности: армии, народа, национального государства. Без личного опыта война осталась бы для меня словом, лишенным смысла. Я представлял ее по книжкам Ремарка, по фильмам от «Двух бойцов» до «Хроники пикирующего бомбардировщика».

Позднее я побывал на периферийных войнах на территории России, видел абхазский и осетинский конфликты. Это уже были частности, я не увидел ничего нового. Происходившее на Кавказе было мне знакомо, недаром Израиль находится на другом краю того же сирийско-кавказского разлома.

– В каком воинском звании вы служили?

– Я не боевой офицер, я врач. В израильской армии это называется «кацин рофуа», «офицер медслужбы». Вдруг появилась ответственность за подчиненных. Под моим началом было более десяти человек, отделение, если уподобить Российской армии.

– В составе какого подразделения вы находились?

– Подразделение было вполне серьезное – авиадесантная часть. Война – любопытная вещь. Я ахнул, сколь мгновенно изменился мой симпатичный Израиль. Нет, он не озверел, но вдруг подтянул животик, научился не давать себя убить. Я увидел, чем отличается резервист от восемнадцатилетнего призывника. Я понял, что самое опасное для наших врагов, – это пузатые, со съехавшими на ягодицы шортами, банковские служащие, владельцы зоомагазинов или профессора прикладной математики, потому что дома у них дети, и убить их они не позволят, а поэтому не позволят убить себя. Я попал в армию, где за героизм наказывают.

– В каком смысле?

– Героизм наказуем армейским начальством. Ты должен делать то, что тебе поручают, а не обострять ситуацию и подставлять чью-то или же свою шкуру под пули. Ты не должен позволить себя убить или ранить. При этом я видел, как садились наши вертолеты подбирать не только раненых, но и тела. Иногда при этом мы теряли людей.

Я не теоретически столкнулся с тем, что медицинскую помощь нужно в первую очередь оказывать среднераненым, а не тяжелораненым. Несмотря на то, что тяжелораненый больше в ней нуждается. Вот такая селекция...

Я увидел, что в опасной ситуации легче сходить самому, чем послать кого-то под пули, трудно сказать человеку: «Иди, принеси мне из-под проволоки...» Увидел, как выполняется военная работа, требующая отваги.

В Израиле мы все друг с другом связаны, и потеря солдата – как минимум потеря знакомого твоего знакомого. И когда ты начинаешь чувствовать себя частью этого конгломерата – можно назвать его «народ», можно иначе, – то и рефлексы появляются другие. Кто сказал, что наш мир возможен без войны? Что за слепота, когда такое было? Но в XX веке, угрожавшем людям больше, чем любой другой век, идея мира без войны стала всеобщим упомощательством.

Никто не способен отменить военные конфликты. Это как «отменить явление природы». Война лежит в основе человеческой природы, хотим мы этого или нет. Я не верю, что в будущем войны станут «гуманнее». Этого не происходит. И цивилизация, которая не воюет, а откупается, мне подозрительна.

Я всегда уважал испанцев. Они – народ воинов, их Гражданская война явила образцы героизма обеих сторон. И вот Испания в полном составе из-за десятка терактов на своей территории с милой улыбкой «ложится» под терроризм, соглашается на выполнение всех условий, отзывает своих военных из Ирака. Я понимаю, что такое теракт. В моей мансарде в Иерусалиме до сих пор хранится кафель, упавший после того, как грохнуло в сорока метрах, на углу. А нога смертника упала на соседний балкон. Но если Испания с ее традициями столь легко капитулировала, возникает вопрос: какие ценности отстаивает цивилизация? Является ли ценностью чувство собственного достоинства? Всегда ли надо договариваться? Может быть, есть вещи, которые просто не обсуждаются?

– Как война влияет на современную поэзию?

– Исчезновение гражданских и эпических мотивов, «я» вместо «мы», повышенный «лиризм» и тотальная самоирония – тревожные симптомы. Между пафосом и иронией должна возникать разность потенциалов. Современная русская поэзия вся изощрена на иронию и самоиронию, что, конечно, очень продуктивно, как ответ на поэзию советскую. Но патетическое начало из нее исчезло. Между прочим, «Враги сожгли родную хату...» – советская поэзия, а стихи великие. Бестемье в поэзии свидетельствует о потере энергии. Рекомендую: съездите в эмиграцию. Это воспитывает характер. И промывает мозги, загрязнившиеся от общей замурованности пейзажа.

Ἰσὲσάδ ἰ ἀἰνέσασα ἰ. Ἀἰί ἀἰἰἰἰ

Ἀἰἰἰἰἰἰἰἰἰἰ Ἀἰἰἰἰἰἰἰἰἰἰ.

Ἀἰἰἰἰἰἰ 1982 ἰἰἰἰ

– Какой из военных эпизодов вы вспоминаете чаще других?

– Однажды в Восточном Бейруте я, Миша Генделев, был «израильской военщиной». Слабо владел ивритом и не понял команды об отходе. В результате десантники из бейрутского порта ушли, а нас, «медицину», забыли. На рассвете явился мне человек цвета галоши. Мой «черный человек» был в желтых шнурованных крагах по колено, выше шли шорты, китель с аксельбантом, украшенный серебряным галуном, и блестящий шлем, едва ли не с перьями. Я продрал глаза, изумился и оправил амуницию. Офицер ООН отдал честь и заговорил на непонятном французском языке. Непостижимым образом мы объяснились. Он предлагал

незамедлительно провести демаркационную линию между моим отделением, захватившим порт, и войсками миротворцев, которые вот-вот нагрянут. Я в своей жизни проводил разные замысловатые линии, но демаркационную – никогда. Как же ее проводят? После отхода десантников осталась гора консервных банок с ананасовым компотом; жажды он не утолял, зато им полоскали рот после зубной пасты. И вместе с миротворцем мы начали расставлять в порту компот. Тем временем с развевающимися флагами подоспел авангард вместе с фотокорреспондентами. Увидев оккупанта с компотом в руках, военные журналисты просто «отпали». Но быстро пришли в себя, потому что упускать такие кадры нельзя. Так мое фото попало на обложки.

– В XX веке с русской литературой произошло то же, что ранее с французской или английской – часть ее стала развиваться вне метрополии. Каковы особенности литературы, создающейся на русском языке в Израиле?

– Феномен русской литературы Израиля, возникший в 1960-х годах, сформировался вследствие нескольких предпосылок. Первое: мир неопишем средствами русской классической литературы, ибо мир другой. Второе: русская литература православна, русский писатель обычно человек православный, если не формально, то в своих культурных предпочтениях. Но группа литераторов, живших тогда в Израиле, не разделяла религиозно-культурных ценностей России. Третье: культурной столицей жившей в Израиле общности литераторов был Иерусалим, а не Москва. Мы чувствовали себя репатриантами, а не эмигрантами. Четвертое: идеологический фактор, проблема сионизма. Россия проявляла себя как политический, идеологический и цивилизационный враг Израиля. Наконец, пятое: мы были замкнутой, отделенной от языковой метрополии общностью.

Русская литература Израиля – система внутри системы. Субкультура, в отличие от культуры, не дает второго поколения, у нее отсутствует преемственность. У русской литературы Израиля еще до Большой алии появилось второе поколение. Но в этот момент изменились внешние обстоятельства. Россия открылась, приехала алия 1990-х, вкусившая перестроечной квазисвободы. От того, что «поскользнулась» – я смягчаю – советская власть, изменились идеологические обоснования литературы: представления о свободе, о правильном высказывании. Изменилось коммуникационное пространство. Читатель заходит в Интернет. Писатель покупает авиабилет и через четыре часа находится в центре Москвы. Он сталкивается с большой – не великой, позволю себе сказать, – но с многочисленной культурной общностью. Пятьсот, как в одной Москве, а не двадцать, как во всем Израиле, театров, другие тиражи. Писатель может иметь в виду и эту аудиторию... Воздействие России на русскую литературу Израиля сегодня огромно. Как явление культуры, израильская русская литература состоялась, но станет ли она музеем или будет живым фактором, я не знаю.

– Над какой книгой вы работаете сейчас?

– Я написал книгу стихов, назвал «Из русской поэзии». Два издательства заинтересовались, решаю, кому ее отдать. А следующая книга, куда включу оды, эпитафии, дразнилки, «Обстановку в пустыне», корпус военной лирики, будет называться «Любовь, война и смерть в воспоминаниях современника».

– Дразнилки и «Обстановка в пустыне» – это иронические либо юмористические стихи?

– Нет, не пишу юмористических стихов. Я пишу то, что нельзя.

Детское воображение будущего поэта больше занимали истории, которые рассказывали старая бабушка и тетушки по материнской линии. Рассказы их напоминали сказки из «Тысячи и одной ночи». Оказывается, его предки в XVII веке пользовались большим почетом при дворе курфюрста и курфюрстины, владели особняками, больницей и даже замком. Старуха живописала массивную золотую и серебряную посуду, персидские ткани на стенах, хотя к тому времени, как она вышла замуж за врача Готшалка ван Гельдерна, богатство уже уплыло из рук. Сам Готшалк, дед поэта, получил университетское образование и стал доктором медицины на деньги, вырученные от продажи драгоценностей, которыми был украшен молитвенник его матери. Истории, рассказанные старыми женщинами, можно было бы считать выдумкой, но сохранилось одно материальное подтверждение, а именно фронтиспис к «Агоде» ван Гельдернов, относящийся к XVII веку. Ныне он хранится в библиотеке Еврейского религиозного института в далеком Цинциннати. Репродукция помещена в книге «Judentum in Literatur und Kunst» (Kцln, 1995). Это – прямое свидетельство богатства и высокого культурного уровня предков Гейне.

Дядюшка Гарри, Симон ван Гельдерн, прошедший в иезуитской школе курс гуманитарных наук и пробудивший в мальчугане охоту к литературным опытам, щедро одаривший его книгами, представлялся племяннику героем староиспанской драмы, поскольку обладал честнейшим и благороднейшим сердцем и проявлял истинно рыцарское достоинство. То, что оригинал-дядюшка «вместо блестящего рыцарского плаща носил невзрачный сюртучок с фалдами, напоминавшими точь-в-точь хвост трясогузки», то есть представлял собой фигуру отнюдь не героическую, а скорее забавную, комическую, ничего не меняло.

Неизгладимое впечатление на мальчика произвела личность его двоюродного деда, которого называли Шевалье, или Восточный человек. Она открылась ему не только в рассказах и анекдотах, накопленных старыми тетушками, но и через его записную книжку, которую Гарри откопал в пыльных сундуках в чердачной комнате своего дяди. Позже, в библиотеке Дюссельдорфа, он обнаружит брошюру на французском и английском языках, изданную двоюродным дедом в Лондоне, где тот жил некоторое время. Это была оратория «Моисей на Хориве». В семейных анналах сохранился факт паломничества деда в Иерусалим, где на горе Мориа ему якобы было видение. Впечатлительный мальчик так глубоко погружался в авантюрную жизнь и полную превратностей судьбу своего покойного деда – занятого путешественника, что ему начинало казаться, что он заново проживает жизнь этого давно умершего человека. Убедительные свидетельства тому Гейне приводит в «Мемуарах», к которым мы и отсылаем читателя.

Ван Гельдерны гордились происхождением от испанских евреев-сефардов (Сфарад – на древнееврейском Испания) и свысока поглядывали на немецких евреев-ашкеназов (Эрец Ашкеназ – «немецкая земля» на древнееврейском). Корни рода Гейне терялись в далеком Средневековье, история семьи ван Гельдернов отразила историческую тенденцию: они принадлежали к испанским евреям (возможно, среди их предков были и насильственно крещенные марраны), которые, уходя от преследования инквизиции, переселялись на север – в Нидерланды, где в Амстердаме возникла одна из крупнейших еврейских общин, и в северную Германию (Альтону, Гамбург).

В «Бахарахском равнине» взгляд Гейне устремляется к Испании, к золотому веку еврейской культуры в зоне испано-мавританского культурного влияния. Драматические события в жизни немецкого еврейства (о них речь пойдет ниже) ассоциируются при этом с историей изгнания и насильственного крещения евреев Испании и Португалии, временами инквизиции. Это произведение явно связано с поиском национальных корней немецкого еврейства и духовных основ собственной родословной. Одновременно повесть отражает ту борьбу, которая происходила в душе и сознании поэта. Ведь когда он приступил к ее созданию, он уже подумывал о крещении, при этом осуждая себя как дезертира и отступника. Религиозно-этические категории вины и греха получают в повести художественное воплощение.

Главным героем, на что указывает название, является потомственный раввин небольшого прирейнского городка Бахарах рабби Авраам, человек еще не старый, но прославившийся ученостью. Семь долгих лет изучал он Б-жественный Закон в высшей школе Толедо. Действие происходит в XV веке. Завязкой служит страшное происшествие во время пасхального сейдера. Бахарахский раввин празднует Пейсах в своем доме в окружении многочисленной родни и учеников. Перед читателем разворачивается настоящая религиозная идиллия. Внезапно появляются два незнакомца в темных плащах, назвавшиеся единоверцами. Никто не заподозрил беды. Их усадили за стол, на почетное место рядом с Авраамом. И вдруг он случайно заметил под столом, у своих ног, окровавленный детский труп! Его подбросили незнакомцы. В эпоху далекого Средневековья время от времени такие происшествия случались, и каждый раз – на Пейсах. За «преступление» платила жизнью вся община.

Окаменевший от ужаса раввин понял, что ночью в его доме начнется резня. Не подав виду, что он заметил труп, Авраам продолжал читать Агоду. Улучив момент перед трапезой, он вышел из комнаты, сделав

знак жене следовать за ним. Лишь на берегу Рейна он объяснил ей, что им грозит смертельная опасность. Раввин заверил жену, что их родичей и друзей нечестивцы не тронут, удовлетворившись грабежом дома. С помощью соседского мальчика-рыбака им удалось уплыть далеко от Бахараха.

Новый день застал беглецов у городских ворот Франкфурта-на-Майне. Когда стражники ихпустили, они направились в гетто, обитатели которого по случаю праздника собрались в синагоге. Супруги тоже вошли туда, жена раввина Сара поднялась в помещение для женщин. Сквозь решетку она благоговейно наблюдала за обрядом выноса свитка Торы, ее восхитило пение кантора, правда, болтовня женщин отвлекала ее, но всё же она услышала голос своего мужа. Она вслушалась в его молитву, и вдруг до нее дошло, что он поминает многочисленных родственников, в том числе ее сестер, маленьких племянниц и племянника, поминает как невинно убиенных. Силы покинули несчастную.

Тут мы оставим героиню и обратим внимание читателя на негативную нравственную оценку, которую получило бегство бахарахского раввина в наши дни. В 1937 году берлинский литературовед Эрих Лёвенталь в послесловии к повести указал на «удивительную безответственность, с которой раввин в минуты опасности тайно покидает доверявшую ему общину во имя собственного спасения». Сам Лёвенталь, в отличие от рабби Авраама, разделил участь своих соплеменников и погиб в Освенциме в 1944 году.

Задумывался ли сам Гейне над этической стороной поступка рабби? В письме к Мозеру (01.07.1825), где он подробно рассказывает о работе над «Раввином», Гейне выражает уверенность, что только он может написать эту книгу и «что создание ее – дело нужное и угодное Б-гу». В этом же письме обращает на себя внимание пассаж, где он ведет речь о разности натур его и... Гёте. Гейне считает, что Гёте по природе своей легкий и жизнерадостный человек, для которого самое высшее – наслаждение жизнью. «Хоть он и чувствует и догадывается, что значит жить ради идеи, он не принимает ее глубоко и не живет ею». Себя Гейне оценивает как энтузиаста, преданного идее до самопожертвования. Однако он хочет быть честным до конца и признаётся: «Но в то же время я понимаю и наслаждение жизнью, я нахожу в нем удовольствие, и тогда во мне возникает великая борьба между моей ясной разумностью, которая ценит жизненные блага и отмечает как глупость всё жертвенное воодушевление, и склонностями мечтателя...» Прервав рассуждения на эту явно волновавшую его тему, Гейне мимоходом замечает: «Да, эту тему ты найдешь и в “Раввине”».

Вот слово и сказано. Не предвещает ли бегство бахарахского раввина будущего дезертирства из иудаизма самого автора? Некоторые полагают, что Гейне в молодости был далек от еврейства, так что и говорить о дезертирстве не приходится. Это не так. В 1819 году хулиганский клич «Хеп! Хеп!» (аббревиатура от Hierusalem est perdita, что на латыни означает «Иерусалим разрушен»), служивший сигналом к погрому, пронесся по многим германским землям. А в просвещенных кругах нашлись «теоретики» антисемитизма. Профессор истории Берлинского университета Рюс опубликовал брошюру «О претензиях евреев на немецкие гражданские права», в которой настаивал на том, что враги Христовой веры должны быть отделены от всех других граждан: они должны носить особую одежду, жить в особых кварталах. Некто «барон Х» издал памфлет «Зерцало еврейства», в котором предлагал продать возможно больше евреев англичанам для работы на заокеанских плантациях, мотивируя всё это подходящим моментом: английский парламент запретил торговлю черными рабами, между тем нужда в рабочей силе увеличилась. Оставшихся в Германии евреев мужского пола барон требовал кастрировать, а женщин и девиц определить в публичные дома. Такое вот решение еврейского вопроса!

Èèèpñò ðàòèÿ é ðì ò «Ààòààòíèé è ðààèí».

Ì àèñ Èéáàðì àí.

1923 ãä

В 1822 году был частично отменен эдикт 1812 года о гражданских правах евреев Пруссии, и они вновь лишились возможности преподавать в университетах и школах. Можно только догадываться, сколько унижительных уколов и обид претерпел Гейне, если в письме от 14 апреля 1822 года закадычному другу Христиану Зете, с которым он учился в лицее, а затем встретился на юридическом факультете в Берлине, решился на такие строки: «Я говорю, что не могу быть больше твоим другом, только потому, что всегда был честен и прям с тобой до конца и не хочу тебя обманывать и сейчас. У меня теперь совсем особое настроение, и оно, пожалуй, главная причина всему. Всё немецкое мне отвратительно, а ты, к сожалению, немец. Всё немецкое действует на меня как рвотное. Немецкий язык режет мне ухо. Временами мне противны собственные стихи; я вдруг понимаю, что они написаны по-немецки <...> Я бы никогда не подумал, что животные, именуемые немцами, принадлежат к такой скучной и в то же время к такой коварной породе».

На волне подобных настроений в 1822 году Гейне вступил в берлинское Общество науки и культуры евреев, во главе которого стояли историк еврейской литературы Леопольд Цунц и блестящий гегельянец, доктор права Эдуард Ганс, создавшие Общество в 1819 году. Гейне познакомился с Гансом в салоне Рахели и Карла Варнгаген фон Энзе, где он встретил понимание, где его поэтический талант был признан, где никто не сомневался в его будущем. В этом Обществе Гейне приобрел близкого друга Мозеса Мозера, которого называл «живым эпилогом к “Натану Мудрому”», и сблизился с Йозефом Леманом, Иоэлем Вольфом (Вольвилем). Все они принадлежали к первому поколению эмансипированных евреев и при этом были, как и сам Гейне, «отчаянными гегельянцами». У Общества имелись филиалы в Гамбурге, Франкфурте и других городах, где проживали евреи. Гейне принял настолько активное участие в его работе, что и сам начал вести занятия по немецкому, французскому языкам и истории Германии, которые продолжались всю осень 1822 года.

Пребывание Гейне в Берлине не было очень длительным, он вел жизнь перелетной птицы, но связи с Обществом продолжались, и они, несомненно, были для него значимы. Молодой Гейне избегал шумных студенческих сборищ, он не стремился в этот круг по многим причинам, и не последнюю роль играло опасение услышать в свой адрес пренебрежительное: «Говядина!» Так на студенческом жаргоне называли евреев. Будучи крайне щепетильным в вопросах чести, Гейне не раз дрался с обидчиками на дуэлях. Тем более он дорожил новыми друзьями-интеллектуалами из Общества, с ними на протяжении нескольких лет он состоял в активной переписке. Его письма позволяют судить о том, насколько значима еврейская ипостась Гейне.

Слабость, пассивность евреев рождали у начинающего поэта горькие чувства. В письме к Вольвилю (от 1 апреля 1823 года) Гейне пишет: «Мы больше не ощущаем в себе сил, чтобы носить длинные бороды, поститься, ненавидеть и из ненависти терпеть; вот источник нашей реформации <...> У меня тоже нет сил носить бороду, чтобы мне вдогонку кричали: “Еврейчик!” – нет сил поститься и т. д. У меня даже нет сил как следует есть мацу. Я живу сейчас у еврея (напротив Мозера и Ганса) и получаю вместо хлеба мацу, и ломаю себе о нее зубы. Но я утешаю себя и думаю: “Мы ведь в изгнании”».

Чувство сопричастности к Обществу (он даже поселился рядом с его активистами) заставляет Гейне часто прибегать к этому «мы»: «...Мы, ученые евреи, постепенно совершенствовали немецкий стиль» – это из письма Цунцу. В том же 1823 году в письме Мозеру он признаётся в любви «к нашему праведному делу». В этом же письме содержится интересное признание в сослагательном наклонении: «Если бы я был немцем (но я не немец – смотри многие страницы у Рюса и Фриса), я стал бы...» Сегодня эти имена никому ничего не говорят. За ними – берлинский и йенский профессора-антисемиты, писания которых, по мнению Гейне, настолько опозорили немецкую нацию, что ему стыдно быть к ней причисленным.

Сам Гейне в эту пору намерен с энтузиазмом бороться за права евреев и их гражданское равноправие. «И в тяжкие времена, которые неизбежно наступят, – обещает он другу, – немецкая чернь услышит мой голос, эхо которого прогремит в немецких пивных и дворцах».

Признаваясь в другом письме Мозесу Мозеру в том, что он не является «энтузиастом еврейской религии», «которая первая провозгласила неравноценность людей (Гейне имел в виду объявление евреев Богоизбранным народом. – Г. И.), что причиняет нам теперь столько страданий», Гейне в то же самое время в письме Йозефу Леману (от 26 июня 1823 года) просит приятеля: «Поставьте меня в известность, если где-нибудь найдете выпады против меня, особенно затрагивающие мою религию».

Отказываясь быть немцем в 1823 году, Гейне тем самым включал себя в еврейский круг. Но во время работы над «Бахарахским раввином» он решает креститься. Сделано это было 28 июня 1825 года тайно, но с согласия семьи. Мотивировка этого шага была достаточно цинична: через две недели он должен был получить диплом и рассчитывал на должность. Внутренне он испытывал глубокий стыд. Другу Мозеру он пишет откровенно: «Мне было бы очень жаль, если бы мое собственное крещение явилось тебе в благоприятном свете. Я не вижу, чтобы мне полегчало, напротив, с тех пор я еще больше несчастлив». А потому, когда до него дошли слухи, что Ганс, крестившийся несколькими месяцами ранее, проповедует христианство и всерьез пытается обратить сынов Израиля в новую веру, он откликнулся на эту новость следующим образом: «Если он это делает по убеждению, то он дурак; если он делает это из лицемерия, то он подлец. Я, конечно, не перестану любить Ганса, но, тем не менее, признаюсь, что мне было бы гораздо приятнее, если бы вместо этой новости я узнал, что Ганс украл серебряные ложки». А над собой он иронизирует: «Я становлюсь теперь истинным христианином, то есть состою паразитом при богатых евреях». Но его шуточки – маска, а под ней человек, переживающий глубокий кризис.

О том, что предпринятый шаг дался Гейне нелегко, говорит и стихотворение «Отступник», которому переводчик В. Зоргенфрей дал название «Отщепенцу», несколько меняющее смысл, ибо речь в нем идет о ренегатстве.

Î, èàè þí ïñò ù ááççááí ò í à!

Î, èàè áúñò ðí ò ù ÿ ÿ ääèññ!

Èàè èäèèí è èàè í òí ò í î

Ñí Áíááí ò í èí ò èèññ!

Î äèí äò í î è äúñèááí î

Óðà ò èèññ çà ðáñ ÿ ò úá

Òí, èí ò í ðí î ó í ääááí î

Î ïññèàè áúá í ðí èèññ ò ùñ!

Áí ò í í î - ÷ è ò à ò ù çáí í áí !

Óèáñèñ Áàèèáð Ááðè - î, äðááí è!

Áúè â-áðà áúá áúðí áí,

À ïññááí ÿ ÿ èò ò ÿ ïññèááí èé!

Стихи были посвящены Гансу, но этот уничтожающий приговор Гейне вынес и самому себе. Ганс, его душа – это то зеркало, заглядывая в которое поэт узнаёт себя. И он признаётся другу-исповеднику: «Я часто думаю о нем (о Гансе – Г. И.), потому что о себе самом мне думать не хочется».

Отправляя Мозеру очередное стихотворение, Гейне представляется молодым испанским евреем, «евреем в глубине души, но из высокомерия и заносчивости принявшим крещение». В этой маске легко узнать героя «Бахархского раввина» – молодого испанца дона Абарбанеля, который появляется на улице Франкфурта во всем великолепии рыцарского одеяния. И рыцарь преграждает путь героям, подступая к прекрасной Саре, жене раввина, с галантными комплиментами.

Вспыхнуло от боли лицо прекрасной еврейки, и ответила она жестко: «Когда хотите вы стать моим рыцарем, то принуждены будете сразиться с целым народом и в этой борьбе сыщете мало благодарности и еще меньше чести! И когда вы хотите носить мои цвета, то принуждены будете нашить на свой плащ желтые кольца или повязать фату с синими полосами, ибо это мои цвета, цвета моего дома – дома, что зовется Израиль и весьма страждет и над которым глумятся на улице сыны счастья!»

Аббарбанель

Гордая речь еврейки-парии разрушила маскарад, и «рыцарь», краснея и запинаясь, признался, что он не хотел оскорбить Израиль, что он сам принадлежит к этому народу, ибо его дед, а возможно, и отец были евреями. Гейне дал герою благородное имя Абарбанель, представив его племянником известного сефардского богослова, дипломата и министра при португальском и испанском дворах. Исаак бен Иеуда Абарбанель (1437–1508) – фигура историческая, он прославился комментариями к Ветхому Завету, после изгнания евреев бежал из Испании в Италию. Известно, что его младший сын принял христианство. О племяннике раввина история умалчивает, Гейне его придумал. Герой этот чрезвычайно важен, ибо является своеобразным alter ego автора.

Из дальнейшего выясняется, что рабби Авраам и молодой дон Абарбанель знакомы. Во время учебы в Испании рабби Аврааму довелось спасти юношу, тонувшего в водах Тахо, после чего они подружились. Теперь между ними происходит показательный разговор. Раввин стыдит молодого маррана за отступничество: «Негоже льву отречься от самого себя! Как в таком случае станут поступать звери послабее льва?»

«Не смотри на меня с отвращением, – отвечает молодой испанец. – Мой нос не стал отступником. Когда случай завел меня в обеденное время на эту улицу и хорошо знакомые запахи еврейских кухонь зашекетали мои ноздри, тогда овладела мною та самая тоска, которую ощутили наши отцы, когда вспомнили о горшках с мясом в Египте; вкусные воспоминания юности зашевелились во мне...» Дон Абарбанель приглашает раввина с женой отобедать в «лучшую харчевню Израиля». На этом фрагмент обрывается.

Перечисление вкусоностей еврейской кухни, память о которых сохранилась у Гейне с детских лет, дает богатую пищу для разговора о запахах еврейства, который неизбежно приведет нас к Розанову с его «обонятельным и осязательным», к Мандельштаму с его «хаосом иудейским», заставит вспомнить «особенный еврейско-русский воздух» Довида Кнута и Б-г знает что еще: всё, что вмещается в емкую формулу «мускус иудейства». Но это уведит от главного.

А главное заключается в признаниях Абарбанеля относительно его истинного вероисповедания. В ответ на упреки раввина он отвечает: «Да, я язычник, и равно противны мне как сухие, безотрадные иудеи, так и пасмурные, ищущие мучений назарейяне... Да простит мне наша богородица из Сидона, священная Астарта, что я преклоняю колена и молюсь перед многострадальной матерью распятого... Только колена мои и язык мой славят смерть, сердце мое хранит верность жизни!..»

Нужно ли говорить, что перед нами символ веры молодого Гейне. И он не столько перешел в христианство, сколько крестился в язычество, в «эллинизм». Впервые он заговорил о назарействе как о понятии, не связанном с религией. Оно станет ключевым в его споре с Людвигом Бёрне. А что касается «Бахарахского раввина», то он остался незавершенным, хотя Гейне собирался опубликовать его в 1825 году, включив в один из томов «Путевых картин». Даже на исходе декабря он не отказался от этого намерения, хотя и признался, что «“Раввин” опять не двигается с места». Однако в 1825 году произошли события, о которых шла речь выше. Они привели к фактическому распаду Общества. Интересы, которыми Гейне жил несколько лет, отходят на задний план, потому и работа над «Раввином» застопорилась.

Однако даже спустя двадцать лет Гейне будет помнить своих друзей, с которыми он сошелся в Берлине, и посвятит памяти одного из них сочинение «Людвиг Маркус. Поминальное слово», которое было анонимно напечатано в аугсбургской «Всеобщей газете» (май 1844 года). Некролог покойному Маркусу, духовному наследнику Мозеса Мендельсона (по странному совпадению Маркус тоже происходил из Дессау и был физически тщедушным и слабым), невольно привел Гейне к некрологу... всему Обществу. Он отдал дань умершим к этому часу Гансу и Мозеру, с любовью написал о Бен-Давиде и Цунце. Это обо всех них им сказано: «Духовно одаренные и глубоко чувствующие люди пытались спасти с помощью этого Общества давно проигранное дело, но самое большее, чего им удалось добиться, это разыскать останки более древних борцов на полях прошлых битв».

Еврейская Ода.

Характеристики и оценки вышеназванных членов Общества весьма любопытны, но еще интереснее и важнее мысли Гейне о необходимости эмансипации евреев: «Да, на эмансипацию всё-таки придется согласиться рано или поздно, по чувству ли справедливости, по благоразумию или по необходимости. Антипатия к евреям среди высших классов не имеет уже религиозных корней, а среди низших классов она с каждым днем всё больше и больше превращается в социальную ненависть (разрядка наша. – Г. И.) к господствующей власти капитала; к эксплуатации бедных богатыми. Юдофобство носит теперь совсем другое название, даже у черни. Что же касается правительств, то они наконец добрались до высокоумной идеи, что государство есть организм и что последний не может быть здоровым до тех пор, пока хоть один-единственный из его членов, будь то хоть мизинец ноги, страдает каким-нибудь недугом. Да, как бы гордо государство ни подымало свою голову и как бы ни встречало оно открытой грудью всяческие бури, – сердцу, и груди, и даже этой гордой голове всё-таки придется разделить боль с мизинцем, если он страдает от мозолей; ограничения в правах евреев являются такого рода мозолями на ногах немецкой государственности».

Положение еврейства в Германии по-прежнему продолжало волновать его. Незадолго до смерти Гейне открывает свое авторство «Поминального слова» и дополняет сочинение «Позднейшей заметкой». В марте 1854 года он высказывает глубоко продуманную, можно сказать, выстраданную мысль о том, что еврейский вопрос в Германии – это прежде всего немецкий вопрос. Освобождение евреев невозможно без раскрепощения, без эмансипации самих немцев: «Евреи <...> лишь тогда будут по-настоящему эмансипированы, когда христиане также полностью добьются эмансипации. Их дело тождественно делу

немецкого народа...» (разрядка наша. – Г. И.). Эти строки звучат настолько актуально (и не только в Германии!), что трудно поверить, будто они написаны 150 лет назад.

В о́ддѣ а́тѣ е́ і́ дѣе́е́ і́ а́р...

Или Некрасова:

І̀ò èèèφùèè, і̀òàçíí í áíèòàρùèè,

І̀ ààäÿρùèè ðèèè á èðíàè,

Òààèè í áíÿ!..

Такого самоощущения, такого самосознания у Маршака не было. Не тот характер, не тот темперамент. Но...

– Можно ходить в бардак, – любил повторять Семен Израилевич Липкин. – И можно ходить в синагогу. Но нельзя путать бардак с синагогой.

Так вот: каков бы ни был Маршак и что бы ни говорил он о дорогах, которые прокладывает для нас наше родное государство, дорогу, ведущую в храм, от дороги, ведущей в бардак, он отличал. И первую со второй никогда не путал.

Ñ. І̀ àðòàè: «І̀ è-àã íá ííàèààòù! І̀ ù íá á ÷èèàã, í ÿ áíðíàÿ!.. Òàè èè àíøèí, ÷òí í ù ðíàèèèíí á òòàíá, àà í àèÿ í è í à øàáíòòè è òù á òòíðíó í ò àíðíàè: òòàç í íí ààòù á ò ðÿíè í ò»

***

Мы стояли втроем около сцены: Валя Берестов, я и друг Маршака – британский парламентарий Эмрис Хьюз. Утопавший в цветах гроб с телом Самуила Яковлевича еще оставался на сцене: утомительная гражданская панихида только что кончилась.

Валя бойко болтал о чем-то с Хьюзом по-английски. Я делал вид, что тоже принимаю участие в разговоре, хотя не понимал ни слова. Нет, какие-то отдельные слова я понимал: вот, например, только что мелькнувшее слово «рашен». Но смысл того, о чем они говорили, я не улавливал.

– Что? Что он сказал? – не выдержав, спросил я у Вальки.

Валька перевел:

– Что не видал в жизни ничего страшнее русских похорон.

Я попытался увидеть происходившее глазами англичанина.

Что говорить! Процедура была тяжелая.

Сладкий, одуряющий запах цветов. Надрывающая душу траурная музыка. Бесконечная вереница людей, идущих мимо гроба. Почетный караул. И наконец – речи, речи. Бесконечные речи: искренние, человеческие – и лицемерно фальшивые, официальные, полагающиеся покойнику по его месту в официальной табели о рангах.

– Объясни ему, – сказал я Вальке, – что это не русские, а советские похороны. К тому же – государственные. По самому высокому разряду.

Я уже упоминал однажды на этих страницах о речи, которую произнес над гробом Маршака Лев Абрамович Кассиль. «Впервые, – сказал он, – после смерти Алексея Николаевича Толстого наша литература понесла столь тяжкую утрату». Рассказывал я и о том, как пытался в своей книжке о Маршаке оспорить этот тезис, напомнив Льву Абрамовичу, что после смерти Алексея Николаевича Толстого наша литература потеряла Платонова и Заболоцкого, Зощенко и Пастернака.

Но по правде говоря, Кассиль-то был прав. Ведь он исходил из официальной советской иерархии, согласно которой между А. Н. Толстым и Маршаком мог стоять разве только один Фадеев. (С ним прощались по еще более высокому, самому высокому разряду: в Колонном зале.)

Называя имена Зощенко и Платонова, Заболоцкого и Пастернака, я хотел напомнить, что, помимо официального, государственного, существует еще и другой – Гамбургский счет.

Бросив Вальке свое «Объясни ему», я имел в виду и это. Но главным образом всё-таки другое: хотел, чтобы англичанин понял, что эта жуткая, ублюдочная смесь траурной панихиды и партийно-государственного митинга не имеет ничего общего с традицией обычных русских похорон, что этот омерзительный государственный ритуал – чисто советское изобретение, и нам с Валькой он так же чужд и непрятен, как и ему, иностранцу.

А после кладбища (там, к ужасу Хьюза, снова повторялись и варьировались эти бесконечные речи) мы с Валькой поехали ко мне.

Был разгар лета, июль, всё мое семейство было на даче, и эту ночь в моей пустующей квартире мы с Валькой провели вдвоем.

Помню неожиданное тогдашнее Валькино признание. Он сказал, что никогда не думал, что смерть Самуила Яковлевича – в общем, не такая уж неожиданная – станет для него таким горем.

И всю ту ночь напролет мы читали стихи.

Валька вспомнил – и прочел – чуть ли не все стихи Маршака о смерти: «Как призрачно мое существованье. А дальше что? А дальше ничего...», «Люди пишут, а время стирает...», «Года четыре был я бессмертен, года четыре был я беспечен, ибо не знал я о будущей смерти, ибо не знал я, что век мой не вечен...»

И это:

Аñ òì èðààò íà çàì èá è áì íðá

Í í ÷ áëí ááé ñððá áé ññæ ááí :

Í í áñé ááí çí à ò ù í ñ á ò ò í ñ ì ðé ñ á ð á

Í í á ñ é ñ á í ñ ñ , é ñ á á í í á ù é ð ñ á á á í .

И вот это:

È ñ á è ò á æ è ç í ù ì í í è ù á á æ è á ù .

Í á æ í á é è ñ á ò ò ù ð ò í è ù é í ì è á

*À òàì íá áóúáò í è èðàì è áú,
Í è ðíç, í è íáí áéúú èò, í è éí éá
È ìí éí óá áúáéá í á çàì áò è ò,
× òí á áéóáéí á èá è èò òí áéáç
Í á yò í é í áéáí úéí é í éáí áò á
Í ááí è è ìáò áá í íááí*

И, наконец, вот это, как мне казалось, самое последнее, совсем уже предсмертное:

*È ÷ ááí í áò áé. È ìí áðò úí ð è ò é á, é á è á áéí,
Í ð è ò é á í á á ð í á í ò è ÷ áá é è ò í á ÷ ò áá,
Á é á è ò í í ð í ò í í á ð á á á í ç á é á á á é á,
Á í á í ç á é ó é á í ò ÷ á y í ú á é ì ò ð á á.*

Все эти стихи я хорошо знал, и мы с Валькой читали их наперебой, прерывая и перебивая друг друга.

Но одно стихотворение, прочитанное Валькой в ту ночь, я услышал тогда впервые. Именно оно, сказал Вая, было его последним:

*Áíá ò á, è ò í áú è áò í á çàì é á
Í ð è áíáí è ó ìáí í í í á í è è -
È è ò ú í ò ð á é á í é y á ì ò á é é á
Í è á í é á á, í è í á í á á
È á è è ò è ð á á é y á í è ð á ç í á é,
Á í è ò ì ò í é ú é í ì ò ð á ì ò è á ú é í,
Í í è ò ì í í á á ð á í í ò è ç á ð é á é
È á è á ó á ò í ò ð y í é í é ì ú é í.
B ç í á ð: í ú í á ð á: á í ú
Í á ì á ð ò ú ì á í y ð í á é á á í é y.
Í í á é y ÷ á á ì ì ò ð á á á ò ú á í é á é í ú
Áíá y ò è í ò ð á é á í é y?
È í á á é á é è ò í é ú é í ì í -
Áíá y ò è è ð á í é è, ç á é è,*

È ãñòíò ì èèèèííá òííí,

È ñòíí ì ðááñ ãðòííé ì óéé?.

Не знаю, оказали бы на меня эти стихи такое сильное действие, услышь я их не в ту ночь, не под свежим впечатлением только что пережитого последнего прощания с Самуилом Яковлевичем. Но резкое отличие их от всех других стихов Маршака для меня несомненно. В отличие от тех его стихов, которые я знал раньше, в этом явственно звучал совсем другой, новый мотив. (Поэтому я и поверил сразу, что оно – последнее.)

В прежних своих стихах, размышляя о смерти, он всегда пытался найти для себя какую-то точку опоры, какое-то, пусть слабое, но утешение при мысли о том, как призрачно его (наше) существование.

Иногда это утешение слегка отдавало казенным советским оптимизмом:

Í àò, áúáò ì èð ññíáñò áí ááò ùí'

È íáñò ùí áí ý á íáí í áò,

Í í ý óñí áé ááñí ì èð íáí ý ò ùí

Áñá ì èèèèíí ù éáò.

В ì ùñéé, ÷ óáñò áí ááé, ý æéé

È áñ, ÷ òí ì íá í ññò éá

È ý ò èí ì ðááñ çáñé óæéé

Í á ñáé ááññ ãðòííé ì éá

Но бывало, что это же нехитрое утешение звучало у него по-своему сильно и поэтически убедительно:

Ì í á æáé ùí ì í áé è ð ááé, ì í èð è ð áé ì ùí

Ááò é ð áò è éé ááé, ó ó ááò é á á ð ó çí ý,

Èñ: á ç í á ð á á ç ñé ááá á í áéñ: èñéè ì ùí

Í áñ çí áí í ùí ááéá ò í ááí ò è ý.

Çááñí í á çáí éá, áñ ì ðñ æééè ò áé ì áéí,

Í í á æóáé í á í ò è ð ùí ò ùí ð ááò è ð æá ç

Ò ááéá çáí è ý, è í ááí ðáññ ááò áéí,

È çá çá í ùé ì èð ñé ýé á ç á: éá ð ó ááñ

Çá é ð áò è éé ááé ñ ò ðááá í éé è ðñééé,

Ò ðááí á í á: áé áé, ðááí ñ ò áé è áóí

Áñ áé áí í ó ð áñ ñá ðááí í ò ðá çé éé

È á ì ó ç í é ó í ð á í á ð á çé éé ó ó í .

В новом, последнем его стихотворении не осталось и следа от этих «поисков оптимизма». Не осталось уже никаких надежд найти для себя в своих размышлениях о смерти хоть какую-то «точку опоры». Ничем уже не в силах он заглушить настигшие его «отчаянье и страх»...

Обо всем этом – разумеется, в меру тогдашнего моего понимания – я попытался сказать в своей статье о Маршаке, вошедшей в мою книгу «Рифмуется с правдой...» (1967), а потом и в моей книжке о нем, вышедшей годом позже. Я говорил там, что всё это, конечно, не ново, что те же мысли мучили Толстого и чуть не довели до самоубийства его двойника – Левина:

Ἄ ἀπερία:ίίη ἀδαι αἰε, ἀ ἀπερία:ίίηδὲ ἰ ἀοάδὲ, ἀ ἀπερία:ίίη ἰδὴπὸδαῖπὸαἰ ἀταεγαδὴν ἰοῦδαε-ἰδαίεσι, ἰ ἰοῦδαε γοῖο ἰῖαῖκεεὸνῆ ε εἰίῖαο, ἰ ἰοῦδαε γοῖο - ῖ.

Приведя эту толстовскую цитату, я писал:

Ἰ ἰ οἰ, -οἰ εαῖεἰνῖ Ἐαεἰό (ε Ὀεἰὸ ἰ)

ο) εἰε ε -οἰεαεἰίε ἰ αἰ δααἰε, ἰοεαἰβυαεἰῆ αἰ αἰ ἀεαἰίῖ ἰἰ ὄτᾶδᾶεαἰεε, αἰε εεδε:αἰεἰᾶ ἄαῶῖ Ἰ ἀδᾶεα ἰαἰ ὄτᾶδᾶεεἰ ἰ ε ἰαἰ δαεἰἰ. Ἀ ἠδᾶεα Ἰ ἀδᾶεα αἰδᾶεαἰ ἰ εδῖἰῖοἰαἰεα εἰ αἰἰ ἠαῶαἰ αἰἰᾶ -αἰεἰαεα, αἰε εἰοἰὄτᾶ ἰδᾶἰἠαεαἰεῖ, ἠαῖαἰῖα ἠ ἰδᾶἰεἰαἰ ε ἰ ἀοάδᾶεεἰἠε:αἰεἰε ὀεεἰἠᾶεε, ἠαεε ἰδᾶἰ-ἰῖἰ ε ε δαεἰῖῖἰ ε, αἰδᾶἰἰε ἰδᾶἰ ἀαἰ ε αἰ ἀοαἰἰᾶ ἰαεἰᾶ: «ῤαῶαἰ ὀαεἰ εἰ ῖ ε ἰδᾶἰῖα Ἰ αἰἠαἰᾶ, ἀ ὄεἰεἰ αἰαἰᾶἰ...»

Говоря попросту, я не сомневался, что Маршак – конечно же! – не был религиозен. Мне казалось, что о чем другом, но об этом-то уж точно не может быть двух мнений!

Каково же было мое изумление, когда мне пришлось выслушать не просто другое, а прямо противоположное мнение по этому поводу. И высказал его мне человек, которому я не мог не верить. Хотя бы потому, что он знал Самуила Яковлевича куда дольше, ближе и лучше, чем я.

***

Этим человеком был Алексей Иванович Пантелеев.

В то время мы с ним регулярно переписывались (я жил в Москве, он – в Ленинграде), и обсуждение той моей статьи про Маршака (а потом и книжки) в этой нашей переписке заняло довольно большое место. Тема эта, как потом оказалось, для Алексея Ивановича была весьма болезненная, и мои легкомысленные суждения на этот счет больно его задели.

Это я почувствовал уже по самому первому его письму:

Ἀἰδᾶε Ἀἰαεεὸ Ἰ εδᾶεἰε:!

В ааἰ ἰ ἰεε:εε ε ἠαῖαεα εἰεἰἰ, ἰδᾶε Ἀαεεἰεαἰ..

Ἰ Ἐαδᾶαἰ ἰ οἰ, εαε ῖ (ἰἰ:δὲ ἰαῖαῖῖεα) ἰαῖε αἰ ἰ α ἰ ῖῖῖ ἰεἠᾶου εἰεαῖ ἰ Ἀἰεἰα - δᾶἠεαεε ἰἠεα Ἰ ἰαεὸ αἰοῖ ε α ἰεἠῖ α ἠαε:αἰ ἰ αῶἠἰ. Ἰ Ἀαεε ἠαῶῖ «Ἐ α ἰ ὄεἰε ἰδᾶἰαεεε σῖἰ »...

Ἰ ἀδᾶε εἰαἠῖαεῖ ἰ αἰ ῖ (εαε ε αἰε ἰαεἰ ὄἰὄἰὄ ἰδᾶεε ἠαῶἰὄ ἰδᾶεε αἰ) - ἰαἰεεαἰ ἰῖε.

Ἰ α εἰαῶαεε Ἀῖ, α εαεεα αἰαῖ ἰαἰεἠἰ ῖ ἠεεε, εἰοἰὄῖα ἰἰεἰαεἰ ῖ α ἰἠἰαῖ Ἀαεε ἠαῶῖ, ε ἰα:αῶαεἠῖεε :οἰ-ἰεαῖῖεε:γῖᾶ ἰδᾶεεεἰ ἠ. В.?

Ἐἰαῖ ῖ, ἰαῖἠαεεαἰῖἠἰ ἠαῶἰαῖἠἰ ααῶἰαῖε ἠἰἰαῖᾶ ἰ α ἰἰαῖ, ἰδᾶεε εεῖἠῖἠεεε αἰαἰε ἰ α ἰἰὄἰὄἰῖ ἠ. В. ε ἰδᾶεε αἰ αἰὄ ἠ Ἀ. Ἐ. Ἐἠαῶἠεἰε ἰ α εε: εεἰᾶα - ἰαἠεἰεἰεεεἠὄἰ:εἰα ἠ ἰὄἰᾶ:αῶαἰῖῖἰ ε ἰ α ἰ αεἰεα ἠεεἠἰ ε εαεεε ἰ α :αἠἰε εδῖῖεα ὄῖεῖ. Ἐἰαῖ ἠαῶαεἠῖἠἰ αἰαἰεἠἰ ἰ ἰᾶ ἠἠαε, Ἐἰ ἰ αἰ ὄεἠἰαἰ ἰεἰᾶε: ἠεαεε:

- *Áiò, ì æeáò í ðí:-eì, ì ìñeááí eá ñò eòè Ñàí óeéá Beíáeáe:-á*

È áàè íáí :-eò àòú eó

È ááí, eóí ì ðeóíáeé ì íçeá, ì íeáçúáeé ÿe è eñòí:-eé.

Ñò eòè ì í ðáçeéè í áí

Í á óeéóá Áeáeíáí áðà Èíñe óíáí á ñeáçeá ì í á

- *Èáè ÿòí í áí í òíæá í á Ñàí óeéá Beíáeáe:-á, í á áí, :-òí ì í áí ðeçí ú ááí ðeé..*

Áú ì èøáðá

«Èáè ÿ óeá ááí ðeé, - ñò ðáí ÿíí è ÿòí ó, í áí è è ù óó áú óíáá á ðáeé áe, áðóeá á ðeéíñ óeé.

Í áðeáe è ù áò áðóáá».

Β í á çíáè Ì áðeáeá, èí ðí ðúé «eñeáe áðóáá». Áú á áñÿòú èáð í áçáá, èí áá óí eðáeá Ò Á Ááááá, ì í æeé áðóeá è ì úñeýí è.

Ñò áðúá áðóçÿ Ì áðeáeá óí ðí eí ì ì ÿò Ì áðeáeá ðáeéáeíçíáí - í á á óáðeíáíí (eáe, ñeáçeáí, Òáí áðà Áðeáí ðúáí á), á á æeáeéíáñeíí ì ì í eí áí eé ÿò í áí ñeíáá.

Áú óíáeò, :-òí ì í áðóáí Ì áðeáeá ñeáçeáí «è ù áò áðóáá» í áeçÿ. Áú í óááðeóá ÿòí Ì áðeáe ì ì ñeááí áá áðáí áíe. Í á çíáç, í á óáðáí, ì ðááí í:-íú èè ì ú ñeáeóú í :-áeíáeá è ðeíñáíeóú áá ì í ðó ðáò, ì ì í áú ááÿ ì í áí ì í áí eéè í á í áí ì í áá ááí æeçíe..

Β Ááñ í è á :-áí í á æeíç. Í í eááñç, :-òí Áú í áeé, ðáe ñeáçeáí, æáðóáí è ì áeáí ùeíé, ì í í ááí áðíé ðáeéíñe óeéáeé. Í áò, ðáçí ááòíÿ, í á ñò eòè ì í ááeáí ú! Á-æá eçááe! È eóí ì í á áú ÿòí ñeáeóú, ó èí á óááðeéí áú ñeé è óí áí úÿ?!

Í ðí ñòí, áðáóí úe :-áeíáeé, ÿ áóí áç (òí ááá óeá, ðè ñ ì í eíáeíé ááá í áçáá ì í áú áe), :-òí È. Ñ. óí eéðíáeá áðáe:-áñeáÿ ðeéíñ ðeý í óóá, áí ó óí ðáeíñí, :-òí áú í óáó áá áú è áí áñó í ðí ðeáí eýð ì ðáeééíñ úe, ì ÿòí ó í ðáe áñò ðí (á ì í æeáò áú óú è çáeéáá áðáí áí í) í áðáí :-áòáe è ðáçí í í æeé ÿe ðò eòè. È ÿ í á ñí í áááñíÿ, :-òí á æeíááðeé Ñàí óeéá Beíáeáe:-á, ñò áðáí eýí è ñí í á áú áò áí í óúáí í :-áí ú ì í í á í áò áñáé è óí í e:-áí eé. Áí eé ÿòí ñeó:-eóíÿ, í áðáç í áeáá áðóáá è e:-eóáeý ì ñò áí áòíÿ æeý ì í ðí èí á í eíñeéí è í áí í çá:-íúí.

Áiò ì ÿòí óÿ è ðáeééñÿ í áí eíñeóú Ááí ÿòí í eíñí í.

Как я уже сказал, Алексею Ивановичу я не мог не верить. И тем не менее это его письмо не сильно меня поколебало.

Начну с того, что весьма сомнительной показалась мне версия о сознательной фальсификации, проделанной сыном Самуила Яковлевича – Эммануилом Самойловичем. (С. Я. и все домашние звали его Элик, поэтому я привык к такому звучанию и написанию его имени, и пантелеевское «Иммануэль» немало меня удивило.)

Совершенно непонятно было мне, почему последние стихи С. Я., в особенности то, которое я впервые услышал в ту ночь от Вали, могли способствовать созданию образа правильного Маршака. (Правильного – с официальной советской точки зрения.) «Правильному» советскому поэту полагалось быть оптимистом, так что это последнее, страшное, полное глубочайшего мрака и отчаяния стихотворение скорее разрушало, нежели укрепляло образ «правильного» Маршака.

Ну а кроме того, те мои тогдашние рассуждения основывались не на одном этом, а на многих стихах С. Я. И все они, кстати сказать, печатались еще при его жизни, так что ни о какой сознательной фальсификации, жертвой которой якобы я пал, не могло быть и речи.

В этом духе я и ответил Алексею Ивановичу. Признавался, что известие об отношении С. Я. к религии, о котором, по его словам, знали все старые друзья Маршака, для меня стало полной неожиданностью. Просил написать об этом чуть подробнее.

Ответное письмо А. И. показалось мне еще менее убедительным. И даже уже не таким ясным и определенным, как первое. (Отчасти, может быть, мне так показалось потому, что, в отличие от первого, напечатанного на машинке, оно было написано от руки, торопливо, с пометками, вычеркиваниями и подчеркиваниями.)

Áíðíñé Ááí áæéò Ì èðáéíáé:!

Áú ìðíñéòá ì áíý: ìáí èðéòá ìá ÿòí ìáí èíéíéí ìéíá Ìá ÿòí ìáí èíéíéí ìéíá ìá ìèðéò. È áííáúá èí ìá:íí, ðáçá áíð ìá áéý ì èíñú á

Ìá:áéíñú ááúñ ñ òíáí, ÷òí ÿ çááæ Ááí áííðíñ (ì ááòáò ìáí èíáí éý ìáí èíéíéí èò ñ èòí ò áíðáí éé), ìá èí òíðíé Áú ì ìá ìá ì òááð èéè. Òáí áðí çáááòá áííðíñ Áú.

Ì òáí:áð.

Áá, ÿ èí áé á áæáò èí áííí òí, ÷òí áéý Ááí ÿáéíñú ì íáí ñ òíð.

Çíá:èò èè ÿòí, ÷òí Áú ñáíý èéè ÿ Ááí ì íáéáí ìááéí èòúá «òáéíñé èè èááèè»? Á-æá è çááæ.

Ì ðíñí Ñáí èéè Òéíáéáæ: ìíèó:èéíñ ò Ááí (áéý ì áíý è áéý òáá, èòí çíáé ááí áíéáí) ìáí ìíáéíí áí òè:íúí, ìáíí çíá:íúí, ìðýí ìééíáéí úí, ááòí áðí úí ... Áíðí:áí, ÿòí áí Ì Á ÒÁ ÑÉÌÁÁ... Ì íááò áúòú ááðí áí áúááò ñéáçáòú ÷òí ìí ìíéáçáí ò Ááí ñáí ìí ìýòí ìéòá Á ìáðáíò ÷áòúðáò ìáò. È ìíèó:èéíñú ÿòí òíéíéí ìò ìáçí áí éý áíñ òáéò ìá áúóí áí íé æéçí è Ñ. Ò.

Ò ìðíñéè Ááí ñíáíú èòú ááòú ìáí èíáí éý ìá ì óáéèíááæ èòíñ ìðè æéçí è Ñ. Ò. ñèèòá Ááéí á òíí, ÷òí á ááú, èíááá ÿ çíáé Ñ. Ò. áéèçéí, ÒÁÉÉÏ ñèèòá ìí ìáí èíñáòú ìá ì íá («Èáé ìðéçá:íí ì íá ñúáíñ ò áíáíú» - ìáí èíáíí ðáíúèá ÿòí ñèèè áðááí ðýáá, òáí áíáíðèòíñ ì «òáéá», ì «òéáííé ìéíòè».)

Á ìíñéáíí éá ááú ááí æéçí è ì ú áíðá:áéèñú ðáéíí. Òí, ÷òí ìí ìá:áòáé è ìðéííéáé ì íá áúéí ìáí èíáíí òáí Ì áðáéíí, èíðíðíá ÿ çíáé á ðííñè. Á ñèèè, èáæááèéá ìá ðýéá ì áíý, èáé ÿ ì éíñé Ááí, ìíðáçéè.

Áúááð ò ìíçáí éá ìðíçáí éý, ìçáðáí éý, è áúááò, ìáíáíðíò, ìíçáí áá ìíí ðá:áí éá Ì áíðáðí áé ñòáé ðáéèæéíçí úí ìá ñééí ìá áí áé. Áðí áòíáá áúéá ááðòðúáé áíð æéçí ú.

Ì ìñéáíí éé ðáç ÿ áéááé Ì áðáéá òáéèí, éáéèí çáííéíééíñ ìí ì íá ñ ðíúò éáò è éáéèí ñòááééíñ á òá:áí éá 30 éáò, - çèí ì é 1980 ðáá - á áí é, èíááá òí èðáéá Ò. Á., è ìíçéá - èíááá áá òíðíéèè.

Á ìíñéáíí éá ÷áòúðá ááá ì ú áéááéèñú ñ ìèí áíáí 2-3 ðáçá. È òíí ó æá ÿòí áúéè áíðá:é èíðíðééá ìá èðáýú

Á ÿèè ááú, ìí-áéáéí ìí ó è áúéè ìáí èíáí ú òá, èçáíñ òí úá Ááí ñèèè, èíðíðíá ìí ìðè æéçí è ìá ìá:áòáé.

Á Áú ìá çááòí úáéèñú èíðáòè: Ì Ì × Á Ì Ó ìá ìá:áòáé?

Ì èóó ááíñáçíí. Ì ðí Ñ ò è Ò Á...

À. Ī ōēēī: «È ñī ò ðāūāīēāī ÷ ēōāŷ æēēī ū ī ĩþ, ŷ ò ðāī āīō ē ī ðīēēēī āþ...»

И дальше уже о другом: вторая половина письма к нашей теме отношения уже не имеет.

По этому письму мне показалось, что А. И. слегка дал задний ход.

В нем уже ни слова о том, что я пал жертвой злостной фальсификации Элика. Есть даже готовность признать, что Маршак, которого знал я (Маршак «Пятого акта»), был уже не тем Маршаком, какого знал он и все старые друзья Самуила Яковлевича. Возможно, под конец жизни на него нашло «помрачение» (в отличие от Бориса Леонидовича, который под конец жизни как раз «прозрел»).

Стихи, о которых он думал, что С. Я. сознательно их не печатал, все были напечатаны при его жизни. Просто А. И. их почему-то не знал. Да и в стихотворении «Как призрачно мое существованье», которое он знал и помнил, речь ведь тоже идет не только о «тленной плоти»:

Ī ōī ū ā ōāō ò āē. Ī ā æāēū ī ā īēī ò ē

ò ēāī ī ē,

Ō ī ōŷ ī ī ā ñāū ī ē āāŷ ò ī ē ēā ò

Āāñ āī ī ī ñēāē ò çāðēāēī āñēāī ī ē,

Ñāēāō āēāī, ÷ ō ī ñāīāñ ò āīō ñāō.

Ī ī ā æāēū ī ī āē ēþāē, ī ī ē ò ēþāē ī ūā

Āāō ēðā ò ēēē āē, ōōāāō ēā āðōçŷŷ,

Èñ-āçī ā ò āāç ñēāā ā ī āēñ-ēñēē ī ūō

Ī āñ çī āī ī ūō āēāō ī āāū ò ēŷ...

Ότανά ἦ ἰά ἱίῖῖῖ. Ἰ ὀαῖῖῖῖῖῖῖῖ ῖῖῖῖῖῖ ἔῖῖῖῖῖ Ἀ ἱῖῖῖῖ - ἂ ὀῖῖ ῖῖῖ ἂῖῖῖ - ἂῖῖῖ ἂῖῖῖῖῖῖῖῖ: ἱῖῖῖῖῖῖῖ, ἱῖῖῖῖῖῖῖῖ, ἱῖῖῖῖῖ ῖῖῖῖῖῖῖ Ἰ ἱῖῖῖῖῖῖ ἱῖῖ ἱῖῖῖῖ ὀ ἱῖ ἱῖῖῖῖῖῖ, ἔῖῖῖῖ, ἔῖῖῖῖῖῖ ἂῖ ἂῖῖῖῖῖ ἔ ἔῖῖ ἱῖῖ ἱῖῖῖῖ Ἰ ἂῖῖῖῖῖ ἔ, ἱ ἱῖῖῖ ἂῖῖῖῖ ἂῖῖῖῖῖῖ ῖῖῖ ἱῖῖῖῖῖ ἂῖῖ ἂῖ, ῖῖῖ ἔ Ἰῖῖῖῖῖῖ Ἐῖῖῖ ἱῖῖῖ ἂῖῖῖῖ ἂῖῖῖῖῖῖ. Ἰ ἱ-ἱῖῖ ἂῖῖῖ. Ἰ ἱ-ἱῖῖῖῖῖῖῖ. Ἐῖ ἂῖῖ ἂῖῖ ἔ ἱῖῖῖῖ ὀ ἂῖῖῖῖ ἂῖῖῖῖῖ ἂῖ ἱῖῖῖῖῖ ῖῖῖ ἂῖῖῖῖῖῖῖ: Ἐῖῖῖ Ἰ ἱῖῖῖ ἱῖ

Ἀ ἱῖῖῖῖῖῖ «Ἰῖῖῖῖῖ ἂῖῖῖῖ Ἰ ἂῖῖῖῖῖ ὀῖῖῖῖ ἱῖῖ ἱῖῖ Ἰ ἂῖῖῖῖῖ ἂῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖῖ...»

Так в какого же всё-таки Бога верил Самуил Яковлевич?

Русская Псалтырь, которую он всюду возил с собой, Алексею Ивановичу дала основания предположить, что веровал он – по-русски, по-православному.

Но Псалтырь – это ведь Псалмы Давида, еще в эпоху второго Храма (с V в. до н. э.) ставшие составной частью еврейской литургии.

Так, может, С. Я был всё-таки иудеем?

Или, как бесконечно преданная ему Розалия Ивановна Вильтцын, лютеранином?

Не знаю. Ничего не могу сказать.

В эту комнату своей многокомнатной квартиры Самуил Яковлевич меня никогда не приглашал.

ЯКОВ БЛЮМКИН: ПОРТРЕТ И РАМА

Вл. Алабай

В конце 1950-х годов мне случалось встречаться с Петром Ивановичем Чагиным, возглавлявшим в то время Комиссию по литературному наследию Переца Маркиша. Мне было тогда двадцать лет, и я, скорей всего, ничего не слышал о Якове Блюмкине – во всяком случае, в связи с Чагиным. Это уже потом, после смерти Петра Ивановича, я узнал, каково было значение этого человека в Баку в начале 1920-х, что его связывало с загадочной историей «бакинских комиссаров», узнал о его приятельских отношениях с Сергеем Есениным. Это ему, Чагину, были посвящены «Персидские мотивы», а головное стихотворение цикла открывалось вначале строчкой «Чагане ты моя, Чагане»... Есенин, как видно, любил пошутить – да и Чагин тоже. В ответ на просьбу поэта отвезти его в Персию Чагин взял машину и долгие часы, в веселейшем настроении, возил знаменитого гостя по горам и долам вокруг Баку. Вернувшись в город, сказал: «Вот мы, Сергей, и побывали в Персии!» В результате появился цикл «персидских» стихов.

Не чужим человеком Чагин был и для Блюмкина, наезжавшего в Баку – поближе к той же Персии, куда Блюмкин действительно попал по заданию московских архитекторов «мировой революции».

Нынче я горько сожалею о том, что полвека назад ничего такого не знал о Петре Ивановиче Чагине и не допытывался у него обо всех этих интереснейших вещах. Впрочем, далеко не факт, что Чагин удовлетворил бы мое любопытство и дал бы сколько-нибудь вразумительные ответы на возможные вопросы...

Первым из них был бы такой: «Что представлял собою Яков Блюмкин?»

Как его только не называют! И «супертеррорист», и «ультрадиверсант», и даже «еврейский Скорцени». Он сегодня в моде – о нем пишут статьи и книжки, полные выдумок, он появился на экране в фильме, рассчитанном на простофиль и любителей «клубнички». Чем больше о нем говорят и пишут, тем более размытым становится образ этого незаурядного человека, Якова Блюмкина.

Проверенных, документальных сведений о нем сохранилось немного. Едва ли он сам умышленно искажал и путал факты своей короткой, но чрезвычайно насыщенной биографии; скорее, его «богемность»

ранение, по всей видимости, должно развеселить читающую публику и выставить террориста в смешном свете. В действительности же Блюмкин был отменным стрелком и вряд ли промахнулся бы, стреляя в посла с трех метров, а ранен он был в ногу, что не помешало ему перемахнуть через высокую ограду посольства и скрыться от преследования вместе с Андреевым. Якову Блюмкину, ушедшему после покушения в подполье и бежавшему на Украину, в то время было двадцать лет отроду.

Впрочем, и здесь имеются разночтения. По одним данным, Блюмкин родился в 1900 году в Одессе, на Молдаванке, по другим – в местечке Сосница, близ Чернигова, в 1898 году. Первая версия представляется более достоверной: известно, что Яков Блюмкин начал свое традиционное еврейское обучение в одесском хедере, а расстрелян был большевиками в 1929 году, не дожив трех месяцев до своего тридцатилетия.

Так или иначе, он появился на свет в многодетной семье, и его отец, нищий еврей Герш Блюмкин, умер вскоре после рождения Симхи-Янкеля. Семья осталась без средств к существованию и нищенствовала. Малолетний Янкель подрабатывал где и как придется: в трамвайном депо, учеником электрика, разнорабочим в театре, на консервной фабрике. Знание идиша, русского и иврита помогало ему выжить в одесской многонациональной круговерти. Он писал стихи по-русски и публиковал их в газетах «Одесский листок» и «Гудок», в журнале «Колосья». Одесса насквозь была пропитана антимонархическими, революционными настроениями, и Яков Блюмкин сблизился с радикально настроенными эсерами. Впрочем, это не препятствовало его национальным устремлениям – он участвовал в рейдах отрядов еврейской самообороны, к руководству которыми непосредственное отношение имел знаменитый налетчик Мишка Япончик, увековеченный Исааком Бабелем в «Одесских рассказах» под именем Бенья Крик.

1917–1918 годы в Одессе были настоящим хаосом. Февральская революция и последующий захват власти большевиками породили опасные смерчи на юге России: пестрые власти сменяли друг друга на местах, ситуацию контролировали, как сейчас бы выразились, «полевые командиры»: красные и белые, анархисты, атаманы и просто бандиты. Боевые соединения действовали под разными флагами и под разными лозунгами.

Революционные карьеры делаются быстро. «Революция избирает себе молодых любовников», – эта крылатая фраза Льва Троцкого в полной мере относится к Блюмкину. Весной 1918 года Яков Блюмкин уже назначен на должность начальника штаба Третьей Украинской советской «одесской» армии, насчитывавшей от силы четыре тысячи штыков. Эта «армия» должна была противостоять наступающим румынским и австро-венгерским войскам – и была смята. Остатки армии были перегруппированы, поддержаны пополнением и отправлены в район Донбасса. В новом формировании восемнадцатилетний Блюмкин получает должность комиссара Военного совета армии.

В конце апреля – за два месяца до покушения на Мирбаха – Блюмкин появляется в Москве и занимает ответственные посты в партии левых эсеров. План покушения принадлежал лично Блюмкину, он докладывал его лидеру партии Марии Спиридоновой за сорок восемь часов до теракта и был принят к исполнению. Оперативная подготовка заняла в конечном счете двадцать четыре часа. Такой прыти позавидовали бы, пожалуй, и сегодняшние «борцы за всемирную справедливость».

После совершения теракта и бегства из посольства раненый Блюмкин укрывается в отряде Дмитрия Попова – левого эсера, командовавшего отрядом особого назначения ЧК. Затем события набирают скорость и сменяют друг друга, рассыпаясь и складываясь в новые комбинации, подобно цветным стеклышкам в калейдоскопе. Эсеровские боевики арестовывают Дзержинского, явившегося арестовать террористов Блюмкина и Андреева. Вместе с Дзержинским схвачен чекист Лацис и большевистский председатель Моссовета Смидович. Эсеры захватывают Центральный телеграф и рассылают депеши, дезавуирующие указания Ленина как «вредные» и противоречащие приказам «правлящей в настоящее время партии левых социал-революционеров». На рассвете 7 июля большевики переходят в атаку и начинают обстреливать из артиллерийских орудий особняк, в котором разместился штаб Попова и руководители партии левых эсеров. К тому времени раненый Блюмкин уже переправлен в больницу и к нему приставлена большевистская охрана, которая должна арестовать его и доставить на Лубянку, как только он сможет подняться с койки. Блюмкин мастерски обманывает бдительность охранников, совершает побег из палаты и исчезает, «ложится на дно». Путь его лежит на Украину, где он планирует теракт против гетмана Скоропадского, сорвавшийся из-за неисправности взрывных устройств. Тем временем «мятеж» левых эсеров утоплен в крови большевиками, одним махом избавившимися и от конкурентов во власти. Триста эсеров убито, шестьсот – включая состав ЦК – арестовано. Дмитрий Попов спасся бегством, пробился к вольнолюбивому Нестору Махно и возглавил один из его боевых отрядов.

Ленин, кажется, остался доволен всем случившимся. После разгрома эсеров его власть укрепилась, убийц графа Мирбаха он приказал «искать, очень тщательно искать, но не найти». Вполне прагматичный

Ульянов, по-видимому, не желал лишиться такого ценного человека, как Блюмкин. И «крыша» была предоставлена ему ведомством Дзержинского, счастливо спасшегося из эсеровского плена. Исходя из этого можно предположить, что украинская эпопея Блюмкина насквозь просвечивалась фонарями ЧК.

Но и уцелевшие киевские левые эсеры были, как говорится, начеку: они заподозрили своего молодого однопартийца в измене и дважды организовывали покушение на его жизнь. Из первой переделки Блюмкин вышел без царапины: почуввав неладное, он бросился бежать, и восемь пуль, выпущенные ему вслед, прошли мимо. Спустя неделю он снова подвергся нападению: двое боевиков стреляли в него, когда он сидел за столиком кафе на Крещатике. В тяжелом состоянии он был доставлен в больницу, но и там невозможно было укрыться от партийного приговора: в окно палаты бросили бомбу, которая, однако, не причинила больным серьезного ущерба. Справедливо опасаясь за свою жизнь, Блюмкин исчез из больницы и вновь скрылся в глубоком подполье.

Время между уходом на нелегальное положение и возвращением в Москву в марте 1920 года Блюмкин не тратил даром. Оставаясь приверженцем индивидуального террора, он разрабатывал планы покушений на адмирала Колчака, а потом и на Деникина, – впрочем, оба они остались неосуществленными: по каким-то таинственным причинам Москва не дала окончательное «добро» на эти теракты.

Колеса по Украине, Блюмкин приобретает известность как организатор партизанских отрядов в белогвардейском тылу. В конце 1919-го, за полгода до своего двадцатилетия, он командует бригадой 27-й дивизии на Южном фронте, затем получает назначение на должность начальника штаба этой бригады.

Наконец боевая подготовка перспективного молодого человека закончена, его оперативные возможности проверены и получили высокую оценку. Блюмкин отозван в Москву и зачислен слушателем восточного отделения Академии Генерального штаба. Это означало для него переход на игровое поле внешней или, как тогда говорили, закордонной разведки, руководимой давним одесским знакомцем Якова, сыном сапожника с Молдаванки Меиром Трилиссером. Активная полевая разведка – как раз то занятие, которое как нельзя лучше подходило беспокойному, склонному к опасным авантюрам Якову Блюмкину. Помимо изучения военных и политических дисциплин, слушатели отделения Востока зубрили иностранные языки. Способный к языкам Блюмкин успешно осваивает фарси, штудирует китайский, а также без понуканий совершенствуется в немецком, открытом ему благодаря родному идишу. Загадочный Восток влечет отныне прошедшего огни и воды Якова Блюмкина, жаждущего новых приключений и успехов.

В. Аєрї єєї іà òїїáїєðàї єä

Аäїáò.

1929 ää

Живя в столице и не испытывая недостатка в деньгах, Блюмкин укрепляет связи с молодыми поэтами. Приятельские отношения с Маяковским, Есениным, Шершеневичем вряд ли носили оперативный характер, связанный с ведомством на Лубянке: Блюмкину, несомненно, импонировало знакомство с

литературными знаменитостями, которым к тому же он мог оказывать своего рода покровительство – выдирать из лап ЧК, охотившейся за буйными и неуправляемыми вольнодумцами.

Летом 1920 года Блюмкин исчезает из Академии на четыре месяца. За это время он совершает невозможное: устраивает переворот в самопровозглашенной «Гилянской советской республике» на севере Ирана, свергает ее лидера Кучук-хана и приводит к власти безоговорочно послушного большевикам Эхсанулли. В военных структурах «нового государственного образования» Блюмкин занимает должность комиссара Гилянской Красной армии и ведет кровопролитные бои с войсками шаха Ирана, не без оснований видевшего в гилянской интриге направляющую руку Москвы. А Блюмкин, на практике закрепивший знание персидского языка, вступает в только что образованную с его помощью иранскую компартию и делегируется Ираном на Первый съезд угнетенных народов Востока в Баку.

Выполнив все свои задачи, в ореоле славы, Блюмкин возвращается в Москву и мирно продолжает обучение в Академии Генштаба. Именно к этому периоду относятся его первые серьезные контакты с Троцким, обратившим пристальное внимание на одаренного молодого человека. Спустя десятилетие преданность авантурным революционным идеям Троцкого приведет Блюмкина к расстрельной стенке.

Между тем секретные приказы из Центра то и дело срывают Блюмкина с учебы, забрасывают в близкие и далекие края – туда, где не утихают бои и продолжается кровопролитие. То он в Крыму чинит расправу над остатками разбитой армии Врангеля, а заодно и форсированными Сиваш махновцами, то в должности комбрига подавляет восстание крестьян в Нижнем Поволжье, а потом появляется на Тамбовщине, преследуя отряды атамана Антонова. Осенью 1921 года комбриг-61 Яков Блюмкин вступает в боестолкновения с войсками барона Унгерна.

Окончив Академию и овладев, помимо прочих, основами турецкого, арабского и монгольского языков, Блюмкин занимает официальный пост личного секретаря Троцкого. Террор, война, разведка – а теперь и политика в чистом виде.

Впрочем, Блюмкин умел совмещать самые разнообразные занятия: разведка осталась, а краткосрочные поездки в Китай и на Памир, в Тибет и Монголию, на Цейлон и в Афганистан Яков чередовал с сочинением стихов и веселыми пирушками с приятелями-литераторами по возвращении в Москву. Он охотно читал свои стихи на публике, в литературных кафе. Его имя мелькало среди имен других стихотворцев. И между прочим, сомнительная слава графомана за ним не утвердилась. Кому-то даже пришлось в голову приписать ему предсмертные стихи Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья, милый мой, ты у меня в груди...»

Могу засвидетельствовать, что передвижение по горным азиатским тропам, пешком и верхом, далеко не развлекательная прогулка. Гибель ждет там неопытного путника на каждом шагу – в пропасти, в ледяной расщелине, в бешеной темной реке, волочашей по дну пушечные ядра камней. Блюмкин, отдалившись от опального Троцкого, с головой ушел в разведывательную работу и раскинул сеть нелегалов по всему Востоку – от Турции до Китая. Особый интерес представляла для Иностранного отдела ОГПУ, по-прежнему руководимого Меиром Трилиссером, британская Индия. Блюмкин планировал создать мощную резидентуру в Бомбее, куда следовало забросить агентов через подмандатную Палестину: в борьбе с англичанами стоило использовать просоветски настроенных палестинских евреев, а не склонных к сотрудничеству с Лондоном арабов. Но первостепенным делом – делом сердца – неугомный Блюмкин считал для себя поиски Шамбалы с ее бездонным запасом научных знаний, которые он намеревался использовать во благо «мировой революции». Впрочем, быть может, его увлекал не столько размытый научный результат, сколько захватывающий поиск.

Шамбалу искали многие: и большевики, и нацисты, и англичане с китайцами; никто как будто не нашел. В Москве заинтересовались Шамбалой в начале 1920-х годов, задача «найти и доложить» была возложена на руководителя спецотдела ЧК Глеба Бокия, разработчиком «теории Шамбалы» выступал парапсихолог Александр Барченко, исполнителем был назначен Блюмкин. ЧК, как это ни странно, была далеко не чужда мистическим веяниям: к «шамбалинскому» проекту был причастен и Дзержинский, и Трилиссер, и нарком Чичерин. Ведомственная склока, однако, спутала карты, и подготовленная уже экспедиция на Тибет была отменена. Это вовсе не означало, что Блюмкин отказался от своей мечты найти Шамбалу. Играя роль то дервиша-исмаилита, то бродячего ламы он, отправившись в путь с Памира, присоединился к экспедиции художника Николая Рериха, также искавшего подходы к Шамбале. Рерих отзывался о Блюмкине весьма уважительно, он так его и называл – «молодой лама». Приведу отрывок из романа Давида Маркиша «Стать Лютовым», написанного на документальной основе, – о заключительном этапе этой экспедиции:

Óðáá áí ò èàðò èí ú Í. Ðàðèòá «Ááíòú Óáì áàèú», íà èí òíðíé èç íáðáæáí «èàì à» Áèþì èèí.

Í áðáíá çàòýí óèíý, íà íí-èáá áíòáè è á ñááðóáí íé òúí á Ááòáð íáæáðáè ííòúááì è, èáè èç í áúíá, è í áí ñ ñááþ èáí òú ñíòèò ñíòðúò ñáæéííé. Áúáðáá ñááè ñéáè í áíòá-èí ííòèóá, èþáè óèíáæéè ñáíèò æéáí òí úò è èáæè ñáì è, ííáæáá èíéáí è è ííááíðíáèáì.

- Í ðèòèè, - ñéáçáè íðíáíáí èè Áíðáæá è ñááèí óè óáí èó ñí áðíááè íá çàòúèíé. - Í òíþáá íá-èí ááòíý ñí ðíé íá Óáì áàèú - È óéáçáè ðíéíé.

Ðàðèò è Í íéíáíé èáì á áíéá, í íé-á áéýááèè á íðíááè, óéáçáííúé èí íðíáíáí èèí. Á óáì ííòá íááíçí íáéíí áúéí ííðááèèòú áóáéíó íðíáíáòè, íòèðúáááóáéíý çá íáðááèíí. Áíí íðíáíáòè, íí ñéíááí Áíðáæá çáðííéí áðíúí èáíí, óáì ðáèèá ðáèá, ííáòíðíý èçááú ðèðíéíé áíééíú.

- Í áííúéè, èáè ááúòí, í èáþò... - áéóúí ñéáçáè Ðàðèò. - Á?

Áèþì èèí íðíí íé-áè, è Ðàðèò íááðí óèíý çá ííáòááðéááí èáì è Áíðáæá Í í íðíáíáí èè èí-áç <...>

- Í íáíáæááì áí óòðá, - ñéáçáè Áèþì èèí è ááðáæíí ííáæááè Ðàðèòá íí íéá-á - Í è-áá íá ííáæááèú..

Óòðíí íáíáðáæéííý ÷ òí íðíáíáí èè èí-áç è èç èááíý. Í èèóí íá áéááè, èáè íí óóíáè è èóáá. Í á áíí-è òáèèíí è íáííé èí óááè. Óçíááí íðíéíáíáòáèè, Ðàðèò ñóáè óáþì.

- Ð áúí ááíðèè, - çéí ñéáçáè Áèþì èèí, - ýòíò ííáæáò ðááí òááò íá áí áè-áí.

- Áúááí ñí ðíéáòúíý, - ðáèèè Ðàðèò. - Í ú ó óáèè, íéèáèèá áí áè-áíá, ááúí ííé íðíééýòú, íáì íáííí áóáþò.

Áíééíá áúéá íóíòá è èðáíéáá. Èðáíééá ááðááíý èáíá íéáèí èýèè ðáèó, íá áæá-íúá ááðááá èí òíðíé, èáçáèííý ííáá-áéíáæá íá ñòóíáèá ñí áíý ñí òáíðáí èý í èðá. Í áðáíáèíòú ááèèíí èðáíí úá ñòðèè, ñòíéáèèáì è ñòíý ó ñáíèò ííð è ááç áíýçíé áéýáý íá èáðáááí. Çáèóú, ðáííáèáý áúííéóþ òðááó, íáðááèááèèíí èíðíòèèè è íáðááæéáì è. Áíðíúé ííéíé, ááèè-áíòááííúé è ñòðíáè, ñéíáíí çáíá-áòúááè áíééíó íòíéáý áá íò íáííéáí ííá í èðá. Óðááíí áúéí áú ñííéáòú íá ñáòá èó-óáì í áíòí áéý Óáì áàèú ñí áííí è áá í óáðúí è ðáéíáí è. Í í íá áúéí çáííí Óáì áàèú.

Áèþì èèí æááíí ííáéýáúááè íí ñòíðíáí, èáè ááúòí ñí íííéááíáè íááæáíé æááè ííýáéáí èý èç èáíá íðéííçáíé áóáííý óáì ááèéèòá, è èóíáè áíáú.

- Í á çááþ, èáè ááì, - ñéáçáè Ðàðèò ðíáíúí ñóáéýííúí áéíííí, - á í íá çááíí íðááèòíý. Í áéçáè óáí òáíðè-áíéèè: óèíéáðíáíá íááí èáæèò íá èááýíúò íííðáò ááðóéí, íáá ðúáæè ííòíéíí, áúðúááþùèíí ýç èáì áí íúò ðáéííèò áðáò... Ð ííòáþííí òóò ðèíááòú

Ἀεὶ ἐστὶ ἀγαθὸς ὁδὸς, πᾶσι δὲ ἐστὶν ἡ ἀρετὴ ἡ ἀγαθὴ ἡ ἀρετὴ, ἡ ἀρετὴ ἡ ἀρετὴ ἡ ἀρετὴ.

Следует добавить, что в ходе путешествия Блюмкин самым тщательным образом собирал разведанные об английских военных гарнизонах, о состоянии дорог, о расположении мостов. Британцы, надо полагать, знали о «молодом ламе» немало интересного, да и вся экспедиция Рериха сильно их раздражала, и они, как могли, ставили палки в колеса. Блюмкин же пользовался караваном художника как «крышей»; он то пропадал куда-то на день-другой, то вдруг возникал совершенно неожиданно на каком-нибудь снежном перевале и вновь присоединялся к Рериху и его спутникам. На одном из участков пути его арестовали и посадили под замок в местной каталажке. Офицер английской разведки ждал конвоя, чтобы сопроводить пленника «куда следует». Но удача и тут сопутствовала Блюмкину: он благополучно бежал из тюрьмы, прихватив с собою секретные английские документы и, на всякий случай, комплект солдатского обмундирования. Эта «военная хитрость» пригодилась ему немедленно: спасаясь от погони, он смешался с преследовавшими его британскими солдатами – и был таков.

Всё имеет свой конец – и удача тоже. Удача отвернулась от Якова Блюмкина на взлете его успеха, в Константинополе, в 1929 году. Этому предшествовала «служебная командировка» в Палестину от ведомства Меира Трилиссера.

Можно сказать, что Палестина не была для Якова Блюмкина – с его еврейской внешностью и знанием иврита – чужим местом. Он и раньше, до 1929-го, бывал здесь: под личиной владельца прачечной Гурфинкеля приглядывался в Яффе к англичанам, евреям и арабам. Теперь, «забрасывая разведсеть» в направлении Бомбея, он прибыл в Иерусалим в роли персидского купца Султанова – торговца уникальными древнееврейскими книгами. Книги эти, представлявшие значительную ценность, были изъяты по распоряжению наркома Луначарского из библиотечных хранилищ; часть из них относилась к конфискованному властями собранию священных книг Любавичского Ребе Шнеерсона. Редчайшие книги не предназначались к продаже – они должны были доказать основательность и серьезность коммерческих возможностей купца Султанова.

В Иерусалим Блюмкин приехал из Константинополя, где руководил нелегальной резидентурой. Он привез с собою в Палестину четверку обученных московских агентов, и есть основания предполагать, что еще одного или нескольких ему удалось завербовать на месте из числа лево настроенных палестинских евреев. Агентурная сеть быстро пустила корни, Яков предпринял несколько поездок в Европу для установления связей с коммерческими партнерами и укрепления своего положения в мире торговцев еврейским книжным антиквариатом. Трилиссер был доволен действиями своего ближневосточного резидента.

Ἀ. Σαδούαεὶ ἂ (ἡ ἀρετὴ ἡ ἀρετὴ ἡ ἀρετὴ ἡ ἀρετὴ).

Поездка Блюмкина в Москву для отчета и консультаций являлась, по существу, рутинным действием. Путь домой лежал через Турцию. Там, в Константинополе, состоялась встреча – вероятно, вполне случайная – с сыном Троцкого Седовым, а затем и с самим Львом Давидовичем. Несомненно, Яков мог уклониться от этих контактов – но не сделал этого. Троцкий (быть может, Седов) попросил передать московским родственникам книгу, и Блюмкин согласился выполнить поручение. Нет доказательств, что между

БОРЬБА С ЭЛЛИНИЗМОМ:

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ ДИНАСТИИ ХАСМОНЕЕВ

Àëàëñàí àð Ýëüýøíâ

Îëíí-àí èà Î à-àëí á¹ 1, 2006

x àñòü 2

Шимон, возглавив борьбу после гибели Ионатана, стремился ликвидировать последние очаги присутствия врага в стране, упрочить стратегическое положение Эрец Исроэл и получить доступ к морю путем окончательной аннексии Яффы.

В начале своего правления Шимон разместил гарнизон в Яффе, позднее занял Гезер, контролировавший путь из прибрежной полосы в Иерусалим, и заселил его евреями. Затем он осадил Акру и 13 ияра (по другим сведениям, 23 ияра) 141 года до н. э. взял ее.

По приказу Шимона крепость разрушили до основания, чтобы полностью устранить угрозу Храму и городу. Впоследствии, по его же предложению, полностью срыли всю гору, на которой размещалась крепость. С тех пор Храм царил над всем Иерусалимом.

Для народа наконец наступило время мира и процветания. 18 элула 141 года до н. э. был созван Великий Собор, определивший полномочия Шимона как правителя и установивший юридическое обоснование для правления его сыновей. Главным пунктом постановления Собора было избрание Шимона Носи (то есть князем, правителем) всех евреев, Первосвященником и главнокомандующим войсками. Эти титулы по наследству переходили к его сыновьям. Однако Шимон не стал царем и даже не получил свои титулы пожизненно, а лишь «доколе восстанет Пророк верный». То есть следовало оговорить легитимность династии Хасмонеев с принципиально религиозной точки зрения и решение об этом должно быть принято «Пророком верным» в конце времен. Становится ясно, что в народном сознании утверждение династии Хасмонеев не расценивалось как воплощение надежд, связанных с династией Давида.

Обстановка на границах Эрец Исроэл по-прежнему оставалась нестабильной. В начале своего правления Антиох VII, стремясь упрочить свое положение, поддерживал дружеские отношения с Шимоном. Он подтвердил статус Шимона как вождя Эрец Исроэл, признал его территориальные завоевания и разрешил чеканить собственную монету. Кроме того, Антиох подтвердил указ Деметрия II об отмене уплаты налогов: «Я тебя освобождаю отныне и навсегда от всяких общеперских налогов – от тех, которые теперь существуют и которые будут установлены в будущем» (Первая книга Маккавеев, 15:8).

Но как только внутреннее положение в государстве Селевкидов стабилизировалось, Антиох расторгнул союз с Шимоном и возобновил агрессию против Эрец Исроэл. Он отправил в Иерусалим своего представителя Атенобиуса с ультимативным требованием вернуть Яффу, Гезер и Акру, равно как и другие захваченные за пределами Эрец Исроэл города, или же уплатить за пользование этими стратегически важными пунктами компенсацию в размере 1000 талантов. Шимон ответил отказом, но при этом выразил готовность уплатить 100 талантов за Яффу и Гезер. Тогда Антиох направил в Эрец Исроэл большое войско под командованием Кендевея. Правитель к тому времени состарился, и потому двадцатитысячное войско евреев возглавили его сыновья – Иеуда и Йоханан. В 137 году до н. э., в ожесточенном сражении, евреи разгромили войско Селевкидов.

Некоторое время спустя Шимон стал жертвой политической интриги. Его зять Птолемей, правитель Иерихонской долины, задумал совершить государственный переворот. В 135 году до н. э. Шимон, объезжая страну вместе с супругой и сыновьями Иеудой и Матисьяу, посетили зятя. Во время пира Шимона убили наемники Птолемея, а его супругу и сыновей заточили в темницу^[1].

Одновременно Птолемей отправил наемных убийц в Гезер с приказом убить третьего сына – Йоханана. Но юноша, предупрежденный о готовящемся перевороте, избежал гибели и принял энергичные меры по восстановлению порядка. Он поспешил в Иерусалим, где, при полной поддержке народа, был провозглашен

Первосвященником, совершил жертвоприношение и организовал преследование Птолемея. Следует отметить, что Птолемей тоже пытался войти в Иерусалим, но натолкнулся на сопротивление народа, поддержавшего Йоханана. Потерпев неудачу, Птолемей отступил в крепость Дагон, близ Иерихона, осажденную Йохананом. Воспользовавшись наступлением субботнего года, Птолемей ускользнул из осажденной крепости, предварительно казнив братьев и мать Йоханана.

В 132 году до н. э. началось вторжение селевкидского войска во главе с Антиохом VII. Подвергнув Эрец Исроэл опустошению, Антиох осадил Иерусалим. Но из-за нараставшей угрозы со стороны Парфянского царства он прекратил осаду и вступил в переговоры с Йохананом Гирканом. Находясь в очень тяжелом положении, Гиркан принял условия Антиоха. В соответствии с мирным договором, евреи дали заложников, обязались выплатить 500 талантов серебра, из которых 300 талантов были потребованы немедленно. Кроме того, по этому договору евреи разрушили зубцы на стенах Иерусалима.

Ἰωάννης Ἰσκαριώτης ἡ Αἰὸς τοῦ VII.

В 130 году до н. э. Йоханан Гиркан, в качестве вассала Антиоха VII, участвовал в походе селевкидского войска против парфян. Во время этого похода, в 129 году до н. э., войско Антиоха потерпело поражение, а сам он погиб. Брат Антиоха, Деметрий II, продержался на престоле недолго.

Воспользовавшись ослаблением государства Селевкидов, Гиркан (правил в 134–104 гг. до н. э.) предпринял успешные военные походы с целью расширения границ Эрец Исроэл.

Но прежде он реорганизовал войско, включив в него части, укомплектованные наемниками, завербованными в Малой Азии. Заручившись поддержкой римлян, Йоханан аннексировал важный морской порт Иоппию и некоторые другие города государства Селевкидов.

Наибольшее значение имело присоединение Эдомского царства (Идумеи). Принужденные принять иудаизм, эдомитяне со временем слились с еврейским народом, а их родовая знать вошла в высшие эшелоны власти государства Хасмонеев. Опираясь на значительное еврейское население в Заиорданье, Гиркан овладел большей частью территории Моава.

Впоследствии Гиркан начал боевые действия против самаритян, захватил Шхем и 21 кислева 120 года до н. э. разрушил храм на горе Геризим. 25 хешвана 115 или 110 года до н. э. войско евреев под командованием сыновей Гиркана Аристубула и Антигона взяло город и крепость Самарию. По приказу Гиркана в Самарию направили воды горных потоков, в результате чего город провалился, а на его месте образовалось болото. Через некоторое время Гиркан возобновил экспансию в северном направлении.

Свои завоевания Йоханан Гиркан тесно увязывал с активной внешнеполитической деятельностью, что способствовало укреплению позиций государства Хасмонеев. Он заручился поддержкой не только Рима и птолемеевского Египта, но и соперничавших между собой претендентов на престол государства Селевкидов. Кроме того, Гиркан, как до него Ионатан и Шимон, поддерживал дружественные отношения с Афинами, Спартой и Пергамом.

По мере укрепления внутреннего положения вновь остро встал вопрос о путях развития страны, об отношении к иудаизму и другим народам. Мнения разошлись, и в Эрец Исроэл сформировались три

мощных религиозно-политических течения (фарисеи, саддукеи и ессеи^[21]), по-разному отвечавшие на злободневные вопросы жизни.

Полемика между фарисеями и саддукеями началась после убийства Шимона Маккавея и шла по различным аспектам теоретической и практической теологии и степени сакрализации источников, на которые опирались фарисеи и саддукеи. С течением времени враждебность становилась все сильнее и в конце концов вылилась в открытый конфликт, который протекал очень остро, завершившись полным устранением саддукеев из политической жизни страны.

Дошедшие до нас источники свидетельствуют, что провозглашение Йоханана Гиркана правителем и Первосвященником вызвало скрытое недовольство фарисеев, а вербовка иностранных наемников, чеканка монеты с собственным именем и осквернение могилы Давида (Гиркан изъяс отсюда 3000 талантов серебра на военные нужды) разгневали их, что привело к разрыву фарисеев с династией Хасмонеев.

Однажды Йоханан Гиркан пригласил на пир выдающихся фарисеев и, оказав почести, вызвал их на откровенность. Отметив свое посильное старание во всем угодить Б-гу, Гиркан попросил фарисеев указать на его недостатки и расхождения с Законом. Присутствующие рассыпались в похвалах к правителю. Но один из них, некто Элиезер, человек явно невоспитанный, заявил: «Если хочешь знать истину, то, желая быть справедливым, ты должен сложить с себя сан Первосвященника и удовлетвориться положением правителя народа». На вопрос Гиркана, почему именно, бестактный фарисей сослался на ходившую в народе безосновательную молву, по которой мать Гиркана длительное время находилась в плену у Антиоха Эпифана, и, следовательно, легитимность его рождения находится под сомнением.

Ἰ Ἰάδᾶ σ ἐστᾶδᾶεᾶί εᾶί ᾠᾶδῷ Ἰᾶᾶεεᾶίᾶ Ἄᾶί ᾠδῶ ἸΙΙ.

Возмущенный Первосвященник предал обидчика суду его же товарищей фарисеев. Фарисеи приговорили Элиезера к ударам плетью и заточению. «За простое оскорбление, – говорит Иосиф Флавий, – они не нашли возможным присудить его к смертной казни, тем более что фарисеи вообще были мягкосердечны при назначении наказаний». Саддукеи не упустили благоприятный момент и воспользовались этим мягким приговором как свидетельством недоброжелательного отношения фарисеев к правителю-Первосвященнику.

Главным достижением Йоханана Гиркана стало расширение границ государства до пределов всей Эрец Исроэл.

Наследники Йоханана Гиркана начали усваивать элементы эллинизма, носить эллинские имена, организовывать жизнь при дворе на эллинский манер, всё дальше удаляясь от еврейского образа жизни.

Гиркан, получивший, по словам Флавия, три золотых дара – светскую власть, сан Первосвященника и дар пророчества, – умер в 104 году до н. э.

После его смерти сан Первосвященника унаследовал Иеуда Аристокбул I (правил в 104–103 гг. до н. э.), в то время как его мать, по завещанию Гиркана, стала во главе государства с титулом царицы.

Но сразу же после смерти отца Аристокбул приказал заточить в тюрьму трех своих братьев и мать, умершую впоследствии от голода.

Он стал первым после вавилонского плена царем Эрец Исроэл. Аристокбул, продолжив завоевательную политику Йоханана Гиркана, вел войну против Итуреи, покорив ее большую часть. Завоевание Итуреи сопровождалось насильственным обращением местного населения в иудаизм.

Имея слабое здоровье, он подпал под влияние придворной клики, во главе которой стояла царица Саломея Александра (Шломцион). Ее интриги явились причиной подозрительности и недоверия Аристобула к своему брату Антигону – соправителю и командующему войсками. В результате придворных интриг Антигон трагически погиб.

Угрызения совести по поводу безвременной кончины матери и брата сломили Аристобула, и он умер от горя.

После его смерти царем Эрец Исроэл стал выпущенный из тюрьмы третий сын Йоханана Гиркана – Александр Яннай (103–76 гг. до н. э.). В соответствии с еврейским обычаем он женился на вдовствующей царице Саломее Александре. Впоследствии такие браки, называемые левиратными^[3], были запрещены. Вступив на престол, Александр продолжил завоевательную политику, начатую его отцом и дедом.

Основной его заботой стало завоевание приморских городов. С этой целью он отправился в поход против Птолемаиды (Акко), граничившей с недавно завоеванной Галилеей, что в 98 году до н. э. привело к вооруженному конфликту с Египтом, который протекал с переменным успехом.

Некоторое время спустя Александр предпринял новый поход на побережье, взял Рафию, Антедон и около 96 года до н. э. – Газу, предав ее, вместе с храмом Аполлона, разрушению.

В результате походов, совершенных в период с 103 по 95 год до н. э., Александр к своим владениям присоединил всю прибрежную полосу от горы Кармель на севере до границы Египта на юге. Другим его важным завоеванием стало покорение города Гадара и крепости Амата в Заиорданье.

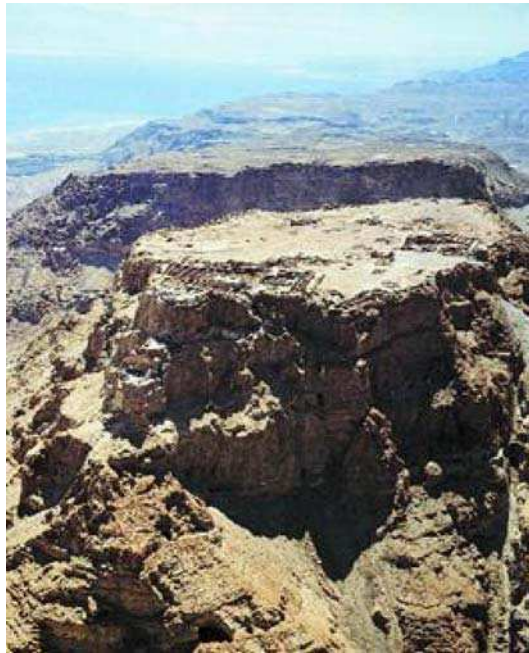
Завоевательная политика царя вызвала ропот народных масс, находившихся под влиянием фарисеев. И весь народ, и, в частности, фарисеев возмутило то, что потомки славного рода Хасмонеев, освободителей Эрец Исроэл, добровольно уподобляются языческому деспотам. Подобно заурядным восточным властелинам, они для укрепления личной власти не гнушаются даже братоубийством, имеют наемное войско и, будучи Первосвященниками Храма, к алтарю которого не должно прикасаться железо, почти не выпускают меч из рук и годами ведут кровопролитные войны вдали от Иерусалима, пренебрегая своими духовными обязанностями.

Разрыв с народом и фарисеями вынудил царя искать поддержку среди саддукеев.

В период с 95 по 83 год до н. э. Эрец Исроэл потрясли внутренние распри и волнения. Однажды, во время праздника Суккос, всё возраставшее народное возмущение вылилось в происшествие, о котором пишет Иосиф Флавий: «Когда наступил праздник и Александр приблизился к алтарю, чтобы принести жертву, они стали кидать в него лимонами... Кроме того, народ стал поносить его, что он родился от военнопленных родителей и потому не может быть признан достойным чести совершать жертвоприношения». По приказу разгневанного царя наемное войско жестоко подавило стихийное восстание, убив при этом 6000 человек. Народ не простил Александру Яннаю резню безоружных горожан в святой праздничный день и только выжидал удобного момента, чтобы отомстить.

И этот момент скоро наступил. После завершения завоевания Моава и Галаада царь развязал войну с набатеями. Попав в ловушку в узком Заиорданском ущелье, он потерял всё свое войско и бежал в Иерусалим, где по его возвращении вспыхнуло восстание, возглавленное фарисеями. Так началась гражданская война, продолжавшаяся шесть лет. Потери в ходе войны достигли около 50 000 человек. Царь, утомленный войной, делал безрезультатные попытки примирения. Когда же он спросил у своих противников, что может примирить их, то получил ответ: «Твоя смерть!»

Понимая, что после такого ответа на пощаду рассчитывать невозможно, в 88 году до н. э. фарисеи призвали на помощь селевкидского царя Деметрия III Эвкероса, войско которого насчитывало три тысячи всадников и сорок тысяч пехоты. К этому войску присоединилось народное ополчение евреев. В сражении близ Шхема Александр Яннай потерпел поражение, но евреи, опасаясь последствий иностранной интервенции, перешли на его сторону. Лишенный поддержки, Деметрий удалился из Эрец Исроэл, но война продолжалась. Александр жестоко отомстил изменникам. По его приказу в Иерусалиме распяли восемьсот пленников, среди которых были и фарисеи. На глазах агонизирующих жертв царского произвола убили их жен и детей.

Էծնի ինքս ի անառ անեռ ի ինն ժնիս և և 30-36 անառ և ի իսէ յծն.

После окончания гражданской войны, в период с 83 по 76 год до н. э., царь с переменным успехом продолжал завоевательные войны с государством Селевкидов и новым противником – арабами.

После того как государство Селевкидов стало добычей армянского царя Тиграна, Александр Яннай завоевал в Заиорданье эллинизированные города Пеллу, Диум, Герасу и сильную крепость Гамалу.

Последние годы жизни царя были омрачены тяжким недугом. Выздоровливая, он искал забвения в новых походах. Смерть настигла его во время осады крепости Регев (Рагаба). Незадолго до кончины царь примирился с фарисеями, устроившими ему пышные похороны в Иерусалиме. По завещанию Александра правительницей стала его жена Саломея Александра, которой он советовал во всем прислушиваться к фарисеям.

Жестокая внутренняя политика Александра, приверженность эллинизму и разорительные внешние войны подточили основы молодого независимого государства и оттолкнули народ от династии Хасмонеев. Таким образом, царь подготовил последовательную через тринадцать лет катастрофу – потерю независимости Эрец Исроэл и падение династии Хасмонеев.

Вступление на престол Саломеи Александры (правила в 76–67 гг. до н. э.) возвратило свободу сотням людей, томившихся в тюрьмах при Александре Яннае, и право вернуться домой тысячам изгнанников. Первосвященником царица назначила своего старшего сына Гиркана II (103–30 гг. до н.э.).

Фарисеи, подвергавшиеся при Александре Яннае жестоким преследованиям, стали доминировать в общественно-политической жизни страны. «Она передала все дела фарисеям, повиноваться которым повелела и народу, причем вновь санкционировала все те дополнения к Закону, которые были введены фарисеями и затем отменены ее свекром, Гирканом. Таким образом, она носила лишь имя царицы, вся же власть на самом деле была в руках фарисеев. Последние возвращали изгнанников на родину, освобождали заключенных, одним словом, ничем не отличались от настоящих правителей», – свидетельствует Иосиф Флавий.

При этом весьма вероятно, что фарисеи стали преследовать саддукеев. Однако совершенная ими казнь некоего Диогена, по совету которого в свое время Александр Яннай казнил восемьсот пленников, свидетельствует скорее об их умеренности, тем более что специальное упоминание о казни этого злоумышленника говорит о немногочисленности актов возмездия.

Желая избежать дальнейшего продолжения смуты, Саломея Александра удалила вождей саддукеев из Иерусалима, назначив их командирами отдаленных крепостей. Однако она позаботилась, чтобы стратегически важные пункты не попали под их контроль.

В отличие от своего предшественника, царица проводила гибкую и взвешенную внешнюю политику, что позволило ей восстановить высокий международный престиж Эрец Исроэл.

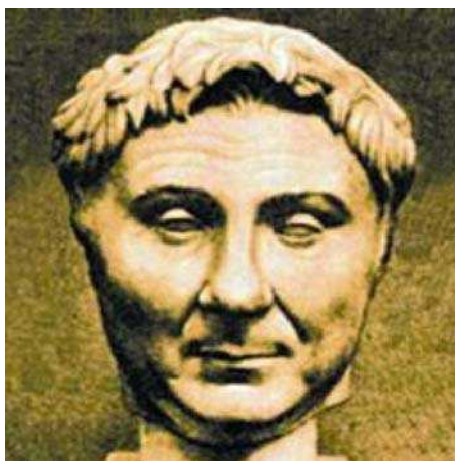
Увеличив численность и улучшив снабжение войска, Саломея Александра прибегала к его помощи только в случае крайней необходимости.

Обладая политическим чутьем и дальновидностью, она сумела избежать нашествия войск армянского царя Тиграна, заставив его с помощью искусных дипломатических маневров держаться вдали от границ Эрец Исроэл.

Под руководством Саломеи Александры проводились важные социальные реформы. По совету своего брата – видного фарисея Соломона бен Шетаха – она основала общедоступные начальные учебные заведения и сделала начальное образование обязательным для всех мальчиков и девочек.

Последние годы жизни царицы омрачила тяжелая болезнь, которой воспользовался ее сын Аристокбул. Только смерть, последовавшая на семьдесят втором году жизни, избавила ее от печальной участи быть свергнутой собственным сыном.

Сразу же после смерти матери Аристокбул II (100–49 гг. до н. э.) развязал войну против своего старшего брата Гиркана II.

Ἡρὸς Ἰσραὴλ

После трехмесячного правления Гиркан отрекся от престола в пользу брата. Отречение от престола не стало трагедией для Гиркана, так как по своей натуре он любил тихую жизнь и был неспособен к управлению государством. Однако, по наущению своего советника, эдомитянина Антипатра^[4], он обратился за помощью к царю набатеев Арету, за что Антипатр обещал отдать набатеям двенадцать городов в Эрец Исроэл. В 65 году до н. э. царь набатеев вместе с Гирканом, во главе пятидесятитысячного войска, двинулся на Иерусалим. После неудачной попытки отразить натиск набатеев Аристокбул и его сторонники закрепились на Храмовой горе. Наступил Пейсах, и осажденные, у которых не хватало животных для жертвоприношений, покупали их за большие деньги у осаждавших. Ежедневно с крепостной стены Храма на цепях спускали корзину с золотом, а взамен на тех же цепях наверх поднимали баранов. Но однажды набатеи вместо барана отправили в Храм свинью. Легенда гласит, что, когда свинью поднимали на стену, она «вцепилась в стену когтями», и вокруг Иерусалима «Эрец Исроэл сотряслась на 400 парсот» (около 1800 километров).

Впоследствии обе стороны опрометчиво обратились к римлянам, чтобы разрешить свою тяжбу. К тому времени войска видного римского полководца и политического деятеля Помпея^[5] вплотную приблизились к границам страны. За взятку в 400 талантов легат войск Помпея – Скавр – решил спор в пользу Аристокбула. По приказу Скавра царь набатеев Арет снял осаду Храмовой горы и увел свое войско из Эрец Исроэл, а Гиркан сохранил лишь незначительную долю своих средств.

Но в 64 году до н. э. в завоеванную Сирию прибыл Помпей, и дело приняло для Аристокбула неблагоприятный оборот.

Золотая виноградная лоза стоимостью в 400 талантов, подаренная Помпею Аристокбулом, не произвела должного впечатления, и, когда в 63 году до н. э. всё еще враждующие братья вместе с представителем народа, желавшим отстранения династии Хасмонеев от власти, обратились к нему с жалобами, Помпей пришел к выводу о необходимости ликвидации независимости Эрец Исроэл. Он потребовал у Аристокбула немедленной сдачи Иерусалима и всех крепостей. Аристокбул попробовал действовать методом провокаций, но тогда Помпей штурмом взял Иерусалим и вошел в святилище Храма. Римляне пленили Аристокбула и вместе с семьей отправили в Рим. Вот как описывает эти события Иосиф Флавий: «На третий месяц осады, после того как римляне с большим трудом разрушили одну из башен, они проникли в храмовый двор... Здесь-то многие священники при виде неприятелей, устремившихся на них с обнаженными мечами, неустрашимо оставались на своих постах, продолжая свое служение... Двенадцать тысяч иудеев погибло тогда; римляне имели весьма немного мертвых, но больше раненых».

В 63 году до н. э. Помпей объявил Эрец Исроэл подвластной Риму провинцией. В 61 году до н. э., во время пышного триумфа Помпея в Риме, еврейский царь и Первосвященник Аристокбул шествовал перед колесницей триумфатора.

В 56 году до н. э. Аристокбулу и его сыну Матисьяу Антигону II удалось бежать и поднять восстание в Эрец Исроэл, но римляне схватили его, заковали в кандалы и вновь отправили в Рим. В 49 году до н. э. Аристокбула освободил Гай Юлий Цезарь^[6] и во главе двух легионов отправил против Помпея в Сирию. Но по пути туда Аристокбула отравили клеветы Помпея.

После пленения Аристокбула Гиркан вновь стал Первосвященником, а в 47 году до н. э. Цезарь назначил его этнархом, то есть правителем с ограниченными полномочиями, но вся полнота власти де-факто перешла к Антипатру, использовавшему ее в своих интересах.

Неспособность Гиркана к управлению Эрец Исроэл была столь очевидна, что впоследствии Марк Антоний^[7] лишил его титула этнарха и последней видимости власти, передав титул и все полномочия Ироду^[8].

Позднее Гиркан попал в плен к парфянам. По приказу его собственного племянника Матисьяу Антигона ему отрезали уши (человек, имевший физические недостатки, не имел права занимать должность Первосвященника) и отправили в ссылку в Вавилонию.

Некоторое время спустя по просьбе Ирода он вернулся в Иерусалим. Ирод принял Гиркана с большими почестями и относился к нему с уважением. Но в 30 году до н. э. Гиркана по ложному обвинению в сговоре с арабами осудили и казнили.

Последним царем из династии Хасмонеев стал Матисьяу Антигон II (правил в 40–37 гг. до н. э.). Справедливо считая Гиркана II марионеткой в руках Антипатра, он стал бороться за престол Эрец Исроэл. С этой целью в 47 году до н. э. он посетил Цезаря, находившегося в то время в Сирии. Но римляне отвергли его претензии. Тогда Антигон обратился за помощью к их врагам. Первая попытка захвата власти, предпринятая в 42 году до н. э., потерпела неудачу. Однако вскоре обстановка в Эрец Исроэл резко обострилась. Безжалостная эксплуатация, которой римляне подвергали евреев, вызвала волну народного гнева против Рима и его ставленников. Кроме того, в 40 году до н. э. началось вторжение парфян в Сирию. Антигон вступил в союз с парфянами, провозгласившими его царем и Первосвященником. С их помощью он разбил римлян и изгнал их из Эрец Исроэл. Римляне объявили Антигона своим врагом и, в свою очередь, провозгласили царем Ирода, сына Антипатра.

¹²⁹ *Óadeinê* - anou eazai aa ía enoi:-í eea yoiar íaçai ey, íai aei í daai í eaaipò, ÷oi í adaçí aai eá yoiar í eíaa ínyçai í í aadéí eei «í adú eei» («Óadeinê») - «í o áae eá ae íny í nyò í nò e», eé e aá í í adú eei í aai í eyí, í açai eá auçai í íai í í aai e:-a í eyí e, eí oí ðu í daai nò aae ð aae yoi e eí eí eí í í aadéí e í nyç. Í í e í:-e o aae, ÷oi ð aae í çí uá ç aei í u a í e a í u ói ð aae yoi u a e ç í u p e a e a í a a a í y á í o á a e í í nò e e a í a í í a d í a a. Í o e e:-a e í n u a í e í e ð a e e í ç í í n u p e í o a a í n u a í í u i e a í a d í a a e a e y í e, í ð í í a a í a e e í e d í í í n u e a í ç a d e a í e a Ó a d e í n e í ð e í a a e a e e e í a u a í n u a í í u i e d u a í, í í a a d e a a e e í a í n u a í e a Ó a m í í a a í, í í í ð e Á e d e a í a í a í a o e e í y e í í o e e o í a e a í o í e í e e í ð a a y u e i ð a e e í í. Í í e o í í a í e p, í í e e o e:-a í e a y í a ç a a e í e í n u i í í a a í n o a o u o a a í a a d u a í í a e a í e e Ó a d í o a e y A - a e y í a ç a í e a Ð a ç í:-a d í a a o e n u a í a í í n u a í n u e Ó a m í í a a a í í e í e o u y o o ð a e e a í ç í o p í e n e p, í í e í o e a ç a e e n u í o a a p u e í a í í e í í a a d e e e í ð a a y u a e a e í a n o e e.

Náaóeae - «oáoeei» - a í a í a e e e í a í a e í y í o a e a e a e í e í a í a d í n u a í í e e a Ó a a í e a, í í o í e e e í o í ð r a í a í ç a a e e e o a:-a í e a Í a í ð e ç í a a e e Ó n o í o p Ó r o e í í a í a í a í o n a í í n u e a e e n u í a í n u p E í e a Ó e a ç í a («Náe o a d a - a d e í e n»). Ó r o y í í a a e a n o u p Ó a m í í a a í í e e e e e e n u í n u a Í a d í n u a í í e e a, í a d e a a o a a í e í ð a a y u a e a e í a n o e e, í a í a e í í í ð a e a í a í o í e u ç í a e e n u a e e y í e a í í a o a d í e o p í a í u p, ç a í e í a e e a í n u e a a í e í e n o ð a o e a í u a a í e a í n u e a n o d a í a

Ánne - e í a e e í í í a í a u a a í n o a d e n u y í e, í a í a e í, a í o e e:-e a í o í e u, í a d a ç í a a e e í a í n u a e a í í a ç a í e í o í a a d a o n o a í. N:-e o a e e í n u y a e í n o a a í í e e n o e í í u í E ç u a e e a í, o a e e a e, í í e o í í a í e p, ð a e e a í ç í a y a e ç í u a í a d í a a o e Ó d a í a u e e a í ç í a a a e í í e n u í o:-a í u.

¹³⁰ *Eaadao* - í daai eí a í í u e Á e a e e a e a d a:-í u e í n p ç í a e a o a a ç a a d í e e a a í a í e e a d a o í a a í í e í e í í a í í o e a

¹⁴ *Áí o e í a o d* (o í a d á 43 á a í í. y) - í ð a e e o a e u Y o a o E í n u y e, í o a o o a d y E d r a a. Í ð r e n u a e e e ç e a o í a e í e í e í n u u e, í ð e í y a o a e e o u a e ç í. Ó a ç a d u í a ç í a:-e e a a í ð a a e o a e a í, í o e e í í e a í ð e o y ç a í e y í a í o a n o í e Í a o e n u y o Á í o e a í a Í l. Á í o e í a o d, n o a a o e e o a e o e:-a í e e í í ð a a e o a e a í Y o a o E í n u y e, í a ç í a:-e e í a í e o í n u í a e e í a a a e í a e o e a í n u a d í o a a í í u a í í n u o. A u e í o ð a e a í a 43 á a í í. y.

¹⁵ *Í í í a e Á í a e*, í í í ð r ç a e u o Á a e e e e (106-48 a a í í. y) - ð e í n e e e í í e e í a í a a o e e í í e e o e:-a í e e e a a y o a e u Á 71 á a í í. y. o:-a n o a í a e e a í í a a e a í e e a í n u o a í e y N í a d o a e a Á 67 á a í í. y. Ð a ç a d í e e n u a e e ç a í í í o í e e o í e d a o í a Í í o a d í a a í í ð a e a í e a a í a í d u a í n Ó a ç a d u í, a a e a e a Á a e í a o, a a í a u e o a e o í í ð e e a o a a e í a o n e í a í a o a d y.

¹⁶ *Ó a ç a d u í Á a e P e e e* (102 e e e 100 - 15 í a d o a 44 a a í í. y) - ð e í n e e e a í n u a d í o a a í í u e e í í e e o e:-a í e e e a a y o a e u Á í í e e o e:-a í e o p a í d u o a e e p:-e e n y a 78 á a í í. y. N 73 á a í í. y. Í a:-a e a í a í o p e a d u a d u Á o í a a a e e u n e e o í o r a í a 58-51 a a í í. y. ç a í a a e a í p ç a e e u e e n e o p Á a e e e p. Ð a ç a d í e e a a í e í e a Í í í a y e a a í n p ç í e e í a a a o a e o í a n o a í a e e í í a d o e:-a í e o p a e e o a o o o. A u e o a e o ç a í a í d u e e a í e a í a d u a í ç a í a a í e y N a í a o a.

¹⁷ *Í a d e Á í o í e e* (83-30 a a í í. y) - ð e í n e e e í í e e í a í a a o e e í í e e o e:-a í e e e a a y o a e u Á u a a e í o e n y e a e í a:-a e u e e e í í í e o u a í a d u a í y a í e í u a Í a e a n o e í a e Á a e í o a (57-55 a a í í. y). Á 54 á a í í. y. í ð e í e í o e e Ó a ç a d p. N a e e e a e e n u a í n u e a n o a e e n a e e í a o n e í e o a d e o a e E e a í a o d í e, a a d e e a e e a í a a o y í í a d í í u a a e a a í e y, ÷a í a í n u o a í a e e í ð r o e a í n u a y ð e í e y í. Í í o a d í a a í a a u a:-o a a d a e a a í n e í e a í e í a í í e í í:-e e a e ç í u í a í í o e e n o a í í.

¹⁸ *E d r a Í Á a e e e e* (73-4 a a í í. y) - o a d u Y o a o E í n u y e (40-4 a a í. y). Í o í í o a í e a í a d í a a e í a í o a u e í í a í d e y ç í a í í u í, a o í e í o y í í a d a e a a a í u í. Í a í a a e n o u í a d í a a e E d r a o a u e a a í n u e í y o a e d a í í e í e o d e n o e a í a í e, ÷o í í a o e í í o ð a e a í e a a a a í a e u n e í í n e a ç a í e e í a o:-e í a í í í e í a Á e o e a a í a e ç a e a í e e í e a a a í o a a

Она рассмеялась – молодо, весело:

– Ох уж эти ваши шуточки, стыдитесь, мистер Лумбик.

– Одну маленькую милость ради дня рождения, – умолял он, вздымая мизинец. – Всего одну, совсем маленькую, от нашей новорожденной.

Она снова всполошилась. Надеялась, что он не станет просить его поцеловать, хотя, пожалуй, именно этого и ожидала. Ей вовсе не хотелось целовать мистера Лумбика, не хотелось даже чмокнуть его в щеку – для чего пришлось бы пригнуться, – всегда, на ее вкус, плохо выбритую.

– Не мистер Лумбик, – упрасивал он. – Никогда больше мистер Лумбик. Карл. – Он склонил голову набок, моляще глядя на нее выцветшими глазками. – Хорошо? Карл. Такое красивое имя.

Она не ответила. Вместо ответа ушла на кухню, принесла apfel strudel^[1] в комнату, где для гостей уже был накрыт стол. Мистер Лумбик следовал за ней по пятам на бесшумных каучуковых подошвах. На ответе он не настаивал. Он гордился тем, как хорошо понимает женщин, а Соня из тех, с кем надо обходиться осмотрительно и тактично: она была из хорошей семьи и воспитана в романтическом духе.

– А теперь я скажу вам сюрприз, – сказал он. – Вы порадуетесь узнать, что с этого дня мне подарили британское гражданство.

– Вот и хорошо, – сказала Соня: внимание ее было занято последними приготовлениями.

Она получила британское гражданство десять лет назад, и первые восторги уже подзабылись.

– Да, мне лично позвонили из Скотленд-Ярда. – И он изобразил, как набирает номер, подносит трубку к уху. – Алло, это Карл Лумбик? Вы теперь есть очень маленький член очень большого Британского Содружества. Б-же, храни королеву, Карл Лумбик! Б-же, храни королеву, мистер Скотленд-Ярд! – И изобразив, как кладет трубку, мистер Лумбик вытянулся по стойке «смирно».

Соня засмеялась.

– Какой вы смешной!

Он всё обращал в шутку. Если б Отто был хоть чуточку на него похож. Но нет, Отто всё воспринимал трагически. Когда они получили британское гражданство, он и это воспринял трагически.

– Да, наши паспорта они нам дали, – сказал он, – ну а что мы имеем, кроме наших паспортов?

– Оттолайн! – взывала она к нему. – Радуйся!

А вот Карла Лумбика не нужно было уговаривать радоваться.

Он подпустил нежности в голос.

– Так что теперь я есть, так я думаю, очень пригодный кавалер. – Тон не тот, он сразу это понял: она отвернулась, принялась поправлять обрамленную фотографию Отто на столике у изголовья ее кушетки. – Я опять, так я думаю, расстегнул свой большой рот слишком широко, – горестно сказал он.

И тут же настороженность ее покинула, и она – не в силах сдержаться – рассмеялась. Он всегда заставлял ее смеяться, такой он был комичный. Она старалась сохранить дистанцию, держаться вальяжно, но по сути как была, так и осталась всё той же Соней Вольф, несе^[2] Ротенштейн. Ядреная резвушка – так о ней говорили. Ядреной она была всегда – крутая грудь, крутые бедра, а при всем том изящная: прекрасный, пышно распутившийся цветок на стройных стебельках ног, она, если не смеялась, то готова была рассмеяться – ее верхняя вырезная губка вечно подрагивала, приоткрывая здоровые зубы.

Раздался звонок, мистер Лумбик, что твой дворецкий, заскользил к двери.

– Входите, входите, – сказал он, склоняясь в низком поклоне, – *apfel strudel* получился очень удачно.

– А где у нас новорожденная? – гаркнула миссис Готлоб, голос у нее был осиплый, безапелляционный.

Уж кому-кому, а Соне ее голос был даже слишком хорошо знаком: не счесть, сколько раз она слышала, как та орала, что они не выключили свет и не вымыли за собой ванну; Отто, услышав ее крик, бледнел, сникал, и Соне ничего не оставалось, как спуститься вниз и пустить в ход всё свое обаяние, со всем соглашаться, во всем поддакивать, лишь бы миссис Готлоб прекратила вопить и расстраивать Отто. Но теперь, разумеется, всё в прошлом, и миссис Готлоб уже не домохозяйка, а подруга.

Войдя, миссис Готлоб одарила Соню звонким поцелуем и коробкой шоколада.

– Поцелуй – для любви, шоколад для еды, – сказала она.

Большая расписная коробка была обвязана синей атласной лентой. Точно такие же чуть ли не каждый день дарил ей в Берлине Отто. Он прокрадывался на цыпочках в малую гостиную – так у них называлась комната, где она обычно сидела за секретером: писала письма, отвечала на приглашения, – блаженно улыбаясь, плутовски спрятав коробку за спину, говорил:

– А ну-ка посмотрим, какой приятный сюрприз мы для нас припасли.

И она вскакивала – ядреная, ладная, непосредственная:

– Ой, Отто!

– Ну и как, – миссис Готлоб села и, захрустев костями, охнула, – ну и как мы себя в свои двадцать пять чувствуем?

– Как, уже двадцать пять, так не может быть! – мистер Лумбик даже руками всплеснул от удивления.

– Моему младшенькому, моему Вернеру, и то скоро двадцать шесть, – сказала Соня – говоря о детях, она не могла сдержать улыбки, так она ими гордилась.

– Ну и где же он сегодня в день рождения *Mutti*?^[3] – вопрошала миссис Готлоб. – Не иначе как с подружками, так ведь? – и она погрозила оплывшим от жира пальцем. – Знаю я вашего Вернера – он проказник.

– Когда же и проказничать, если не в двадцать пять? – сказал мистер Лумбик. Он улыбнулся своим воспоминаниям. – Справьтесь в Вене, каким был Карл Лумбик в двадцать шесть, – о-ля-ля, – и он покачал головой, воскрешая в памяти и барышень, и кафе, и Карла Лумбика в лихо заломленной шляпе и пальто верблюжьей шерсти.

– Справьтесь в Лондоне, какой Карл Лумбик в пятьдесят шесть, – отрезала миссис Готлоб, – и ответ будет примерно такой же, только теперь он уже не молодой, а старый шалопаи.

– Вы даете мне плохую репутацию, – сказал мистер Лумбик, поглаживая лацканы пиджака и раскачиваясь на каблуках, – он был, пожалуй, даже польщен.

– Я сегодня получила письмо от моей Лило, – сказала Соня. – Она поздравляет меня с днем рождения, и, подумать только, письмо пришло точно, день в день, а ведь из какой дали шло, из Израиля. Она и фотографии прислала, такие славные. – И она взяла письмо с каминной полки, где оно стояло на видном месте, и показала миссис Готлоб фотографию Лило, ее мужа – дочерна загорелые, коренастые земледельцы, в рубахах с расстегнутыми воротами, с закатанными рукавами, – и их белокурого голого малыша.

– Ну до чего же мил, – проворковала миссис Готлоб, глядя на фотографию. – И как похож на вашего Вернера: я же помню, в четыре года, когда вы у меня поселились, у него были такие же волосы.

Мистер Лумбик заглядывал миссис Готлоб через одно плечо, Соня – через другое.

– Что-то в нем есть и от моего дорогого папы, да будет земля ему пухом, – сказала Соня и вздохнула, вспомнив отца, рослого здоровяка, красавца, любителя пожить в свое удовольствие, погибшего в Освенциме. – И еще я нахожу в нем сходство – а вы? – спросила она с робкой надеждой, – с моим дорогим Отто, вот посмотрите – глаза, лоб, у Отто всегда был такой красивый лоб.

Мистер Лумбик скосил глаза на фотографию Отто у изголовья кушетки. Красивый лоб, подумал он: Отто всегда был лысый, как коленка, вот вам и красивый лоб. Он помнил Отто Вольфа лысым, всё усыхающим шибздиком, вечно усталым, вечно хворающим, в дорогом, болтавшемся на нем, как на вешалке, халате, вывезенном из Германии. Мистер Лумбик всегда считал, что Соня заслуживает лучшего мужа – такая она замечательная. Хотя, конечно же, в Берлине Отто Вольф был фабрикант, богат, и судить об Отто по тому, каким он стал в последние свои годы – бедным, безработным беженцем, не говорящим по-английски, – нельзя.

– Да, не исключено, что и на нашего дорогого мистера Вольфа, – сказала миссис Готлоб, вглядываясь в малыша. – А какой он был джентльмен. Лумбик, я всегда говорила, такого джентльмена, как мистер Вольф, у меня в пансионе никогда больше не было.

На реснице у Сони повисла слезинка, но она радостно улыбалась. Какая она славная, эта миссис Готлоб! Соня всегда убеждала Отто, что миссис Готлоб, пусть она и горластая, и грубая, всё равно хорошая. Но Отто был такой ранимый, ну и, конечно же, он всю жизнь вращался среди людей утонченных и поэтому никак не мог здесь освоиться. – Слезинка покатила у нее по щеке, она вытерла ее платком с монограммой «С».

– Да, миссис Готлоб, – сказала она, – всем нам никогда больше не встретить такого джентльмена до конца ногтей, как мой дорогой Отто, да будет земля ему пухом. Если б вы знали его в Германии, когда у него была и фабрика, и вилла в Шарлоттенбурге, – вот тогда вы б его еще и не так уважали!

Всегда щеголеватый, всегда подтянутый, в прекрасно сшитом костюме из лучшей английской материи, поверх туфель ручной работы – гамаши, пахло от него дорогим одеколоном. И за всё время в Германии – начиная с того года, когда они познакомились: ей тогда было семнадцать, ему тридцать шесть, и вплоть до 1938-го, когда им пришлось уехать, – он ничуть не изменился, как был, так и остался миниатюрным, лысым, румяным, элегантным. А вот в Англии он враз состарился и почти не вылезал из халата.

Миссис Готлоб испустила тяжкий вздох, от чего ее раздавленное из-за нарушенного обмена веществ тело заколыхалось.

– Да, там мы все были другие. – И вспомнив мясную лавку Готлобов – лучше их ливерной колбасы во всем Гольденкирхене было не найти, – она снова вздохнула. – Пусть так, но все мы здесь и вдобавок живы, ну, что вы на это скажете, Лумбик? А это, должно быть, Эльзе, – сказала она: в дверь снова позвонили.

Крохотуля Эльзе – поперек себя шире, – запыхавшись, влетела в комнату, полы пальто развеваются, из седого пучка торчат – вот-вот попадают на пол – шпильки, под мышкой – объемистая кожаная сумка.

– Видите, я опять опоздала, – сказала она. – А что я могу поделать? Всегда одно и то же: работа, работа, спешка, спешка. Эльзе то, Эльзе се – каждый день в пять часов я готова подать заявление об уходе. – Она положила сумку, принялась поправлять прическу, мистер Лумбик подошел, помог ей снять пальто. Эльзе подозрительно посмотрела на него: – А вы, Лумбик, снова меня вышучиваете? – И, не переводя дух, продолжала: – Нет, вы подумайте, сегодня в половине пятого она мне говорит: «Эльзе, еще одно небольшое дельце, надо укоротить юбку для очень важной для нас клиентки». «Миссис Дейвис, – говорю я, – уже половина пятого, меня пригласили на день рождения в Суисс Коттедж ровно на половину шестого...»

– Хватит мелить языком, – оборвала ее миссис Готлоб, – пожелали бы лучше что-нибудь новорожденной.

Эльзе схватилась за голову:

– Вот видите, всё, буквально всё вылетело у меня из головы... да что ж это я, ведь у меня есть подарок! – Она принялась рыться в бездонном нутре своей сумки, но вынималось всё не то: ключи, снизка булавок, тюбик аспирина. За ними последовало письмо, вытащив его, она возгласила: – Мне не терпится рассказать, какие у меня новости!

Конверт был с немецкой маркой. При виде письма с иностранной маркой Соня, как всегда, встревожилась:

– Надеюсь, хорошие новости? – спросила она.

– Мало сказать хорошие – я получаю компенсацию! Десять тысяч марок.

– Эльзе, это же замечательно!

Миссис Готлоб выхватила у Эльзе письмо, прочла.

– Надо было просить двадцать, – заметила она.

На компенсациях она собаку съела. Все ее друзья, все ее жильцы уже получили из Германии компенсации за свои утраты; да и сама она получила неплохие деньги за мясную лавку. Соня, разумеется, получила больше всех, но ведь и семья ее потеряла больше всех. Теперь Соня снова стала богачкой, но так, собственно, и должно быть.

– Десять тысяч – тоже очень даже неплохой куш, – сказала Эльзе, от удовольствия она раскраснелась. – Ну и на что мне употребить мои десять тысяч? Что, если поехать отдохнуть в Швейцарию, в хорошую гостиницу...

– Эльзе, давай поедem в Сен-Морис? – Соня захлопала в ладоши, глаза ее заблестели, крупное тело раскачивалось на худощавых, элегантных ногах. – Я была там с папой и мамой – когда ж это было? Б-г знает сколько лет назад, мне лет пятнадцать было. Какая там красота!

– На^[4], а как насчет кофе, у нас ведь день рождения? – напомнила миссис Готлоб.

Соня принесла из кухни кофейник, и они расселись вокруг стола.

– Значит, у всех у нас счастливый день, – сказал мистер Лумбик. – Во-первых, у нас сегодня чей-то день рождения. – И он бросил томный взгляд через стол, отчего Соня законфузилась и опустила глаза в чашку, а миссис Готлоб толкнула его и сказала:

– Не бросайте глазки, Лумбик.

Он тут же закрыл глаза, принял позу пай-мальчика, так что Соня и Эльзе прыснули, точно школьницы.

– Я всегда имею успех у дам, – заметил он. – Итак, во-первых, мы имеем день рождения. Во-вторых, Эльзе получила компенсацию и едет кататься на лыжах в Сен-Морис.

– Да, – вскричала Эльзе. – И за свои десять тысяч переломаю себе ноги – живем всего раз, эге-гей!

– И Карл Лумбик сделался британским гражданином четвертого класса.

– А значит, – сказала миссис Готлоб – рот ее был набит яблочным пирогом, – теперь вы – один из нас.

– Точно так и она заявила, когда я получила гражданство, – моя миссис Дейвис, – сказала Эльзе, – «Теперь, Эльзе, вы – одна из нас». «Да, миссис Дейвис, – говорю, – я – одна из вас». – И она презрительно фыркнула. – Да я бы скорее выдернула себе руки-ноги – «одна из нас»! Стоит ей открыть рот, и сразу ясно, из какой она семьи.

Сама Эльзе была из очень почтенной семьи и никогда не забывала о том, что ей положено по праву. Ее отец, Эмиль Леви, преподавал в старших классах, был видным гражданином Швайнфурта, к тому же, пока нацисты не пришли к власти, таким патриотом Германии, каких мало, – в гостиной у Леви всегда висел портрет кайзера с семьей.

Соня сказала:

– Здесь, в Англии, евреи совсем некультурные, мы, в Германии, были другие.

– Некультурные! – выпалила Эльзе. – Сказать при ней «Бетховен», так она решит, что это ругательство.

– Знаете анекдот про то, как Мойше Ротблатта из Пинска повели на «Тристана и Изольду»? – спросил мистер Лумбик.

– Никаких больше ваших анекдотов, Лумбик, – сказала миссис Готлоб. – Вы в хорошем обществе.

– В самом наилучшем, – подтвердил мистер Лумбик. – Если бы мне сказали двадцать лет назад: Карл Лумбик, через двадцать лет ты будешь пить кофе с тремя прекрасными дамами в роскошной квартире с центральным отоплением и лифтом...

– Что и говорить, всем нам, слава Б-гу, сейчас получше, чем двадцать лет назад, – сказала Эльзе.

– Если б только он подождал, – сказала Соня. – Он никогда не верил, что станет лучше. Я всё говорила ему: «Отто, сейчас темно, но солнце выйдет», а он мне: « Нет, всё кончено». Понимаете, он не хотел больше жить.

– И у меня было много дней, когда мне тоже не хотелось жить, – сказала Эльзе. – После того, как я сидела в комнатке позади магазина, по десять часов шила на миссис Дейвис, так что у меня глаза вылезали, потом шла домой в меблированную комнату, где постель была не застелена и я не имела шиллинга на газ, чтобы разогреть банку консервов, я говорила себе: «Эльзе, что ты здесь делаешь? Отец, мать, сестры – никого нет на свете, почему ты еще здесь, положи этому конец».

– Кто не имел таких дней? – сказал мистер Лумбик. – Ну а потом идешь себе в кафе, играешь себе партию в шахматы, тебе рассказывают новый анекдот – и жизнь опять хороша. – Он улыбнулся, и в глубине его рта так весело, так лихо блеснул золотой зуб, что у Сони екнуло сердце, и она подумала: какой же он славный.

А тут и Вернер явился домой.

– Как мило, – сказал он. – Кофейничаете? По какому случаю?

– По какому случаю кофейничаете? – вознегодовала миссис Готлоб. – По случаю дня рождения.

– Вот те на! – Вернер прикрыл рукой рот и, округлив глаза, виновато посмотрел на мать.

– Так он забыл мамин день рождения, – возопила миссис Готлоб.

– Я думал, это мужья забывают дни рождения, – мистер Лумбик попытался обратить всё в шутку.

– Ну что я могу сказать? – адресовался Вернер к матери.

– Ничего, ничего, какие пустяки, – Соня поспешила прервать сына.

– И вовсе не пустяки. Совсем не пустяки, – он взял руки матери в свои, ласково, не без снисходительности поцеловал в щеку.

Одного с ней роста, он был хорош собой – густые темные волосы, элегантная повадка.

– Никаких поцелуев! – вскричала миссис Готлоб. – Ты поганец, тебя надо отшлепать.

– Если бы Вернер поцеловал меня хоть раз, я бы тоже простила ему всё-всё, – сказала Эльзе.

Вернер наклонился, поцеловал ее в щеку, сказал:

– Как поживаете, tante ^[5] Эльзе?

Она – в упоении – закрыла глаза:

– Соня, ну за что тебе такой сын?

Соня оглядывала гостей с горделивой улыбкой.

– А теперь сядь-ка рядом со старухой Готлоб, – сказала миссис Готлоб, похлопав по соседнему стулу, – и расскажи ей всё про своих подружек.

– О какой из них вам рассказать? – Вернер подтянул брюки с безупречной складкой, закинул ногу на ногу, продемонстрировав элегантные носки, – о блондинке, о брюнетке или о моей фаворитке – рыжей?

– А у моих подружек волосы одного цвета, – сказал мистер Лумбик, – седые.

Однако с приходом Вернера никто не обращал на него внимания.

Миссис Готлоб погрозила Вернеру пальцем.

– Передо мной можешь не важничать. Для меня ты всё тот же малыш Вернер Вольф, который бегал к tante Готлоб на кухню и просил tante Готлоб испечь тебе вкусную ватрушку! Вот так-то, а теперь ты делаешь вид, что обо всем забыл! – и она ущипнула его за щеку, да так, что он поморщился.

– Нет-нет, можно ли такое забыть! – сказала Соня. И хотя ей хотелось бы забыть годы, проведенные в доме миссис Готлоб, комнату, служившую им и спальней, и гостиной, где Отто дрожал от

холода у газовой горелки под звуки склок других беженцев, перебранивавшихся из-за того, чья очередь принимать ванну, в голосе ее звучала искренняя благодарность.

– Вернер! Ты даже не представляешь, куда мы поедem! В Сен-Морис! – сказала Эльзе.

– В Сен-Морис? – Вернер поднял бровь, улыбнулся – само обаяние. – Но Mutti же была там давным-давно с мамой и папой...

– Он смеется надо мной! – запричитала Соня и вытянула руку вперед, словно защищаясь от нападок.

Вернер схватил ее руку, поцеловал и продолжал:

– Когда же это было – в год после поездки в Карлсруэ или в год после Бад-Эмса, ей тогда еще сшили дивное платье из белых кружев с цветком на талии и она играла на пианино при лунном свете?

– Смейся, смейся, – сказала Соня. – Но какое же славное было время. Мамино здоровье нуждалось...

– Как же, как же, – вставил Вернер с издевательской серьезностью.

– Ш-ш! Подумать только, Эльзе, дважды в год мы ездили отдыхать, раз – летом, раз – зимой, и всегда в какое-нибудь живописное место, жили в большой гостинице...

– С красными бархатными коврами, зимним садом и чаем в пять часов а` l`anglaise^[6], – сказал Вернер.

– Да будет тебе! – И Соня, совсем по-девчоночьи – весело, с вызовом, тряхнула головой. – Смейся, смейся, вот только, если б мы в тот год не поехали в Мариенбад, где бы ты был? – и сразив этим аргументом сына, победно оглядела всех.

Вернер всплеснул руками, лукаво покачал головой.

– И кого же прелестная Соня Ротенштейн встретила, отдыхая с папой и мамой в Мариенбаде, кого эта благовоспитанная, благонамеренная барышня встретила в Мариенбаде?

– Вернер, ты сегодня просто несносный, – Соня сияла – так была счастлива.

– Да-да, вот так всегда, – сказала миссис Готлоб, – они поднимают родителей на смех, – и она снова потянулась ущипнуть Вернера за щеку, но он успел увернуться.

– Вот что странно, – сказал мистер Лумбик: он не поспевал за ходом беседы. – За свою жизнь я проживал во многих гостиницах, но ни в одной не было красного бархатного ковра.

– Рассказывай дальше, Вернер! – попросила Эльзе. – Я хочу знать историю их романа от начала до конца. – Ее пухлые щеки разгорелись – она обожала романы, и даже теперь, старой девой под пятьдесят, жила надеждой и ожиданием.

– Эльзе, ну зачем ты его подзадориваешь? – одернула ее Соня.

– Нет, пусть мне расскажут, что надо знать барышне, когда она едет отдохнуть в Мариенбад. Что, если нам поехать не в Сен-Морис, а в Мариенбад, а, Соня? Кто знает, что с нами там может приключиться – с тобой при твоей красоте, и со мной при моих десяти тысячах? Нельзя пропустить такой шанс! – она толкнула Соню локтем и сморщила круглое, как яблоко, личико в гримасу, изображающую блаженство.

– Так я вам скажу и еще что-то странное, – сказал мистер Лумбик. – Я, знаете ли, никогда не ездил отдыхать.

На этот раз ему удалось привлечь к себе внимание.

– Никогда не ездили отдыхать! – вскричали хором Соня и Эльзе, а миссис Готлоб сказала:

– Это что, очередная ваша шуточка, Лумбик?

– Да нет, это так. В Вене – ну зачем мне там было ездить на отдых? Вся моя жизнь была отдых.

– Да-да, мы знаем, что это был за отдых, – сказала миссис Готлоб.

– У меня были мои друзья, мои шахматы, мои подружки, кафе, опера – ну и зачем мне было ездить на отдых?

– Это глупо, – сказала Эльзе. – Летом все хотят уехать на отдых. Каждый год, когда школы закрывались, отец увозил нас, всех шестерых, в горы, и мы останавливались в Pension^[7]. Он назывался Pension Катц, я хорошо его помню.

– Ну а потом... – Лумбик развел руками, понурился. – Бедный беженец старается зарабатывать на жизнь, отдых не для него. И тем не менее я много путешествовал: Будапешт, Прага, Шанхай, Бомбей, Лондон – плохо ли объездить столько за одну жизнь?

– Да разве это путешествия? – сказала миссис Готлоб. – Бродяжество – вот что это такое.

– Вы правы, – согласился мистер Лумбик, – одни путешествуют для удовольствия, другие для того, чтобы... как это сказать?..

– Чтобы рассеяться, – сказал Вернер.

– Чтобы рассеяться, спасибо, а другие путешествуют, чтобы их не рассеяли, как прах. Неудачный каламбур, а, мистер Вернер? Я теперь совсем англичанин и сочиняю каламбуры, чтобы потом извиняться за них.

– Будет вам хвастаться, Лумбик, – сказала Эльзе. – Мы уже слышали, что вы теперь – британский гражданин.

– Да, я теперь британский гражданин, и мне больше не могут сказать: «Пакуй чемоданы, Лумбик! Уезжай отсюда!» И так мне стало спокойно, что это даже плохо для моих нервов.

– Что ж, – сказал Вернер, лениво вытягивая ноги, – а вот мне пора паковать чемоданы.

Соня посмотрела на него с тревогой, глаза ее расширились.

– Вернер, зачем?

– Я скоро уезжаю в Рим, – и видя, как изменилось материнское лицо, сказал: – Ну что ты, родная, я же говорил тебе, что, по всей вероятности, уеду.

Соня опустила глаза в чашку, сжала лежащую на коленях крупную белую руку с бриллиантовым кольцом. Мистер Лумбик устремил на нее сострадательный, умильный взгляд. Взгляды остальных были устремлены на Вернера.

– Вернер, как интересно! – сказала Эльзе. – И зачем ты туда едешь?

– В Риме жизнь бьет ключом, а Лондон мне наскучил. Так что, Вернер, пакуй чемоданы! Уезжай отсюда! – Он одарил мистера Лумбика чарующей улыбкой, но тот не улыбнулся в ответ.

– Значит, жить с мамой для тебя не хорошо, – попеняла ему миссис Готлоб. – У вас чудесная квартира, она для тебя готовит красивые обеды, а ты всё бросаешь и – до свидания!

– Что ты там будешь делать, Вернер? – спросила Соня убитым голосом.

– Я же тебе говорил: там жизнь бьет ключом, снимают кино, столько всяких возможностей. Не беспокойся, родная, – он старался говорить беззаботно и весело, но в голосе его сквозило раздражение.

– Да вовсе я не беспокоюсь, – поспешила заверить его Соня.

Никаких причин беспокоиться не было. Денег теперь было достаточно, и в Риме он мог заниматься тем же, что и в Лондоне: немножко баловаться кино, немножко художественной фотографией, а в остальное время ходить с вечеринки на вечеринку и крутить романы.

Вернер посмотрел на часы.

– Б-г ты мой! У меня же в семь свидание!

И он скрылся в своей комнате – она прилегала к материнской. Как только он закрыл за собой дверь, Соня заплакала.

– Соня, liebchen!^[8] – вскрикнула Эльзе.

Миссис Готлоб поцокала языком и на свой грубоватый манер сказала:

– На, и что это такое?

– Какая я глупая, – рыдала Соня.

Мистер Лумбик – воплощенный такт – рассматривал фотографию Сониных родителей, запечатленных во время медового месяца в Биаррице.

– Понимаете, я вот что думаю: ведь всё могло быть иначе, – сказала Соня, утирая слезы крохотным носовым платком. – Отто уже отошел бы от дел, и фабрикой управлял бы Вернер. И был бы он Вернер Вольф, директор SIGBO, известный, уважаемый человек...

– Ну а кто уважает меня здесь? – возопила Эльзе. – Кто я для миссис Дейвис, всего-навсего штопальщица, но я-то знаю, что я всё та же Эльзе Леви, дочь Oberlehrer^[9] Леви из Швайнфурта, и пусть миссис Дейвис думает себе, что хочет, что мне до нее?

– А дети, – сказала Соня, – мы-то знаем, кто мы такие, но что может знать мой Вернер и моя Лило? – При мысли о Лило у нее снова полились слезы, и она прижала к глазам платок. – Бедненькая моя Лило, разве так я жила в девушках – дивные наряды, что ни день балы, танцклассы, уроки игры на фортепиано в Берлинской консерватории. А что имеет она – тяжелую работу в кибуце, работу руками, и эти кошмарные белые рубашки и шорты, – голос ее пресекался, она сказала: – Мой платок совсем мокрый.

– У меня же есть подарок к дню рождения! – Эльзе схватила свою объемистую сумку. Порылась в ней и на этот раз извлекла три отороченных кружевцем носовых платка. – С днем рождения, Соня, это очень хорошее кружево.

– О, Эльзе, какие красивые, – Соня поблагодарила ее и тут же вытерла глаза одним из платков.

– Видишь, какой полезный подарок, – сказала Эльзе. – Но чтобы в будущем ты вытирала ими только нос, а не слезы, поняла? – наказала она.

– И я хотела бы знать, какую причину плакать вы имеете? – спросила миссис Готлоб. – Вы живы, вы здоровы, дети живы и здоровы, а только это и важно.

– Знаете, я иногда задаю себе вопрос, – сказал мистер Лумбик. – Лумбик, какие достижения в жизни ты имеешь? И даю себе ответ: я выжил, я еще жив, а раз так, моя жизнь удалась.

– Хоть один раз, а этот Лумбик сказал что-то разумное! – заметила миссис Готлоб. – Возблагодарите Г-спода, миссис Вольф, за то, что вы еще на этом свете, а ваши Вернер и Лило пусть позаботятся о себе сами.

– А я всё задаю себе один вопрос, – сказал мистер Лумбик. – И для меня очень даже серьезный: предложат мне еще apfel strudel или нет?

– А вы, Лумбик, только и думаете, как бы живот набить, – сказала миссис Готлоб. – На, еще одна чашечка кофе нам тоже будет на пользу.

– Мы начинаем праздновать день рождения сначала! – вскричала Эльзе. – Я так люблю дни рождения, а сегодня у нас их целых два!

– Для такой новорожденной, – сказал мистер Лумбик, подпустив в голос нежности, – и двух дней рождения мало.

– Ach, мистер Лумбик, – укорила его Соня и залилась краской.

Мистер Лумбик умоляюще воздел мизинец:

– Вспомните, какое обещание в честь дня рождения я от вас имел!

– Карл, – наливая кофе, она отвернула от него расплывшееся в улыбке лицо.

– А это что-то новенькое, – сказала миссис Готлоб, а Эльзе ущипнула мистера Лумбика за руку и сказала:

– Вы достаточно долго стреляли глазками Сою, теперь моя очередь – я тоже прелестная барышня!

– Вы все прелестные барышни, – сказал мистер Лумбик, и этот комплимент так насмешил миссис Готлоб, что она налилась кровью и поперхнулась.

Когда Вернер, уже переодевшись, вышел из своей комнаты, они уже разгулялись вовсю.

– Что ж, я пошел, – сказал он, но никто его не услышал.

Мистер Лумбик рассказывал о своих перипетиях в Шанхае.

– Пока, – отнесся к ним Вернер.

Но только Соня перевела на него глаза.

– Уходишь, Вернер? – рассеянно сказала она, наливая очередную чашку кофе мистери Лумбику.

Вернер улыбнулся их увлеченности друг другом и порадовался, что им так весело.

Í àààíà ñ àí àèèéíéíà

¹¹⁾ *Báèí-í úé í èðíá (í àí .). – Çáàíí è ààéáá í ðèí á-. í àðíá*

¹²⁾ *Óðíæááí í àÿ (ó ðáí ó.).*

¹³⁾ *Ì àí í-éà (í àí .).*

¹⁴⁾ *Í ó (í àí .).*

¹⁵⁾ *Òíò óó éà (í àí .).*

¹⁶⁾ *Í à àí àèèéíéèé í àí áð (ó ðáí ó.).*

¹⁷⁾ *Í àí ñèíí (í àí .).*

¹⁸⁾ *Ì èéàÿ (í àí .).*

¹⁹⁾ *Ñò àðóéé í ðáí í ààáàò áéü (í àí .).*

ПАМЯТИ М. М. ВИНАВЕРА

И аде Оаане

Аице о:аиоу :оИ а аегааооуо Оаанеа юИо :аегае а:аиооо оеаоооооо еае гаае:аиИуе «и аоагао», аааооо аагаа и гегаи о оагаеаеоо га игааео а Иаоае, оИ гаоогега гаи гаа Оаанеа ааао геаеооу иуааоааиИуи - е гаео:оеи! - еиИ аиоаоаеаи е гаагаеуи аегааоога ЕИга:ИИ, ааиогаа иИаааеаеа «гаоогега» а ааиИИ гео:аа и:аиу огегаиИ: юИ оааегааее аиеаи оИице е аиИИ егаее, иааааи ооуга аиИ а е еиогаи, еаааруга га геогеа - ааиИ а иИюе:аиеи еаи аааее, - иИ а еига:ИИ и:аоа аи еаи аеааааиИиоо оагаеаеа, а оИ ааиИ уааа и оегаиИИ аи аиИ и еоа

Максиму Моисеевичу Винаверу (1862– 1926) отдельную главу в «Марте семнадцатого» посвятил А. Солженицын, а его политический оппонент З. Жаботинский неоднократно упоминал его в «Повести моих дней».

Известный адвокат, юрист-государствовед, он был одним из создателей партии кадетов, а с 1906 года – депутатом 1-й Государственной думы. Деятельно участвовал в борьбе за гражданские права, а после подписания Выборгского воззвания был приговорен к трехмесячному тюремному заключению и лишен политических прав. Винавер был активнейшим участником еврейской общественной жизни: одним из учредителей «Союза для достижения равноправия еврейского народа в России», организатором «Еврейской народной группы». Сотрудничал в журнале «Восход», с 1881 года издаваемом в Петербурге А. Ландау, в журнале «Еврейская старина».

После Октябрьской революции – активный враг советской власти, в 1919 году – министр внешних сношений Крымского краевого правительства, в том же году с остатками Добровольческой армии эмигрировал в Париж.

В последние годы жизни, помимо сотрудничества с эмигрантскими изданиями (журналом «Европейская трибуна», газетой «Последние новости»), занимался научной деятельностью, читал курс русского гражданского права в Русском университете при Сорбонне, инициатором создания которого сам Винавер и являлся.

Не удивляйтесь, что на время, отложив кисти, берусь за перо – писать о Максиме Моисеевиче Винавере.

Не думайте, что к нему имели касательство одни политики и общественные деятели.

С большой грустью скажу сегодня, что с ним умер и мой близкий, почти отец.

Всматривались ли вы в его переливчатые глаза, его ресницы, ритмично опускавшиеся и подымавшиеся, в его тонкий разрез губ, светло-каштановый цвет его бороды пятнадцать лет тому назад, овал лица, которого, увы, я, из-за моего стеснения, так и не успел нарисовать.

И хоть разница между моим отцом и им была та, что отец лишь в синагогу ходил, а Винавер был избранником народа, – они всё же были несколько похожи друг на друга. Отец меня родил, а Винавер сделал художником. Без него я, верно, был бы фотографом в Витебске, и о Париже не имел бы понятия.

В 1907 году я, девятнадцатилетний, розовый и курчавый, уехал навсегда из дома, чтобы стать художником. Вечером, перед отходом поезда, отец впервые спрашивает меня, чем это я думаю заняться, куда я еду, зачем? Отец, которого недавно раздавил единственный автомобиль в Витебске, был святой еврей. У него обильно в синагоге лились слезы из глаз – и он оставлял меня в покое, если я с молитвенником в руках глядел в окно... Сквозь шум молитв мне небо казалось синее. Отдыхают дома в пространстве, и каждый прохожий отчетливо виден. Отец набрал из всех своих карманов 27 рублей и, держа их в руке, говорит: что же, поезжай себе, если хочешь, но только одно я тебе скажу – денег я не имею (сам видишь) – вот это всё, что я собрал, и посылать больше нечего. Не надейся.

Я уехал в Петербург. Ни права жительство, ни угла, ни койки... Капитал на исходе.

Не раз я глядел с завистью на горевшую керосиновую лампу. Вот, думаю, горит себе лампа свободно на столе и в комнате, пьет керосин, а я?.. Едва, едва сижу на стуле, на кончике стула. Стул этот не мой. Стул без комнаты. Свободно сидеть не могу. Я хотел есть. Думал о посылке с колбасой, полученной товарищем. Колбаса и хлеб мне вообще мерещились долгие годы.

И рисовать хотелось безумные картины. Сидят где-то там и ждут меня зеленые евреи, мужики в банях, евреи красные, хорошие и умные, с палками, с мешками на улицах, в домах и даже на крышах. Ждут меня, я их жду, ждем друг друга.

Но вдруг на улице городские, у ворот дворники, в участке паспортисты.

И, скитаясь по улицам, я у дверей ресторанов читал меню, как стихи: что сегодня дают и сколько стоит блюдо.

В это время я был представлен Винаверу. Он меня поселил около себя, на Захарьевской, в помещении редакции журнала «Восход». Винавер вместе с Н. Г. Сыркиным и Л. А. Севом думали: может быть, я стану вторым Антокольским.

Каждый день, на лестнице, мне улыбался Максим Моисеевич и спрашивал: «ну, как?»

Комната редакции была переполнена моими картинами, рисунками. Это была не редакция, а мое ателье. Мысли мои об искусстве сливались с голосами заседавших в редакции Слиозберга, Сева, Гольдберга, Гольдштейна, Познера и др. По окончании заседания многие проходили через мое ателье, и я прятался за горы журналов «Восхода», занимавшие полкомнаты.

У Винавера была небольшая коллекция картин. У него висели, между прочим, две картины Левитана.

Он первый в моей жизни приобрел мои две картины – голову еврея и свадьбу.

Знаменитый адвокат, депутат, и всё же любит он бедных евреев, спускающихся с невестой, женихом и музыкантами с горки на картине моей.

Однажды, запыхавшись, прибежал ко мне в редакцию – ателье и говорит: «Соберите скорее ваши лучшие работы и поднимитесь ко мне наверх. Коллекционер Коровин, увидев у меня ваши работы, заинтересовался вами».

Я от волнения, что сам Винавер прибежал ко мне, ничего «лучшего» собрать не мог... В день Пасхи к ужину, однажды, я был приглашен. Отражение горящих свечей и пар, блистала темная охра с рефlekсами – цвет Винавера. Роза Георгиевна, улыбаясь и распорядясь, казалось, сходила с какой-то стеной росписи Веронеза.

Сверкал этот ужин, этот вечер в ожидании Ильи Пророка.

В 1910 году Винавер отправил меня в Париж, назначив мне стипендию.

Я работал в Париже, я с ума сходил, смотрел на Тур Эйфель, блуждал по Лувру и по бульварам. По ночам писал картины – коровы розовые, летящие головы. Синело небо, зеленели краски, полотна удлинялись и скрючивались и отсылались в Салон. Смеялись, ругали. Краснел, розовел, бледнел, ничего не понимал... Он приезжал в Париж, меня разыскивал, улыбался и спрашивал: «ну, как?» Я боялся показывать ему мои картины – может, ему не понравится. Ведь он же говорил, будто в искусстве не знаток. Но не понимающие – мои любимые критики. Надо ли мне говорить, что самая жизнь Винавера – искусство?

Недавно в Париже, на свадьбе его сына, куда я явился уже со своей семьей, он хлопал меня по плечу, говоря: «оправдали, оправдали вы мои надежды», и я вторично был счастлив, как когда-то, девятнадцать лет назад, когда он приютил меня в редакции «Восхода» и отправил после в Париж, без которого я был бы обыкновенным зеленым евреем.

Вдали от Парижа я узнал, что Винавер умер. Слетел орел в эти годы с гор и тихо лишь вдали наблюдал. Изредка нам слышалась его мерная речь.

Шлю вам, дорогой Максим Моисеевич, цветы, нарисованные на полотне, цветы благодарности.

Молите Всесильного вашим мужественным голосом за всех нас. Он вас услышит.

«Даніло», 21 січня 1926 р.

ПЕРЕЦ МАРКИШ

Ėaĩeā Ėaōēñ

*Īadaō Ī adēēō īōīīnēōñ ē oāēēī oēāñāī ā īīyēē, ÷ōī āīāīō īāēīēūēō oāēñōīā āēy
āīōīēīāē īēāñāāōñ ēdāēīā sādōāīēōāēññī. Ī dāēāā āñā īīōñā ÷ōī īī, ā īōēē+ēā īō
āīēūēīōāā āāāēēō īīyōīā ōō āēā, – īīyō yīē+āēē.*

Разумеется, мы могли бы выбрать у Маркиша какие-то стихотворения, какие-то отрывки из его поэм, однако любой отрывок нарушает целостность поэтического высказывания автора. Если бы мы выбрали какое-то из самых ранних его стихотворений, то с удивлением убедились бы в том, что стихи эти написаны по-русски. Впрочем, для мальчика из местечка Полонное, родившегося в 1895 году, не так уж удивительно было стремление к русской культуре. Если бы мы выбрали стихи революционных лет, они встали бы в ряд тех, которые писали тогда многие еврейские юноши, захваченные революционным вихрем. Не хотелось бы считать представительными и сочинения времен Отечественной войны, ибо и их идеологическая составляющая, и тема еврейской трагедии столь же предсказуемы, как революционные мотивы в раннем творчестве. Еще раз подчеркнем: во всей целостности поэтическое мировоззрение Маркиша выявляется лишь в огромных эпических полотнах, где сам размах повествования уже необычен для еврейской литературы. Заметим также, что многочисленные попытки еврейских поэтов писать огромные эпосы входили в некоторое противоречие с ситуацией в тогдашней русской литературе, поскольку распад огромной империи уничтожил базу для русского эпоса (она вновь создавалась уже в период раннего сталинизма) и, наоборот, неожиданно открыл поразительные горизонты для еврейских поэтов, по-новому ощутивших и новый мир революции, и обновление еврейского мира после ликвидации «черты оседлости». Правда, уже к 1930-м годам этот эпический поток (в предыдущем номере «Лехаима» мы приводили отрывки из романа в стихах Льва Квитко «Годы молодые») стал параллелен многим процессам в советской поэзии, и сами процессы создания советской литературы не могли не повлиять на творчество еврейского поэта, между 1919 и 1925 годом прошедшего путь по центрам тогдашней еврейской литературы. Это и Варшава, и Берлин, и даже Париж. Возвращение в СССР для Маркиша казалось логичным, ведь в России он видел начало глобальной революции. Трудно сказать, насколько понятен был еврейским поэтам и писателям дьявольский план привлечения их для пропаганды новой еврейской жизни в СССР. Маркиш отразил этот путь возвращения романтических евреев на революционную родину в прозаической книге «Возвращение Нейтана Бейкера» (1934), вышедшей и по-русски.

Возвращение для Маркиша закончилось трагически – в том же самом 1952 году, когда погибли почти все его товарищи по тогдашней еврейской литературе...

Нам бы не хотелось, чтобы этот конец скрыл от читателя того поэта, который создал свой целостный мир, разрушенный немилосердной судьбой. Поэтому для представления Переца Маркиша мы

выбрали небольшую его поэму «Последний», написанную в Париже, в 1924 году, уже зрелым поэтом, накануне его возвращения в СССР. Переведена она мастером русского поэтического эпоса Павлом Антокольским, что также немаловажно. В этой поэме мы видим и отголоски «Мертвецов пустыни» Х.-Н. Бялика, и некоторые мотивы, тогда же возникшие в поэзии Э. Багрицкого, и сложные размышления о еврейской истории. Не будем сбрасывать со счетов название поэмы. Оно явно обыгрывает образ «Вечного жида», чья судьба, по мнению Маркиша, заканчивается. Впоследствии столь глубоких и трагических еврейских образов в поэзии Маркиша не будет. Равно как невозможен будет столь взволнованный и трагический взгляд на перспективы сионизма, выраженный в «Последнем». Не забудем: Мошиах должен прийти тогда, когда застанет на земле лишь остаток избранного народа. А здесь перед нами уже «последний» его представитель... Советский эпос предусматривал для социалистической по содержанию и национальной по форме литературы куда более обтекаемые, стертые формы и образы с очевидным и бравурным финалом. Зная же поэму «Последний», мы всегда, даже в советских стихах Маркиша, будем ощущать его полнокровное еврейское мировосприятие.

В конце концов, поэту не дано предугадать, какое его сочинение и когда окажется более актуальным и важным для потомков. На наш взгляд, из всех сочинений Маркиша именно «Последний» наиболее полно выразил в своих образах и символах то, что пришлось пережить евреям в XX веке, и то, что продолжает волновать нас сегодня.

Трудно сказать, что могло бы быть в идишской поэзии, не будь советского соблазна, захватившего столь многих, и Катастрофы, унесшей подавляющее большинство читателей Маркиша и его современников. Поэтому едва ли не последний действительно свободный выкрик поэта звучит столь сильно – если не пророчески – сегодня. И если мы не хотим, чтобы прервалась «Золотая цепь» (как называется крупнейший журнал на идише сегодня), мы должны прислушаться к словам Маркиша.

216 יִינְעָאָיִעֵעֵ

1

יֵעֵ עֵדִיעֵ, יֵעֵ נֵוֵעֵאֵ עֵדִיעֵאֵוֵי יֵעֵ

עֵאֵיֵוֵעֵאֵ יֵאֵ

יֵאֵ עֵעֵעֵיֵאֵיֵיֵ נֵאֵ: עֵאֵיֵוֵאֵ יֵאֵ עֵאֵעֵעֵ.

בֵּיֵאֵוֵאֵיֵ יֵוֵעֵ עֵאֵעֵוֵוֵאֵאֵוֵיֵ עֵאֵיֵאֵיֵ.

נֵיֵ אֵוֵוֵיֵ דֵאֵוֵיֵיֵ: עֵ יֵאֵיֵ. יֵאֵוֵוֵאֵיֵ עֵאֵיֵוֵעֵ.

יֵאֵוֵ אֵיֵ: אֵאֵ עֵעֵוֵ. יֵוֵיֵדֵאֵיֵ אֵוֵיֵ יֵוֵ עֵדִיעֵ.

נֵוֵאֵיֵאֵיֵיֵוֵיֵוֵיֵוֵיֵוֵיֵ אֵוֵוֵיֵאֵיֵ יֵיֵעֵ

Íá ññää

Íáíé ãðáú òíð:àò ãñ, éðó:a è ãñ, áñóá
Í ðéáè! Áíçü è! Èííáó. Íää íáí è íááá íáò.

Áíðáàò ññ ãñáò ñòíðíí. × àò ùðáðéðáò íí
ññ ðáéáí.

Òáé áñíéðááò ñòúá èç òáèà í íáñ.

Òáé íóóí áò ííóóíéú íáèçá:a:èì íé ñéíðáé.

Òáé ñóí áò í áð ñáéííí. Áñ, æáí áò.

Áñ - í áðò áí.

Èòí :áðí úé èàò áò áèé í íá

é íí:è íðéñ òíáèò?

Ááá í íáðáááéú ùó èéç: á óí ðçæéó ç íáéáó?

Ñí íáð èé íðíí áíçòúí íé ááòòèé í íáíí áíáéá

Í á íçò èéðíéçç áíáí í çç çáçáó?

Í òááé í íá æááí úé ðíò, ææáí éá

ðí æááò úçç,

Ñááæí è ñéáí í æèòú, ááç ññ ùñéà, ááç èííóà!

Èè:èí èé á íáááéé æèðáç ò è íéíáçòíçç,

È íðááí óéè èí í íá íá ííááðí óò èèóá

Ááé í íá òíííð, èèðéó, í íòúáð

ááé í ðíñò çç!

Í á áíñóéú èé çç, í á éíéæíéé, í á íðíðíé

Ì í á í á ññ áð áðáí í óó áñó:èèè è í óíò çç

Èíòíí éó ñò ðáí í è:íç ñáççáèè í íí áðáé.

Èáé í áéúí è:íúí éðíéáí -

ááçáò ðáí í úá òó:è,

Èáé í áðáí òó èí ðòáí - òíéíáí áç áíáá

Ááé í íá íéáí áí áúòú íéççáòú

Í à Ìñòðíé èðó:á

È íááàòúá ááçáí ó ááé, í á ááááý èóáá..

2

Ñòáí íáéùá í óñòúíú, í áðáí áí óí úá

ñòðíéé,

×áðí íáééé ðáñí óòéé, í èññí áí í ñòú

í óòáé.

Ì èð í á í ðé: áéèáøèì á ñòíéú

ì ááéáí í úá ñðíéé

Ñéðæáéýì, áúááò ðáí í úì,

ñéíáí í í úéú èññóáé!

Òú í ñí í èøúí á ñòóñá óí áí é

èçáðáí í úó í éáí ý?

Òú í á í áñéá í óñòúíú ðáñòéé

èó : áðéúé óéáá.

Í í í áò éáé í áò áñòáé. Í ðéáé!

Í áñòáéí áðáí ý.

Í ðíøéé ááéá ñ óáð í í ð

Í ñòúé ì í é áñéééé ñéáí.

Ñíááéá óí úáý áññçáò á óúáéúí áñò óí

Èí ñòúí áí í ó ðáí óð, è ùáééáð èéúéé.

Ì í á í óéáí áááí úé í íæ, à í á áéáí à ýòá,

Í á áññí áý ò ðóáá, çááéò áý á ì áøéé.

3

Í á ðíñéúì áñááí ééíì, í á óðááðúì

óáí ò áçáðíì

Èðíéáòúé í èúéé áñòáé í á áñðí úé

éðýæ áðáí áí.

Íí íàì yòí úò Áíēāó íá íáíēāē āíçíðí,

Áāēí ííá í íēāñòāí çāñāí:íúò èí áí.

Ēðíēāò úē íēùēē āñòāē āí óðāēá

è ñí íííēēāí,

Ēíēēāēōēííāð āāíāē è āñāñí ùēē ñēñòāí,

Áāāóùēē çāçāāí ñ:āò, - āðyò

èēē ííāēāēē.

Áā íðēāāēēúá - ēēóñēāðò à Á çàòāí

Íò āāēēííñēēð ðāē āí íðēñòāíāē Áāðííú,

Íò Ñēðēē āí ðāíā Í ññēíāñēíā Ēðāí ēy -

Ēēēúòāēāñāóíúò ñòðóí ùāí yùēē āñā

è ðííò

Óúāíēò āðòāí è Áāēāííāí ííñēí à

Íðēēíāí à ē ííāí, ññāy āēáíāò yòññòú

È á íāēñāò ñēðp:áííúò í āðòāò

āðñòúí ííāò.

Áñ íðí:āā āāúí óíāāñí íí ííòāðyēíñú

Íðēāē! Áíçñ è! Ēííāó. Íāá íāí è íāāá íāò.

Íāēíāāí íāy ēíñòú - íá Á-āāñòú

:òí çā āēpāí.

Ñíññāíòí:áííúē, íí í ðā:áí, ēāē āāēāāðú

È ēíðí èò í úñēúāñ, ēāē ēíðí èò

āíðā āāðāēpāā,

È ííēúāāò çíð, ēāē ññā:è ēāíāāyāð

Áíò ēðāāííúē í āēíē íí ðēēòāí

āēā:èò íí.

Íðē:āēēòú íāēóāā - í è ēðíē, í è ñòíēā

- Óú āēāē íðāāāā? Íí āí āíñēē

i ði: è ò a í,

Ái anò i ú aúaróny' è i adææáí aí ò eá

4

Ái ò í í ðééí óéñy' ñò aðiáúééí

Ñæéúú,

Ñééóí çàðæáæáí í úí, éæ ðæáá

ò ááá: í ú é ééñò.

Á Ài aðééá aá aáúí ò ú aí açaá ñæéé,

È á Òððéé aá aí ðáæé çááæéñú

Ái ò á: aðí éé aí aí éá áçáò í í ééáúí

çæà ò ð,

Ñ: è ò ááò ñáé áæáí ñ, è á aðyæúó

i æúúáð çúú

È aý Ááí aóéy, ñá é aý è ò aí óóy,

Óaí ðyáò ñáááðí aá i ðí óaí ò í ú ó ñáá

Çaí éà ò aí è í í ò áðò aá

ñò í éá ò í é é áððáò.

Éæ ñóí éé áæñææ, ááñ: óáñ ò ááí í ú æáçá

Òæé áí aú óáá ò ñy' í ò ðí áúí í á ò ðæ aðí á

Í ò áñí ú óáá ò ay' ñé í æéñéay' áñ çá

Æáá ò í í æ. È æáá ò ááíí.

Óí ñéáò í éáí í ú í ðáá

Óóí ò í yñ - í ðááé ñá

Èñò áá í áú í ééí.

Í, í é ú aí ñéay' ðááí ú ééááæ ú aí ñé í á

ò í ðáá!

Í í áí ææáí í í á éááò ò áí éð -

«È áðí áæéí ».

Óú yòí Ðáéíéó, Ááí áòèý, ííçáí èèóúí

Óóí ò ì ýñá - è éííáó.

Í í ñàí áíçáò ñíæ.

Í, éæáó íáí áí óòúé, ì íé í ðáááá!

Óóí ò áñáñ èèóúí!

Á ò úñý ÷ áéá ò è ýò í í ò á ð ý í í á ý é í æ ú ..

È è áí áí ú á á é í ó é ñ ý è è á ò è ò ñ ý í í á í í æ,

Á á á ò ñ ý á ð é è ñ áí . Í í á á á ú ó í ò ú

ñ ò í è áí í á é, -

Í í á á ð ñ è ò ú í á á é í á.

B ç á á ñ í á é í á á ñ ð í á á

È è áí áí ú á á ð í ó á í í ú é í í ý ò ú é á ò è ò

é í í í á

5

Óáé è í í é á ó ò í í é, í ð á á á í í í ð í ó á á é,

È ð é á é ý ñ í é ò ð é í ý í á á ð ú ó á í é í ò í í .

Á ç ú á á ý è í á á í á í , á í æ á ó è ò í ð á í á ó á ý,

Í á ñ ý á ð ý ú é é ç á á ÷ á ñ ò í é è ò ð á ò í í .

È á é è ñ ñ ò ó í é á í í í á í ò ú á é é á á á é ú á í ñ é í í

í á í á ñ ò ú á

È á é í í á í í é í é á á ñ ò è ò í ð á á é ð í á á ð ñ è -

Á í á í : á í á é í é, æ á í ú é í á í è,

í ó ð í ó ð í á é í á ñ ò é é, -

Á ñ , á ñ è í á á á í í í í á ñ ò ð ú í ý í è í á ð è .

Á í ò á ó á ð ñ á á í í ú ó ÷ á é í á ó, ì á ó á ó,

ç é á ò ú ó è á ò ò á í á ó

È í ð á í á á ì ó á á ý, í ý ò ú ð í á í é é í á é á á í á

Ç á á ç á á ò á í é í á á è ñ í í ð ú é é í á á ð ò á í í ú á

Êòí ñéàæàò, íà èàéíé ò íééó:éá èõ àáú ò?

Áíò íí ñéàèò, ì áúáú, ò óááðéééáíí

ñéðþ:áí,

Áí èèíí' á ááçáò í úé èèñò -

éíñ àò, ðúæááí ðíá

É íñá í æ ñúðíñò è í èúáò á í ðéó:áí,

Êòí ÿòí ò Ááññòáð - áíñá: èèè ááí èðí ò?

6

- Áíí áíáí àòáðé, èàéíé òú

áúñò è ííéíí?

Í :áí éíéíéíéà ì á:òáþò, çàí íé:áá?

Õèí áááí ñéðþ:áí í úí, ááúí éúí

è ááúí éúí,

Éàééá í ðéè è ì ááúá ò ðíí' á í í:áò?

Í í áíò í í á ñáíááí è - ò í ðááò áíú è ðí úé,

íí èè.

Í í á ðí á áíò í:éáú Í í ñò ðáñò í úé

áí ò è éááð

Í í ááí ááò í òíí, í á áç'ò úéè

á ñááðæáí éè

Òáíþ èñò í ðéþ. Í í í óáí éè ò í ááð

Í í ò áé í í:ò è ò áéáí è ò áí éí

áí è è í é áí úíí,

É ðáçéáò ó ÿ è ò ááá

è ðíí ááí ñèí ì áò ðéé.

Í í ñ í ò ðéò, èáé áí é ááí, í á èçáñò é í áí é

í áí áé,

É èñò ááò Áé áé èþ è :áñ è ááá, è ò ðé.

Í á πῶς ἴδω ἂν εἴ ὄντι ἄνθρωποι ἐπὶ τῆς γῆς

αὐτοῦ?

Ἰδοὺ ἡ ἀποκρίσις ἐκ τῆς οὐρανῶν

ἰδέτω.

Ἄκουσον τὸ ῥῆμα τοῦ κυρίου ἡμῶν

αὐτοῦ

ὅτι ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου!

- Ἄκουσον, ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις!

- Ὅντι ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

ἡ ἀποκρίσις

ὅτι ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

ὅτι ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις!

Ἦ ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

ἡ ἀποκρίσις

ὅτι ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

7

Ἦ ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

ὅτι ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

- Ἦ ἡ ἀποκρίσις τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ ἀποκρίσις

ἡ ἀποκρίσις

- «Í òáí òú ì ìè ì èá:òò, ñò áðáÿ ò è í ú

í òí ñÿ ò.

Í ñáí í èá í í: è ááç è í òí à í á ñ èá è è».

- Í ó: ò í æ á ñ èá ò è ò á ú æ è á è ò á

á á ñ ò à ò è á!

Ñ èá ò è í ñ í è ò è è è á í: ÷ á ò í á á: á

È á ñ ò í è í ò á í ò á ì í á ò á ù á ò ñ ÿ ñ ò á: ú ð:

«Í í èÿ ì í ò á è è.

È ó á í à í í á ò ú ñ ÿ?

Í á ò á í á ú ò ó ò í á ç è í í á ú í ñ ò à ò ú ñ ÿ!

Í ò ò á í í ò ñ í è è ì è á í è è

í á ç í á è è ì

È ì è á ò è á í ú í á ò á í á á ñ á ñ í í í á è è ì.

Í ò ò á í í è ì á á ç è ò ú

ò ò á í è ç á ò á ñ ò áÿ».

- Í è í á è ñ ú ò á ç í í í æ á è ñ ÿ, ñ ò í è á ò í ÿÿ ñ ò áÿ!

8

Í á ò á á ò á ò ñ ò í í è á ì á í ú Á á è è è á è.

Á á è á è è ò ñ ò ò í ñ è è á è ñ è í ú ó ç í ò

Í á ÿ è è ò á í è á ò, á è á á í ú é, è á è è è áÿ.

Á ò í á è è ÿ á í á í è ì ñ ò ò á í í ú é

ò á í ò á ç á ò

Ñ ò í è ò ç á è á ò á í ò á í æ á á ñ í í ú è á í ú á

Ç ò í è ò á á á ò ò ò í ò ñ ò í á í è í ñ í é ñ á ò í.

È ò í ò á ì í á ñ ò í á á: è ó í á ç á è á í ú á

Á í ñ é è í á ò á: á í í ú é í á ó ú á ò á?

Á á ñ ú Í á ç á ò á ò ñ èÿ í ú á ì í í ÿ ñ á í,

Á í è á ò í ò ñ ò ò á í ñ ò á á ñ, è è ò á è ñ á è.

Ni oio eeani i i-ü

I ia ai -o aee i ayi i,

Ca: ai ai ci ai i i a i ai I a a d i e?

I a e i ai i i a i i i -a a i i i e a a d e p a o

E i -a a i e e i i i d i e a o e a e a a e e i.

Nai u e o: o e o a e i e i i a e e d e a i e a i a a o

E i a e u i o i i i a e o i i d i e a e a i e e i.

I d e i o a i o e e e i a a o: e i e a d a a i a i,

Ni d i o o i e o, a i i o u i e a o u

i i a i o u.

- Ni e, a e i a a N e i a y! B i a c a i u i

I d e o a e e o a a i I a i e o a e e c a a u u

E -a d i u e a d a o a e e o i i i a i i i o d e o a e e i

E i o a a: a o: «B c a i i e e a e e o u,

x a a i i a a i i u e, a i i o u, a i a a e a u e a,

I i a i i u e e y o i e a i o o i e i e u a o u».

E i i i a i y o o i i e o a i a d o a i i i i d a

E y i i d i o o d e a i e, e a e i a i i e:

«I o a i o u i i a, a a e e i, e a e i a a d i

I a i e i i a i y? Ca: ai y o a e a i i i e?»

9

I e a i i i a e a a i o i e e i a i a i i e,

C o y y a a e a a i i o c a d e e a i c a d e.

x u p d a i e d u o o p a i o p u o p a a i d i

I e i i a a o u i a a a e i i i a a o a

i i a o a i a d i?

A -i u i i e i o e a i a i a: a e i i a i i o d a e?

O a i o i c y e i a y a a i i a i a a e a e.

Òàì , èàé èíσéà ó àààdí íáí èíñyéà

Í àæééáy ñ èò í àðéáí éòà -

ò íñéà

Á íéí à áúàéòúá èíí èòñý çàèàò.

Õíòú àíéàé íí - í á òñéúσàò:

éðáí èí ñ ýò.

Í é áú í íáé ááñò íééíáíá í íé,

çöý ý á áé ááñíò çàðé è áí çàðé.

10

Áúé Í èá:íúé Í óòúááéáí í íéíéà

Í í í ðéáí ðíááí èíσéé çàèçæáèè.

Òúú ú í áðò ááííá ñ òééñíéçáèéáéá

Áááí óòú Ñéí áþ ááò ðéá ñéðéæáéè.

Áúí ýòñý ðòú. Ééúéòñý óáðñòúáí ðíá

- Áíò áááé, ááçàð! Ñí:ò èò á á ðíæáí á

Áí :ò í ááí í áí òéíñíéç ðíáá á ðíá

Áíáò áàσ èò çáí í áááé ñ ááðé áí úá

Éàé óáðòéý, í áúéáí èò æáðñí.

Í á áéíáò çíéá è í ðáò ñ çáçáéé.

- Í ðíúáé, Ñéí áé!

Í íñéááí èé í áðéáí -

È çáçáí úé í ðáò áúí èòñý í á ðáçíáçáá

АБРАШКА-КАРМАННИК

Ἰσάεεσαοερ ἰγαῖοἰαεῖ Ἀἰῶδ Ὑἱαεῦ

Ἀσάο: εἰ Ἐὐαεε, ὃ ἰγαεῖ ἐεῖ ἢ γὰ ἀ:αὐεῦ ὡὶ :αεῖαεῖ, εὐαεῦ ἰοῖ Δῶε Ἀἰῖοεῖ, ὡεα:αἱ ἰῖ ἰγαῖοἰαεῖ ἰαεῖε εὐεῖοδῦ ἰα γῖεα εἰε. Εἰ αῖεα εῖαἱ ἡἰδῖεε ἡεοἰα εἰ ἰῖ ἰαῖ εἰαἱ ἰαἱ ἰοῖαε Ἰ ἰαῖαγ Ἀαεδοεῖ, :ἡ ὡαῖ:αἰ ἰδῖ εεῖ εἰ ἡαῖο ἡαἱ ἰαεῖεῖ ὡεεεῖοἰ.

Ἀαεδοεῖ ἰαεῖ ἰγαεῖαεῖ ἡ ἰαεῖαεῖ Ἐαεῖ ἰεα Ἀεε ἡ ἰῖ ἰῖ, δῶαἱ ὡε ἡἰεῖοἰ. Ἀ ἰαἱ ἡ:εἱ ἡεε εἰ ἰαεῖ εἰε. Ε ἰῖ ἡε γοε ἡαῖο ἡαἱ ἰαεῖεῖ ἰαἱ ἰεοῖ ε.

4 εἰγ 1942 ἡῖ ἰα ἡεῖαἱ ἰαεῖε ἰεῖοἰδῖ ἡ Ἐαεῖα, ἰδῖα ἰοἰαεῖεῖ ἰαῖ ἡ εἰαἱ ἡ ὡε Ἀαεαῖ, εἰ ἡῖ Ἀαεδοεῖ ἰαἱ ἰαεῖ ἰαἱ:αἱ ἰῖ ἡε, ἡ ἡἰο δῶεε ὡοἱ αἱ.

Ἀαεδοεῖ ἰαεῖ ἰῖ, ἡ ἰῖ ε ἡεῖαε ε ἡἰαε ε ἰα:αὐε ἰ ὡεαἱ ὡ ε ἡεεαῖ Ρεεο Ὠῖοἰ αἱ. Ἀ:αῖ Ὠῖοἰ αἱ ὡεῖεῖ ἡἰοἰεοῖ δῶεῖε ε ἰῖοῖ, ἡ ἡεεαῖ ἡ ἡεῖο ἰαῖ ἡε ἡεεαῖ ἰδῖαε εῖ ἡ Ἐεεεῖ × ἡἰοῖ ὡεῖοἰ ἰαἱ ἡεεεῖ ἡ ἰῖ-Ἐῖε

Δῶε Ἀἰῖοεῖ ἰαῖαεε ἡἰεε «I miei canzoni» («ἰε ἰῖε») ἰαἱ ἡἰοἰαἱ ἰαεῖεῖ, εἰ ἰαἱ ὡεῖε, ὡἰοἰαεῖε, ἡ ὡεαἱ ἰῖοἰ ε ε ὡεῖοἰ ε ἡἰαεεεῖ ἡ ἰαἱ ἰαἱ ἰα εὐεῖε.

«Ἐαεῖ» ἰαἱ ἡἰαεῖ εῖαοῖ γοῖο ἡἰεε ἰα ἡἰεῖ, ἡ ἰεα εῖ ἰῖαῖ ἡ ἰῖ ἰα ἰαεεῖαοῖ ἰῖ ἡ Ἀαεδοεῖ ἡ ἰῖοἰ ε, ὡεῖοἰ ἰα εἰεα ἡἰεῖεῖε, ε ἰαεῖε ἡἰ ἡεεεῖ ε ἰῖοἰ:ἰῖ ὡἰαἱ εεὐεῖοἰ ἰαἱ ἰαεῖε.

Andantino

Он а хейм бин их юнг ге- бли- бн, с'хот ди нойт мих

три-бн, вен их хоб нох кейн драй- цн ёр ге- хат,

ин дер фремд, вайт фун ма- мес ой- гн, хот ин шмуц мих д

цой- гн, ге- во- рн из фун мир а вой- лер ят. Их

ре- мл, дер фе- ик- стер мар- ви- хер, а грой- сер кин- стлер, х'ар- бет

зи- хер, дос эр- штэ мол, х'вел'с ге- ден- кен би- зн тойт, а-

ÀÂDÁÌ È ÁÂDÌ ÀDÂÈÕÂD

Он а хейм* бин их юнг геблибн,
с'хот ди нойт мих аройсгетрибн,
вен их хоб нох кейн драйцн ёр гехат,
ин дер фремд, вайт фун мамес ойгн,
хот ин шмуц мих ди гас дерцойгн,

геворн из фун мир а войлер ят.

Их бин Авремл, дер феикстер марвихер,
а гройсер кинстлер, х'арбет лайхт ун зихер,
дос эрште мол, х'вел'с геденкен бизн тойт,
арайн ин тфисэ фар лакхенен а бройт,
ой, ой.

Х'фор ништ ойф маркн ви энэ простэ ятн,
х'цуп нор бай карге, шмуцике магнатн,
х'бин зих мехае, вен х'тап аза магнат,
их бин Авремл, гор а войлер ят.

Ин дер фремд, ништ геһат цум лебн,
гебетн бройт, ан оремер флегт нох гебен,
нор ене лайт, вос зенен томед зат,
флегн офт трайбн мих мит цорн,
с'вакст а ганев, с'из мекуем геворн –
А ганев бин их, нор а войлер ят.

Их бин Авремл, дер феикстер марвихер,
а гройсер кинстлер, х'арбет лайхт ун
зихер,
а ят а клейнер арайн ин кучемент,
аройс а мазык, а зелтнер талант,
ой, ой.

Х'фор ништ ойф маркн ви энэ простэ
ятн,
х'цуп нор бай карге, шмуцике магнатн,
х'һоб либ а менчн, а милдн, а наш-брат,
их бин Авремл, гор а войлер ят.

Шойн ништ ланг вет дос шпил гедойерн,
кранк фун клец, гихт фун тфисэ-мойерн,
нор эйн бакошэ, х'волт азой геволт –
нох майн тойт, ин а тог а трибн,
зол ойф майн мацейве штейн гешрибн
мит ойсьес гройсэ ун фун голд.

До лигт Авремл, дер феикстер марвихер,
а менч а гройсер гевен волт фун им зихер,
а менч а файнер, мит харц, мит а гефил,
а менч а рейнер, ви Г-т алейн нор вил,
ой, ой.

Вен ибер им от гевахт а мамес ойгн,
вен с'волт ди финстере гас им ништ
дерцойгн,
вен нох алц кинд эр а татн волт геһат,
до лигт Авремл, енер войлер ят.

тфи-сэ фар лак-хен-ен а бройт, ой, ой. Х'фор ништ ойф мар-кн ви е-н

я-тн, х'цуп нор бай кар-ге, шму-ци-ке маг-на-тн, х'бин

ха-е, вен х'тап а-за маг-нат, их бин Ав-ре-мл, гор а

ят.

ΑΑΔΑΘΕΑ-ΕΑΔΙ ΑΙ Ι ΕΕ

С малых лет я стал бездомным,

Мне не было и тринадцати,

Когда меня из дома прогнала нужда.

Среди чужих, вдали от маминого

призора

Мной занялась грязная улица,

И получился из меня мировой парень.
Я – Абрашка, заправский карманник,
Большой искусник, бывалый и легкий
на руку.

Сколько буду жить, не забуду,
Как первый раз попался из-за куска хлеба.

Я не шныряю по рынкам,
как те простоватые парни,
Я краду у грязных жадных богатеев.

Потрогать такого –
для меня удовольствие.

Ведь я – Абрашка, парень мировой.

У чужих, без гроша за душой,
Просил я хлеба, бедняк еще давал,
Но те, кто всегда сыт,
В ярости гнали меня.

«Это же растет вор!» Так оно и вышло:

Я – вор, зато я парень мировой.
Я – Абрашка, заправский карманник,
Большой искусник, бывалый и легкий
на руку.

В тюрьму ушел совсем еще пацан,
А вышел дьявол, редкостный талант.

Я не шныряю по рынкам,
как те простоватые парни,
Я краду у грязных жадных богатеев.
Для меня человек хорош, когда он свой
в доску.

Ведь я Абрашка – парень мировой.

Недолго еще длиться игре.

Хворый от побоев и тюремных стен,

Я хотел бы просить только об одном,

Чтобы в скорбный день, когда умру,

На могильном моем камне

стояло большими золотыми буквами:

Здесь лежит Абрашка, заправский

карманник,

он мог бы стать большим человеком,

человеком порядочным, с душой и сердцем,

чистым, как того хотел Г-сподь,

когда б за ним приглядывала мама,

когда б не вовлекла его темная улица,

когда бы с малых лет он знал отца,

здесь лежит Абрашка – парень мировой.

Ī. Āīēōōēā

* h i dīēā īīēōōēā ēāē ā āī ēēēēēīī hāve

ГЕДАЛЬЕ БАНКВЕЧЕР

Ādeā dēē Ēaī īāē:

Гедалье Банквечер был человеком нелюбопытным. Любопытство, поучал он своих дочерей Рейзл и Элишеву, порок, который когда-нибудь погубит евреев, издавна привыкших без всякой надобности и во вред себе куда больше интересоваться чужими делами, чем своими собственными. Если он, реб Гедалье, к чему-то и вправду проявлял непредосудительное и вполне разумное любопытство, так только к частым переменам и капризам мужской моды в мире, хотя в Мишкине модников и франтов, кроме бургомистра Тадаса Тарайлы и парикмахера Шаи Берштанского, обслуживавшего в белоснежной сорочке с бархатистой бабочкой под тощим кадыком своих не очень высокородных клиентов, и в помине не было. Для пущей важности – пусть-де все в местечке и в окрестностях знают, на какие образцы равняется лучший портной Жемайтии Гедалье Банквечер! – он даже выписывал из Каунаса толстый журнал, населенный неправдоподобно красивыми и стройными мужчинами в замечательно сшитых костюмах и пальто и, разглядывая их фигуры на глянцевої бумаге, не раз пытался угадать, во что обходится заказчику материал и пошив такой шикарной одежды.

Напялив на переносицу очки и прищулив свои маленькие, рыбки глазки, страницы заграничного журнала, бывало, перелистывала и Пнина, которая была полной противоположностью мужа и в местечке за свое любопытство не зря удостоилась прозвища Сорока.

– Ах, – вздыхала она. – Вот бы нашим девочкам – Рейзл и Элишеве – таких красивых мужей.

– Что ты мелешь? – без жалости окунал в ледяную прорубь теплые, радужные надежды жены непреклонный Банквечер. – Во-первых, кто сказал, что они холостяки? Во-вторых, неужели тебе хочется, чтобы наши зятья были гоями?

– Гои? Вон тот на обложке вылитый еврей! Ты только посмотри на его нос с горбинкой, на его черные, вьющиеся волосы...

– Причем тут, дуреха, волосы? Разве гои не могут быть брюнетами? Это либо англичане, либо немцы.

– Немцы? – ужасалась Пнина. За кого, за кого, а уж за немца она, хоть осыпь ее золотом, ни Рейзл, ни Элишеву не выдаст, даже если дочки в старых девах замшеют.

– Что поделаешь. Выбор у нас не большой. Писаных красавцев-евреев Г-сподь Б-г в зятья нам пока не изготовил. Оглянешься вокруг – тот с лысинкой, этот с животиком, кто хромоножка, а у кого, не про нас да будет сказано, бельмо... Но ты не расстраивайся – всё равно кто-нибудь для наших девочек да отыщется.

– Но кто?

– Сама знаешь, на кого наша Рейзеле положила глаз. На Арончика.

– А что? – оживилась Пнина. – Он и ростом вышел, и лицом не урод, и руки у него проворные.

– Но он, Пнина, сын гойки Дануты-Гадассы... Да еще смутьян... Якшается с этим Мейлахом Блохом, который полжизни в русских и литовских тюрьмах просидел.

– Полжизни в тюрьмах! – повторила Пнина. – Он что, кого-нибудь прирезал?

– самого себя прирезал. Был неплохим переплетчиком, а стал борцом за справедливую жизнь. Еврей не должен бороться с другими, он должен бороться с самим собой: если завистник – то со своей завистью, если дурак – со своей глупостью, если гордец – со своей гордыней, если ленивец – со своей ленью. Мало ли чего в нашем брате дурного! От такого борения и нам выгода, и всему миру польза.

Пнина слушала, не вникая в его мудрствования; мысли ее вертелись не вокруг борьбы за справедливость и улучшение мира, а вокруг самых обыденных и неотложных забот: как бы выкроить время и сбежать на базар, как бы не опоздать на молитву, а главное – как бы скорей выдать замуж своих дочек. За Рейзл она почему-то была спокойна, а Элишеву не поймешь, нет чтобы подыскать себе поблизости какого-нибудь приличного парня по имени Израиль – парикмахера или жестянщика, так надо же – начиталась книжек и выбрала другой, бесплотный Израиль, что за тридцать земель, и грозит при первой же возможности уехать туда навсегда. «Мы там, мама, построим еврейское государство». Зачем евреям свое государство, горестно спрашивала себя и дочку Пнина и сама же себе отвечала: евреи нуждаются не в своем государстве, а только в том, что называется «а бисэлэ мазл» («в чуточке счастья»), в хорошей семье, в куче внуков и, конечно, в богатых клиентах. А уж где, в каком благословенном краю эту «чуточку» простому смертному легче всего найти, не то что взбалмошная Элишева – Сам Г-сподь Б-г не знает.

Как ни мудрствовал Банквечер, как ни кручинилась Пнина, жизнь не прислушалась к их жалобам и рассуждениям и поступила по-своему. В Литву в тридцать девятом году вступила Красная Армия, и в сороковом всё полетело вверх тормашками. Богатых клиентов Гедалье Банквечера как будто ветром сдуло. Бургомистр Мишкине Тадас Тарайла подался не то в Тильзит, не то в Берлин к немцам. Его место занял подпольщик Мейлах Блох, который до революции, если верить его рассказам, в сибирской ссылке подружился с самим Сталиным; хозяина мебельной фабрики Баруха Брухиса вместе с душевнобольной женой под конвоем вывезли на берега моря Лаптевых, а его фабрика, лесопилка и дом отошли государству; Элишева, на радость родителям, застряла на Б-гом забытом хуторе в Юодгирай – танки с пятиконечными звездами, заметенные густой пылью литовских проселков, приспособленных только к гужевому транспорту, преградили ей все пути в желанный Израиль; младший подмастерье Арон Дудак женился на Рейзл, бросил портняжить и был за свою пламенную болтовню о равенстве, братстве и всемирном союзе трудящихся вознагражден большим чином – получил должность заместителя начальника местечкового отделения милиции. Одному Гедалье Банквечеру жизнь ничего не прибавила и ничего у него не отняла, если не считать такую мелочь, как истрепанный заграничный журнал мод с бесплотными красавцами в дорогостоящих костюмах и пальто из отборной аглицкой шерсти, за подписку которого он заплатил – вплоть до осени сорок второго года – немалые, честно заработанные деньги и в который Арон на досуге с удовольствием и завистью заглядывал.

– Арончик, ты всё на свете знаешь, ответь мне, пожалуйста, почему в Мишкине перестал приходить журнал? – как-то спросил удивленный тесть у своего начальственного зятя. – Кому, скажи на милость, он мешал?

– Станный вы, папаша, человек. В Литве происходят такие грандиозные исторические события, а вы толкуете про какой-то журнал, – по-родственному пристыдил тестя Арон.

Но тесть не унимался. Видно, журнал был для него не менее важен, чем грандиозные исторические события. Честно говоря, без них он вполне мог бы обойтись, как обходился и раньше, когда в литовской армии было всего два-три никому не угрожавших танка, приобретенных то ли в Англии, то ли в Чехословакии.

– Но почему?

– Вы меня, папаша, своими вопросами замучаете. Ни у одного народа на свете нет на языке столько «почему», сколько у нас. Каждый еврей, прежде чем выговорить «мама», обязательно спрашивает «почему?».

– Я пытался узнать, в чем дело, – гнул свое Банквечер, не обращая внимания на зубоскальство зятя.
– Но прежнее почтовое начальство тю-тю!.. Помнишь, в прошлом году к приезду президента Сметоны на открытие нового здания гимназии мы сшили господину почтмейстеру Розге двубортный костюм с жилеткой. Оказывается, и он удрал от этих исторических событий. Может, ты всё-таки ответишь – почему?

– Почему улепетнул Розга?

– Почему перестал приходить журнал?

– Думаю, что его запретили... – с раздражением процедил зять. – Отныне все рассадники гнилой буржуазной пропаганды в Советской Литве запрещены.

Банквечер не мог взять в толк, что такое рассадники гнилой буржуазной пропаганды и почему понадобилось запрещать ни в чем не повинный журнал – ведь там одни красавцы в шикарных пальто и костюмах. Но голову себе долго морочить не стал... Новая власть, рассудил он, на то и новая, чтобы запрещать то, что было при старой. Главное, чтобы не запретили иголки и нитки, ножницы и утюги и чтобы не конфисковали швейные машинки. Как говорил его покойный учитель, крещеный еврей герр Ганс Хёпке, он же Ейне Хавкин, славившийся своим портновским искусством во всей Восточной Пруссии: пока, мой дорогой, можно шить, можно жить. Даже при дьяволе. На своем веку Банквечер пережил не одну власть – ведь в ученики он поступил к Гансу Хёпке-Хавкину еще задолго до первой русской революции. В мире всё менялось, не менялся только он, Гедалье Банквечер, который день-деньской латал и утюжил, кроил и строчил, не забывая ни на минуту возносить благодарственные молитвы Всемилостивейшему Г-споду Б-гу, Который населил – словно лично для него, Банквечера, – всю землю от края до края мужчинами и женщинами, повелев им наготу свою прикрывать перед Ним, их Создателем, и друг перед другом не фиговыми листьями, а всякой благонаправной, сшитой умельцами тканью.

– Шей, Гедалье, шей! – сказал Вседержитель полунищему пареньку из Мишкине более пятидесяти лет назад, вложив ему в руки иголку. – И, как бы тебя кто ни заманивал, ни на что не отвлекайся. А чтобы у тебя в мыслях никаких других соблазнов не было и чтобы жена твоя не страдала от мук напрасной ревности, стань не дамским портным, а мужским!

И Гедалье Банквечер внял голосу Отца Небесного – никогда на другое не отвлекался и стал не дамским портным, а мужским. С тех далеких пор из всех властей, которые выпали на его портновскую долю, он признавал только одну-единственную – работу. С ней, с этой благословенной и признанной им до смертного часа властью, он никогда не враждовал, в гневе на нее не ополчался, ради другой не предавал, не требовал от нее никаких побрякушек и милостей. Да и как было с ней враждовать, если она кормила его семью, согревала дом, приносила в него радость и умиротворение. Этой всеильной власти Банквечер служил верой и правдой и при царе Николае Втором, и при Сметоне, и – вот уже больше года – при Сталине, которого его зять Арончик считал лучшим другом всех народов, в том числе и евреев.

– По-моему, Арончик, Сам Всевышний не всегда доказывает, что Он лучший друг народа, которого Он же Сам среди всех избрал. Что уж говорить о Сталине...

Реб Гедалье не раз втолковывал своему зятю, что для портного не имеет значения, какой флаг, трехцветный ли, красный ли, бело-голубой ли полощется в праздники на флаштоке его дома, какая армия по утру чистит кирзовые сапоги в солдатских казармах, какими знаками помечены танки, стоящие на полигоне под Гайжюнай или Юодгиряй. Пока можно шить, можно жить, повторял Банквечер слова своего первого учителя

Ганса Хёпке-Хавкина и при этом добавлял: стань правителем Литвы сам дьявол, он, Гедалье-Банквечер, и тогда не отложил бы иголку, сидел бы за своим верным «Зингером» и шил.

– Как же так? Получается, что вы, папаша, и при Гитлере бы шили? – окатывал тестя своим презрительным удивлением Арон.

– Если бы не убили, шил бы, – пугаясь собственного голоса, ответил реб Гедалье.

Своим правилам реб Гедалье никогда не изменял. Не поколебали их и расквартированные в окрестностях Мишкине танковые части Красной Армии, хотя и нанесли ему немалый урон – лишили многих постоянных клиентов: бургомистра Тарайлы, почтмейстера Розги, директора гимназии Валайтиса – дальнего родственника президента Сметоны, которые сочли за благо сбежать от Советов. Будь его, Банквечера, воля, он никого никуда бы из Мишкине не вывозил и не выгонял, объявил бы все Ароновы «грандиозные исторические события» недействительными и вернул бы обратно всех своих клиентов на родину. Он мог бы жить и при прежних порядках, они его вполне устраивали. Реб Гедалье не нуждался в переменах, от которых только одни убытки.

Но хвала Г-споду! Если Он по недогляду что-то у евреев отнимает, то обязательно что-то им в утешение дает. Возместил Всевышний ущерб, причиненный и ни в чем не повинному Банквечеру, послав ему взамен бежавших из Мишкине клиентов щеголеватых русских командиров, которые, очутившись за границей, решили сразу же обзавестись обновками, сшитыми на праздничные и выходные дни. Тем более что в некоторых лавках Мишкине, которые еще не национализировали, можно было за скромное командирское жалованье приобрести и бостон, и коверкот и сшить из них точь-в-точь такую одежду, какую в запрещенном журнале носили безымянные красавцы.

– Скоро ты, Гедалье, станешь главным портным всей группировки Красной Армии в Литве и перейдешь с лапсердаков и овчин на шитье шинелей и кителей, – съязвил Хацкель Брегман, который всюду охотился за «горяченьким» и которого вынудили (по той же причине – «гнилая буржуазная пропаганда») закрыть его устную крамольную газету «Еврейские новости». – К тебе, как я вижу, с каждым днем подтягиваются всё новые и новые рода войск. Скажи откровенно, как старому другу и клиенту, тебе твой зятек помог?

Банквечеру и вправду помог Арончик, перезнакомивший его со всеми военачальниками мишкинского гарнизона, но признаться в этом он не хотел. Зачем принижать свою марку? Ведь к хорошему портному клиенты слетаются без рекомендации, как воробы на рассыпанные пшеничные зерна.

– Сами пришли, – пробубнил Банквечер.

– Дай Б-г тебе обшивать их долго-долго. Но я, по правде говоря, сильно сомневаюсь в этом. Русские пришли к нам не навеки. Скоро волки перегрызутся и, даю голову на отсечение, станут вырывать добычу из пасти друг у друга.

– В последнее время ты говоришь какими-то загадками, – упрекнул своего клиента и соседа Банквечер.

– Какие тут, Гедалье, загадки. Ведь немцы уже непростые и в Прагу пожаловали, и Варшава уже больше года в их руках. Почему они не могут прийти к нам? Дороги в Литву не знают? Так что, как пораскинешь мозгами, лавочником и портным лучше всего быть в Америке.

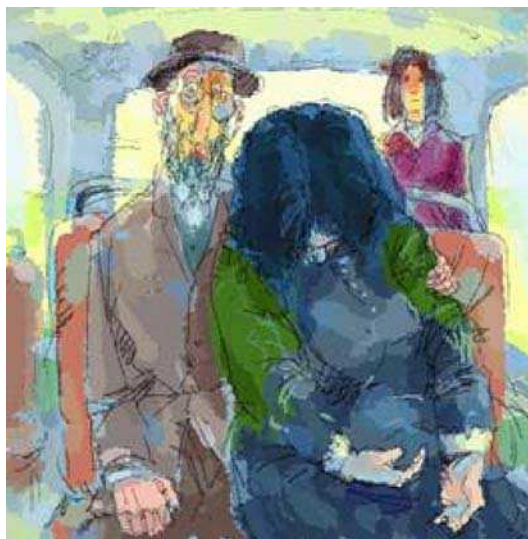
Реб Гедалье побаивался Хацкеля Брегмана, его «Еврейских новостей» с их ужасными предсказаниями. Придет и непременно испортит настроение: тут синагогу подожгли; там еврейский банк ограбили; в Польше евреев, как скот, в загон загоняют; в Америке ураган; в Турции землетрясение, в Бразилии мост рухнул, погибло больше ста двадцати человек. Сто двадцать человек!..

– Хацкель, друг мой, – умолял, бывало, своего постоянного клиента реб Гедалье, – какое нам дело до моста в Бразилии или до землетрясения в Турции?

– Как – какое дело? А ты уверен, что тамошние евреи, твои кровные братья, по этому мосту не ходят, а летают над ним, как птицы, и что в Турции земля только под ногами турков трясется?

Банквечер отмахивался от дурных вестей Брегмана, как норовистая лошадь от слепней, но выслушивал их не только потому, что жалел бездетного Хацкеля, который и жену похоронил, и сам еле дышит, а еще и потому, что некоторые его пророчества, как ни печально, время от времени сбывались. Правда, в такую чушь, что в Литву придут немцы, реб Гедалье отказывался верить. Ведь Гитлер и Сталин – лучшие друзья. Не верил Банквечер и в то, что в Америке быть портным лучше, чем где-либо в другом месте. Лавочником – может быть. Но портным? Хорошему портному везде хорошо, а плохому и в раю плохо.

Неожиданная хворь жены выбила из головы реб Гедалье и немцев, и русских, все Турции и Бразилии, все ураганы и землетрясения и начинила душу саднящей, пороховой тревогой. Шутка ли – спустилась женщина в погреб за квашеной капустой и ни с того ни с сего, потеряв сознание, рухнула на деревянные ступеньки покосившейся трескучей лестницы. Доктор Пакельчик, целитель всех мишкинских евреев, внимательно осмотрел свою давнюю пациентку и, не взяв за визит ни копейки, посоветовал срочно отвезти ее в Каунас, в Еврейскую больницу. Банквечер и беременная Рейзл, не теряя времени, собрались и на рейсовом автобусе вместе с Пниной туда и отправились. На самом въезде в город Пнина снова стало плохо – она вдруг вся обмякла и, не подхвати ее реб Гедалье и не прислони к спинке сиденья, грохнулась бы на пол. В Еврейскую больницу родичи привезли ее уже мертвую.

Весь остаток пути до больницы Гедалье просидел рядом с покойной, как сживал по-семейному десятки лет подряд за обеденным столом или в Пейсах за праздничной трапезой, крепко, как в молодости, держа Пнину за руку и прикасаясь боком к ее безжизненному телу. Он что-то невнятно и хрипло бормотал, изредка неуклюже вытирая левой рукой катившиеся по небритым щекам слезы, которые застревали в жесткой, замороженной сединой щетине и весело и ярко посверкивали в лучах летнего солнца; автобус подбрасывало на ухабах и рытвинах, и Пнина в черном, как аистовое гнездо, парике, слегка покачивалась и склоняла на широкое и надежное плечо мужа голову, и со стороны могло показаться, что она шепотом пытается сказать ему что-то важное. На противоположном сиденье в невыносимой близости от покойницы коченела немощствующая Рейзл, успокоительными движениями поглаживая ворочавшийся в животе плод; отец косился на нее и глухо упрасивал, чтобы ради будущего ребенка дочь пересела куда-нибудь подальше от трупа. Рейзл машинально и обреченно кивала, но с места не трогалась.

А вокруг всё жило, сверкало, переливалось, галдело, мелькало, пронеслось мимо; как ни в чем не бывало судачили пассажиры, сияло солнце, птицы славил небеса; на обочинах, как крестьяне на пашне, степенно перешептывались деревья; мычали на луку коровы; ржали стреноженные лошади; Гедалье Банквечер внутренним зрением всё видел, обостренным слухом всё слышал, терзая Всевышнего, своего постоянного собеседника, одним и тем же вопросом:

– Почему Ты, Владыка мира, в брачную постель укладываешь нас парами, а в могильную – порознь?

В тот же день Арон отправил в Каунас, в Еврейскую больницу, младшего лейтенанта Иону Андронова, и покойницу вместе с родичами на служебной «эмке» доставили в Мишкине. Выгрузив дорожную Пнину, услужливый Андронов на той же «эмке» помчался в Юодгирай за Элишевой.

Вместе со сватьей Данутой-Гадассой реб Гедалье выбрал на кладбище место для жены и рядом – для себя. Похороны, как и водится у евреев, длились недолго. Реб Гедалье, черный, съезжившийся, как озябший грач, стоял на краю могилы и не сводил глаз с ловкой лопаты Яакова. Каждый взмах и каждый глухой хлопок глины, падающей на завернутую в саван Пнину, он сопровождал протяжным, похожим на вой раненого зверя стоном. Когда могила была засыпана доверху, Банквечер несколько раз, словно голову молодой Пнины, погладил свежий холмик и, поперхиваясь задубевшими от отчаяния словами, пообещал, что дома, на Рыбацкой, он не задержится – она ведь знает, что Гедалье никогда не заставлял ее долго ждать.

Тогда на исходе осеннего равноденствия сорокового года он и предположить не мог, что кроме Пнины ему придется похоронить еще и внука, которого и назвать-то не успели. Смерть на то и смерть, что никого наперед о своем приходе не уведомляет. Спасибо рабби Гилелю, давшему мальчику при записи в книгу рождений и смертей имя – Эфраим – и прочитавшему впервые на кладбище заупокойную молитву «Э-л моле рахамим» не по умершему, а по мертворожденному.

– Ты еще родишь, – сказал тогда реб Гедалье потрясенной Рейзл, которая целыми днями напролет только и делала, что склонялась в своей комнатке над купленной впрок пустой детской кроваткой и пела одну и ту же колыбельную про малыша, который скоро станет взрослым и отправится торговать по всему белу свету изюмом и миндалем, а когда пробьется в богачи, соскучится по родному местечку, забросит свою торговлю, вернется домой и вспомнит мамину песенку.

Реб Гедалье прислушивался к ее заунывному, нечленораздельному пению, и ему чудилось, что весь их дом на Рыбацкой, куда ни глянь, битком набит мешками с заморским изюмом и миндалем, и нет в нем свободного места...

– Ты еще родишь, – неумело утешал Банквечер свою дочь.

– Никогда. Не хочу рожать мертвых.

– Ты еще молодая... Б-г даст, родишь, и у меня будет куча внуков. От тебя и от Элишевы. Она, как и ты, Рейзеле, никуда, ни в какую Палестину не уедет... выйдет замуж... и вы будете рожать наперегонки, – его голос, перемежаемый натужными смешками, едва продирался сквозь рыдания, но та его не слышала.

Боясь, что Рейзл повредится в рассудке, реб Гедалье отправился за советом к Пакельчику, который за неимением других докторов лечил от всех хворей – от кори и скарлатины, от язвы и коликов, от изжоги и запоров.

– Могу вашей дочери выписать капли, но капли вряд ли помогут, – сказал тихий, как омут, Пакельчик. – Когда я учился в Вене, мой профессор – психиатр Иоганн Фишер говорил нам, что в горе самое страшное – безделье, от него до безумия один шаг. Лучшее лекарство от душевных расстройств – работа. Попробуйте приучить свою Рейзл к вашему ремеслу – к шитью.

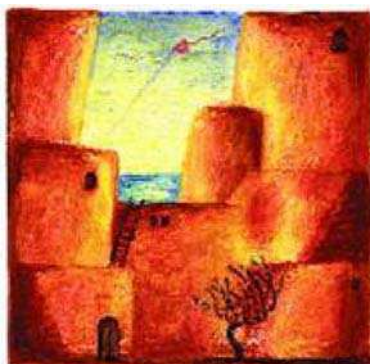
– А что прикажете делать, если она запоет про этот изюм и миндаль при клиентах?..

– Что делать? Подпевать, реб Гедалье, – усмехнулся Пакельчик. – Подпевать...

Î éîî-àí èá ñéááóò

НА ОБОЧИНЕ НАШЕГО ГОРОДА

Аאאא אאאאאאאא

ААААА 1

Тель-Авив в июле месяце – липкий город, невозможно прикоснуться к ограде или прислониться к стене. Я купил себе перчатки, чтобы хоть так отмежеваться от гнусного распаренного окружения. Всё покрыто потом, приходится часами торчать в душе. Эта внешняя перенасыщенная испарениями влажность проникает и внутрь, душит, стесняет движения. Я включаю приемник – канал классической музыки – и опускаюсь в кресло. Час-другой классической музыки выводят меня из раскаленного котла и дают вернуться к моим размышлениям.

Под вечер я отваживаюсь выбраться из дому. Даже в шесть жара не отпускает. Я устремляюсь к морю в тщетной надежде обрести там спасительный глоток прохладного воздуха – и, разумеется, разочаровываюсь. Только поздно ночью морской ветерок робко проникает на берег, отчасти снимает мучительное напряжение, позволяет телу расслабиться и навеивает сонливость. Однажды я так и задремал на песке и проснулся только под утро. С тех пор я веду себя осторожнее: почувствовав, что сон готов вот-вот сморить меня, я собираюсь с силами, поднимаюсь на ноги, пересекаю несколько улиц и заползаю в свою берлогу. И тут наваливаются эти вечные неразрешимые проблемы: что лучше – открыть окно, выходящее на запад, в сторону моря, или включить вентилятор? Или кондиционер. Кондиционер – враг моих суставов, я включаю его, только когда мучение достигает крайних пределов. Если бы не существовало зимы, сомневаюсь, что я выдержал бы пребывание в этих местах. В конце марта я начинаю тосковать по зиме.

Зимой я совершенно другой человек. Я смело распахиваю дверь квартиры и выхожу на лестницу с высоко поднятой головой. Шляпа и пальто обеспечивают мне личную неприкосновенность, я чувствую себя огражденным от вторжения внешнего мира. Снующие вокруг, бессмысленно суетящиеся люди постоянно повергают меня в отчаяние, но зимой на улицах гораздо меньше народу, и я шагаю уверенно, ощущение свободы возвращается ко мне.

Еще не так давно, всего несколько лет назад, я любил зимой купаться в море. Теперь я не позволяю себе подобных излишеств. Я брожу по пустынным улицам и наслаждаюсь высоким прозрачным небом и прохладным воздухом. Зимой я возобновляю посещение крохотного кафе «Двора» – «Пчелка». Двора, его хозяйка, помнит меня, приветливо справляется о моем здоровье и не упускает заметить, что я не появлялся всё лето. Мне трудно объяснить ей сложность и тягостность моей жизни. Я ненавижу объяснения и оправдания. Я поступаю так, как считаю правильным, и не собираюсь вступать в обсуждение мотивов моего поведения. Что ж, видно, и в этом плане я редкое исключение в нашем городе. Тут обожают всевозможные доводы, аргументы, домыслы и толкования. По ночам я иногда слышу, как человек идет по улице и объясняет жене, что заставило его воздержаться от важнейшей в его жизни сделки. Невозможно угадать, где тут запоздалое раскаяние, где досадный промах и где просто хвастовство. В любом случае, подобные разговоры утомляют меня.

Случается порой – и такое произошло год назад, – что в середине июля тель-авивское небо вдруг затягивают тучи. Будто сулят дождь. Не следует обольщаться – никакого дождя не будет. Дождь не состоится, но в

течение нескольких часов с моря будет тянуть приятной прохладой. Такое чудо происходит раз в три-четыре года, однако и этого достаточно, чтобы я воспрянул духом и ощутил в себе волю к сопротивлению. К действию.

Однако к чему всё время ныть и жаловаться? Я живу той жизнью, которая меня устраивает. У меня есть просторная квартира, благоустроенный душ, мой приемник, транслирующий классическую музыку, хорошая библиотека и сбережения, полностью обеспечивающие мое существование.

Не скрою, женщины вторгались в мою жизнь и нарушали ее течение, но не без того, чтобы оставить несколько приятных воспоминаний. Я, разумеется, не имею в виду мою бывшую жену, от нее остался только зуд в ушах. Со временем я постиг, что терпимы лишь случайные и мимолетные встречи, всё остальное – невыносимая скука и морока. Лучше тосковать по женщине, чем связать себя с ней надолго.

Невозможно не помянуть добрым словом Тину, которая в конце пятидесятых проживала в Яффо, вернее, в Джебалии. Я виделся с ней несколько раз, и каждое мгновение этих встреч запечатлелось в моей памяти. Ее глаза в ту минуту, когда я вхожу в комнату, ее поза, жест, которым она откидывает за спину волосы. Изящество, с которым принимает у меня пальто. Изгиб ее спины в ту минуту, когда ставит передо мной рюмочку. Она не спрашивала, кто я такой и чем занимаюсь, как они обычно это делают, и я не интересовался ее историей – мы оба словно пришли к соглашению, что прошлое, разумеется, имеет значение, но не столь решающее.

Тине было около тридцати, а может, и меньше. В ней присутствовало то благородство, которое уже улетучилось из нашего мира. Каждое ее движение говорило: будем добры друг к другу, покуда это возможно, – кто знает, что готовит нам завтрашний день. Она была, как все мы, беженка, но бездомность и скитальчество не пристали к ней. Она говорила на хорошем немецком и еще по-французски, как всякая девушка из приличной семьи в Черновцах, моем родном городе. Речи ее были немногословны и как-то изящно отрывисты. Как видно, она знала то, что я постиг только с годами: слова лишь сбивают с толку, ранят или надолго оставляют в душе смятение и горечь. Желательно воздерживаться от них.

Однажды вечером она сообщила мне, что намерена отправиться в Африку, чтобы работать там медсестрой в больнице Альберта Швейцера. Она говорила о поездке обычным, спокойным голосом, и это заставило меня ошибочно подумать, что она собирается пробыть там недолго. Много позже я узнал, что она крестилась и поселилась в монастыре, чтобы подготовиться к принятию монашества. Теперь я понимаю, что был недостоин ее. Такую женщину можно встретить лишь раз в жизни. Я, видно, не сумел оценить, что мне выпало.

После этого я искал успокоения у многих женщин. Они оставили во мне, как я еще расскажу, только смутное ощущение досады. Иногда мне кажется, что виноваты не женщины, а город. Город, отданный во власть неумолимого, немилосердного солнца, удушающей влажности и липкого пота, не может произвести ничего, кроме грубых, раздражающих слов, подобных вентиляторам в дешевых кафе, не приносящих утешения или понимания, но лишь создающих жужжание и скрежет.

Всё здесь свербит, зудит и гудит, и не удивительно, что на каждом углу торчат мощные горластые женщины. Толстые мужчины сидят под замызганными истрепанными навесами, и пот ручьями катится по их лицам. Кто они? Как меня занесло сюда? Что я делаю в их соседстве?..

Иногда мне кажется, что все только тем и заняты, что пытаются высвободиться из этой влажной духоты и неумолчного грохота. Липкий пот не просыхает и не рассеивается. Нервозная крикливость нарастает день ото дня. Из окон моей квартиры это представляется попеременно то нескончаемым потоком брани, то неуместным бесстыжим весельем.

Я собираюсь поставить двойные двери и рамы, чтобы раз и навсегда отгородиться от ядовитого пота и изнуряющей толчеи. Наглые слова и липкий пот – убийственное сочетание. Я всё глубже и глубже зарываюсь в свою берлогу. Сознание, что я не принадлежу ко всей этой мерзкой суеде и какофонии, сохраняет мне жизнь, как убежище во время войны.

АЕААА 2

Тель-Авив в июле месяце – город плавящийся. Всё поддается и расплывается под ногами. Ты в западне, даже когда выползаешь из своей берлоги. Отвратительнее всего та грязь и пакость, которой забиты все углы и щели в каждой подворотне и каждом проходе. В свое время мне казалось, что в этом раскаленном городе скрываются тайные вожеления, я даже воображал, что в один прекрасный день они захватят и меня. Но в последние годы меня окружают и грозят поглотить только монолитная пустота, грубые слова и густая потная мгла. Иногда меня охватывает неудержимое желание распахнуть окно и закричать: грязный город, наглый город, я не могу выдержать твоей удушающей пустоты! Я знаю, мой вопль никого не тронет. Пустота тут крепка, как сталь. Люди ограждены этими непрочными карточными строениями, как железными крепостями.

Чтобы устоять перед жарой и пустотой, я почти не вылезая из дому, разве что в продуктовую лавку да ночью на берег моря. Я уже говорил: женщины более всего смущают и терзают мой дух. Иногда мне кажется, что они воплощают всю эту пустоту. Тина, где ты? Как я не услышал твоего призыва!.. Я ощущал твою доброту, то понимание, которому ты научилась в гетто и лагерях, но твоего непреклонного стремления бороться с коварными духами пустоты не различил...

Когда мне стало известно, что она приняла христианство и живет в монастыре, я хотел поехать к ней, даже сделал некоторые приготовления. Но намерение мое не осуществилось. Как видно, я слишком привязан к завоеванным мною независимости и уединению, чтобы последовать за любимой женщиной. То, с чем не справился я, сделала Тина. Подозреваю, что она выкорчевала мой образ из своей души. А во мне она только росла и прояснялась год от года. Иногда мне кажется, что она возвышается надо мной, как колокольня.

У меня имеется некий способ преодоления пустоты: я без конца слушаю музыку. Музыка заполняет не только всего меня, но и окружающее пространство. Я знаю теперь, что музыка – это колдовской напиток, заставляющий трепетать в тебе каждую жилку.

Недавно мой приемник испортился. Была уже ночь. Я почувствовал, что не в силах оставаться дома, и начал метаться по улицам в слабой надежде: вдруг найду мастера? Может, смогу одолжить у кого-то приемник или купить новый... Магазины были закрыты. Я сидел у подъезда своего дома и погружался в отчаяние.

Какой-то мужчина подошел, склонился ко мне и спросил:

– Что у вас случилось?

Я мог отделаться от него, но не захотел.

– Мой приемник испортился...

– Приемник? По приемнику не справляют траур, – укорил он меня.

– Я не могу без музыки, – против собственного желания признался я.

– Не можете справиться с этим? – бросил он задиристо.

– Мне тяжело, вы видите, – пробормотал я еле слышно.

– Уму непостижимо! – воскликнул он и покинул меня.

Но другой человек, случайно услышавший наш разговор, проникся моей бедой, подошел и спросил:

– Вам нужен приемник?

– Вот именно, – ответил я, поднимаясь на ноги.

– Я могу одолжить вам, – предложил он с удивительной простотой.

– Только до завтра! Завтра я куплю новый.

– Подождите, я сейчас принесу.

Не прошло и нескольких минут, как он протянул мне приемник, почти новый. Я попытался заплатить ему, он отказался. Записал свое имя и адрес и сказал:

– Я дома каждый день после девяти вечера.

– Вы доверяете мне...

– Да, – подтвердил он с улыбкой.

– Заверяю вас, я верну.

– Я не сомневаюсь.

Я не подозревал, что в этом городе есть такие щедрые люди. Я бросился за ним вдогонку и закричал:

– Благодарю вас!

– Не за что, я уверен, что на моем месте вы поступили бы точно так же.

В эту ночь я не смог уснуть. Сидел в кресле и слушал музыку. Только под утро, оглушенный кофе и сигаретами, наконец задремал.

Следующим вечером я вышел из дому, чтобы вернуть ему приемник. Он принял его в дверях и оказался куда ниже ростом, чем представлялся мне вчера. В равной мере он мог быть и дворником, и государственным служащим. На его лице я не заметил ни малейшей тени изысканности и благородства.

– Спасибо, – воскликнул я растроганно, – вы спасли меня!

– Вы преувеличиваете.

– Я задыхаюсь без музыки. Вы тоже слушаете музыку?

– Иногда.

– Не каждый день?

– Нет.

– А как вы почувствовали, что я в беде? – спросил я и тут же осознал всю нелепость вопроса.

- Я ничего не почувствовал.
- Зачем же вы принесли мне приемник?
- Просто увидел, что вам это нужно.

Бесхитростные и точные ответы этого человека растрогали и взволновали меня. Я хотел вернуться и еще раз поблагодарить его, но удержался. Не в моих правилах обременять людей своей персоной, однако с тех пор всякий раз, когда я включаю приемник, я вспоминаю его и думаю, что не так уж одинок в этом мире. На преданность женщин я не стал бы полагаться. Но на человека, который дает тебе приемник только потому, что он тебе нужен, – на такого человека я безусловно полагаюсь.

АЕААА 3

К врагам моего спокойствия и привычек следует причислить мою бывшую жену и моего сына. Не знаю, чья разрушительная сила из них двоих мощнее. У жары и убийственной влажности здесь многие обличья, но у моей жены и сына лица неизменные. Они постоянно подстерегают меня. Конечно, я выработал средства против всех домогательств, но это длительная и изматывающая борьба. Зимой я чувствую облегчение и некоторый прилив сил. Зимой мои враги слабеют, и я обретаю больше дерзости.

Я написал Тине и как бы невзначай коснулся моих страданий в этом городе. Я не люблю распространяться об ощущениях и переживаниях, но всё-таки позволил себе упомянуть изнуряющую жару, разъедающий тело и душу пот и способы, к которым я прибегаю в борьбе с ними. Уверен, она поймет меня. Она жила здесь и знает, о чем я говорю. Я не торопил ее с ответом. Монашеская жизнь, как я догадываюсь, – жизнь отстраненная, исполненная молчания. Если это так, я близок ей и там. Всю жизнь я тоскую о тишине. Не раз случалось мне предаваться сладкой грезе, будто гигантские колеса, день и ночь грызущие и пилящие этот город, вдруг остановились. Нет пробивающей уши музыки, нет визгливых рассуждений о политике. Первозданная немота, в которую я погрузился однажды на юге Италии, – цельная и прозрачная, как воздух на морском побережье.

Это, понятно, лишь наивные фантазии. Пустота этого грохочущего города колотится во мне без передышки. Если бы я был верующим, то обратился бы к молитве. Молитва, говорят люди сведущие, испытанное средство против бессмыслицы и отчаяния. Не знаю. Я полагаю – возможно, ошибочно, – что истинная молитва – это не слова, не надоедливое бормотание, а внимание. Если монастырские правила воспитывают внимание и заставляют душу воспарить, ничего не скажу Тине, но если нет, будет лучше, если она вернется к нам. Арена битвы здесь, а не в далекой Африке. Здесь нужны люди ее масштаба, чтобы воевать с неумолчным гулом и бесплодной суетой.

В последнее время я читаю сочинения Примо Леви^Ш. Он пришелся мне по душе. Он излагает факты без сентиментальных рассуждений. Пока я не познакомился с ним, я полагал, что нельзя писать о войне. Я был уверен, что наш опыт не поддается описанию, вернее, его непозволительно описывать. Примо Леви умеет рассказать про то, про что можно рассказывать. Лишь изредка он теряет самообладание и обличает нас. Он представляет вещи такими, как они есть, и делает это с завидной простотой. Когда-то я думал, что теперь уже невозможно пользоваться теми словами, которыми пользовались до войны. Оказывается, я ошибался. Примо Леви говорит тем самым, прежним языком, не исправляет его, не возвышает и не снижает, а между тем открывает нам, кто мы такие и что именно выпало на нашу долю. Пророки вещали о будущем, Примо Леви извлекает из забвения прошлое и превращает его в настоящее. Гетто и лагерь, говорит он нам, не были

случайными местами заточения, они были образом, стилем, формой жизни, проглядывающей в каждом слове и поступке.

Я написал Тине: молчание и тишина у меня в крови, но аскетическое отшельничество, прости великодушно, я не могу на себя принять. Я знаю, что многие из лучших сыновей и дочерей нашего народа присоединились, от великого отчаяния, к церкви и монашеству. До известных пределов я их понимаю. Я не хотел задеть ее, но всё-таки добавил: и здесь, в этой пропитанной потом стране, тоже можно взыскать истинной молитвы.

Она незамедлительно откликнулась. Ни словом не отреагировав на мои проповеди и замечания, описала свой порядок дня, начиная с полуночной молитвы, продолжающейся до двух часов ночи. До шести утра сон. В шесть утренняя молитва и легкая трапеза, потом работа в поле. В течение дня находится время для уединения. Три торопливых трапезы и чтение святых книг. Трудно было понять, счастлива ли она. Возможно, понятие «счастье» не соответствует ее положению. Я читал ее письмо, и мною овладевала печаль. Я чувствовал свое бессилие и страх перед будущим и всё-таки возвращался и читал снова. Она писала по-немецки, но кое-где вставляла словечко на иврите. Аккуратный, разборчивый почерк. Тина, всё, что происходит с тобой, вливается в мои жилы и растворяется у меня в крови...

ÀËÀÀÀ 4

В конце августа солнце слегка выдыхается, жара немного спадает, запах моря в преддверии сумерек становится отчетливее. В шесть я отправляюсь к морю. Иногда мне кажется, что прохладные дуновения должны смягчить и приглушить шум. Это ошибка. Транзисторы и громкоговорители завывают без устали. Огромные тучные женщины разметались по пляжу, как гигантские ящеры. Я питаю слабость к женщинам, но не таким, позорящим образ человеческий. Я стараюсь держаться от них подальше. На этот раз я не сдержался и крикнул одной из них:

– Зачем ты сокрушаешь тишину моря?

– Я? – подняла она голову.

– Ты!

– Что я сделала?

– На пляже запрещено включать транзистор на полную мощность!

Она засмеялась.

Я собрался подойти и вlepить ей оплеуху и уже было направился к ней, но остановился, заметив у нее на лице глубокий шрам. Я никогда не причиняю зла пострадавшим, и всё-таки сказал ей:

– От тебя я мог бы ожидать большего понимания.

– О чем вы говорите? О каком понимании?

– Ты прекрасно знаешь.

Она ничего не ответила, только глянула на меня с наглой усмешкой.

Я простил ей и это. Трудно объясняться с покалеченными людьми. Они заставляют меня умолкнуть.

Однако и в конце августа пляж не окончательно пустеет к вечеру. Люди валяются на песке в обнимку с огромными транзисторами. Звуки того, что они называют музыкой, раскалывают воздух. Я не в силах призвать их всех к порядку, но море не простит им. Однажды я закричал:

– Море еще отомстит вам!

Они накинулись на меня с проклятиями.

Мы должны терпеть. Наше прошлое страдание, как видно, не оправдывает нас. Я не знаю, что делают с человеком монастыри в Африке. Моя борьба, во всяком случае, страшно изматывает нервы. От года к году терпение мое истощается, и стоит мне оказаться на берегу, как руки сами собой сжимаются в кулаки. Я опасаясь, как бы не наброситься на кого-нибудь. Год назад я попросил одного из этих парней сделать звук потише. Он отказался и принялся задирает меня:

– Я буду делать здесь всё, что мне нравится. Тут никто не может мне указывать, что делать.

Я пригрозил ему расправой, но он не обратил на это ни малейшего внимания. Я отодвинулся от него как можно дальше, но звук гнался за мной. В конце концов я вернулся и еще раз попросил его убавить громкость. Он снова отказался.

Это была тяжелая схватка. Он обрушил на меня несколько мощных ударов. Я вышел из себя и с трудом, но всё-таки сбил его с ног. Если бы он замолчал и не продолжал оскорблять меня, я оставил бы его в покое. Но он извергал ругательства и под конец выкрикнул:

– Жаль, что такие, как ты, выжили!

Тогда я вернулся, хотя и не в моем обычае бить лежачего.

Эту драку, как видно, наблюдали многие – или, во всяком случае, слышали о ней. С тех пор, когда я прошу кого-нибудь сделать звук потише, просьба моя немедленно исполняется. Находятся, разумеется, упрямцы или слабые, презренные создания, которые начинают ныть и кланяться: почему, чем я тебе мешаю, позволь мне слушать радио! Я не выношу этого скулежа, но не трогаю таких, готовых умолять и унижаться.

Моя бывшая жена имела обыкновение провозглашать – надо полагать, она продолжает делать это и сейчас: «Он упрямец, он всегда поступает, как ему нравится, и ни с кем не считается». Большинство из нас страдает узостью кругозора, но она довела свою ограниченность до наивысшей степени, с которой мало что может сравниться. Как и я, она прошла худшие из лагерей, но они не оставили в ней следа. Как будто и не побывала там. Однажды я сказал ей:

– Ведь ты тоже была там, видела и слышала.

– Ну и что? – ответила она мне с непревзойденной наглостью.

Я готов был застрелить ее.

А́ЕА́А́ 5

Облегчение, наступающее в сентябре, порой оборачивается для меня бедствием: я погружаюсь в тяжкий мучительный сон. Продолжительный сон уносит меня в те места, где мне совершенно не хотелось бы находиться, и когда я наконец просыпаюсь, у меня снова нет сил бороться. Следует постоянно помнить, что неумеренный сон изнуряет, от него опускаются руки. Однажды я беспробудно проспал почти весь сентябрь. Теперь я осторожен в этом отношении. Я заставляю себя подняться и отправиться к морю. Жизнь на берегу действительно грубая и докучливая, но это всё-таки предпочтительнее мучительных кошмаров. Не так давно ко мне подошел человек и сообщил с простодушной прямоотой:

– Я читаю Примо Леви, это писатель, который проясняет мои мысли. Не знаю, что бы я делал без него.

– Я тоже, – подхватил я обрадованно.

– Благодарение Б-гу, что у нас есть такой писатель.

– Когда вы открыли его? – зачем-то поинтересовался я.

– Недавно. С тех пор моя жизнь совсем не та, что была. Она в корне изменилась. Обрела какое-то странное упование – надежду на исправление.

«Что значит – странное?» – хотел я спросить, но не стал.

Я понял, что он из наших, но не стал докапываться – где, когда и тому подобное. Что делать, мы не отличаемся умением выразить себя, мы только множим и трамбуем избитые фразы и поэтому радуемся, когда один из нас находит верные слова, способные объяснить, что произошло в те годы.

– Какую музыку вы слушаете? – спросил я вместо этого.

Я был уверен, что он, подобно мне, испытывает необоримое влечение к музыке. Он уклонился от ответа и исчез.

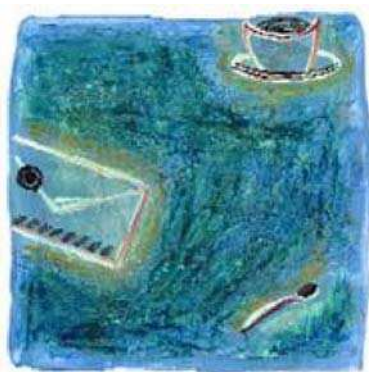
После полуночи на берегу можно встретить замечательных людей. В большинстве своем это наши. Море притягивает их. Это, как видно, наш настоящий дом. Я уже натыкался посреди ночи на наших, которые часами сидят на берегу и курят, душой и телом преданные морю.

Иногда мне кажется, что они, как и я, борются со сном, угрожающим завладеть их сознанием. Сон, если я еще не упомянул об этом прежде, один из наших главных врагов. Он захватывает нас врасплох и расслабляет волю. Спать необходимо, но осторожно и не слишком много.

Сентябрь для нас роковой месяц. Если в июле и августе ты сражаешься с жарой и потом, то есть с внешними врагами, то в сентябре тебе угрожает враг внутренний. Ты воюешь, как это ни странно, с порождениями твоего собственного сна, с духами твоего обессиленного сознания.

В прошлом году это было невыносимо. Все гетто и все лагеря, в которых я побывал, сгрудились и наслоились во мне. Как будто боялись, что я позабуду их. И во сне я снова и снова заверял и клялся: не забуду ни гетто, ни лагерей, ни моих родителей, ни брата, ни сестру, – но помнить их непрерывно, час за часом, я не в состоянии! Мой голос, как видно, не достигал ничьих ушей, поскольку требования и укоры возвращались и повторялись. Сентябрьскими ночами у меня нет выбора – я вынужден бежать из дому. Лучше бродить, чем оставаться во власти кошмаров.

После полуночи берег заселяется нашими людьми. Не все одинаково дружелюбны, многие настолько погружены в себя, что бесполезно обращаться к ним. Есть, разумеется, и такие, кто набрасывается на тебя без всякой видимой причины. Я не осуждаю их. Иногда мне кажется, что мы одна семья, которая по непонятным причинам распалась, разбрелась в разные стороны, но однажды еще соберется вместе. Я сказал «одна семья» и тотчас хочу отказаться от своих слов. В нашу семью не входят ни моя бывшая жена, ни мой сын. Они сами исключили себя из нашего ордена. Бывают дни и недели, когда я вообще не вспоминаю про них, они словно выветриваются из моей памяти. Но в сентябре, только для того, чтобы позлить меня, они возвращаются. Как будто между нами еще существует что-то общее. Более всего раздражают ее заказные письма. Постоянно новые претензии, новые требования. То есть я не могу знать, что в них написано, поскольку не читаю, но тем не менее они выводят меня из себя.

ÀËÀÀÀ 6

Несколько дней назад, в поздний ночной час, я подошел к одному из наших и спросил без обиняков:

– Тебе тоже досаждают пустота в этот сезон?

– О какой пустоте вы говорите? – глаза его раскрылись от удивления.

– Разве нужно объяснять?

– Я не понимаю, о чем вы.

– О пустоте. Я не знаю другого слова.

– Извините, – сказал человек, – я живу своей жизнью и не думаю о вещах, которые находятся за пределами моего восприятия.

– Но ночью тем не менее ты приходишь сюда. Почему?

– Прихожу подышать ветром.

– И ничто не досаждает тебе, не пугает?

– Сказать по правде, нет.

– Ты ведь один из нас.

– Да, это верно.

Я знал, что он имеет в виду, и всё-таки продолжал наседать и допрашивать. Мне трудно смириться с тем, что кто-то из наших не понимает меня. Я сообщил, что читаю Примо Леви, а в последнее время и Жана Омри.

– Я ничего не читаю, – отрезал он.

– А что же ты делаешь? – спросил я и тотчас почувствовал, что это уже лишнее.

– Работаю братом милосердия в больнице, – ответил он спокойно и отвернулся от меня.

В ту ночь я долго бродил вдоль берега. Я чувствовал себя как ребенок, которому дали по уху. Несколько человек пытались заговорить со мной, но я увернулся от них, обогнул весь пляж и под утро вернулся в свою берлогу. Усталость моя была слишком велика, чтобы включать приемник. Я сел в кресло и задремал. Был уже полдень, когда я проснулся. Во сне я находился где-то далеко и впутался в какой-то спор, обрывки которого еще клубились в моем сознании. О чем спорили, я не помнил. Знал только, что доводы моего оппонента были блестящими и убедительными, а я лишь твердил, как болван, одно и то же. Уцепился за какое-то слово и повторял его без конца. И чем больше повторял, тем больше расплывалось от удовольствия лицо моего противника. В конце концов он прекратил излагать свои веские доводы, и язвительная насмешка, насмешка победителя, тронула его губы. Я собирался сказать ему: «Не насмехайся прежде времени» – но поперхнулся словами.

Я сделал себе кофе и сел к столу. Крепкий кофе проник в желудок, оживил мои внутренности и вытеснил из головы кошмар. Под вечер я спустился в лавку, купил самое необходимое и вернулся домой с твердым намерением взять себя в руки, встряхнуться и собраться с силами.

Не прошло и часа, как в мою дверь постучал почтальон и протянул мне письмо, отправленное экспресс-почтой. Такие письма, как и заказные, я получаю только от моей бывшей жены. «Счастливого дня рождения, – писала она на розовой поздравительной открытке, – желаю долгих лет счастья и здоровья». Я хотел разорвать открытку и бросить в мусорное ведро. Мысль, что она, после стольких лет разлуки, всё еще помнит мой день рождения, всколыхнула во мне затаившуюся тоску. Я положил письмо на стол и поспешно вышел из дому.

По дороге я вспомнил, что уже много дней мешкаю с ответом Тине. В последнем своем письме она с похвалой отзывалась об одном библейском отрывке, упоминала нашу исследовательницу Танаха^[2] Нехаму Лейбович, которая открыла ей глаза на многие важные вещи и прояснила туманные места. Это спокойное деловитое письмо заставило меня расплакаться.

Ī ēīī : aī ēā īēāāāāō

^[1] *Ēāāē Ī dēī ī (1919-1987) - ēōāēīyīīnēē ēēāōāēī īīyō, īāēēōēīō. Ā āāū āōīōē ē ēōīāē āīēī ū āūē çāēp-āī ī ūī Ī nāī ōēī ā āūāēē ē āāī ōēīy ā ōīāī ē ōōēī. Ī æēçī ē āēāāōā ē īā īīāī āīāēāī ēē īāī ēīāē āīāēō ēī ēāō «xāēīāē ēē yōī?» ē «Ī āāāūōēā» (āīōēē ā Dīīnē ē ēçāāōāēūō āā «Ōāēīō» īīī ōāāōīōāī īī ā 2001 ē 2002 āīāō).*

^[2] *Ōāī āō - īāūāā ī āçāī ēā āīāō ōōāō ōāçāēīā āāāēīēīē Āēāēēē (ā ōōēīō ēāīīēīē ōōāēōēē - Āāō ōīā (āāāōā): Ōīōū (Ī yōēēī ēāēy), Ī āāēēī (Ī ōīōēīā) ē Ēōōāēī (Ī ēīāī ēē).*

МОСКОВСКИЙ «УЛЕЙ», ТЕСНО СВЯЗАННЫЙ С МОНПАРНАССКИМ

Í eíà Èòðeáà

Á óat óðá Ì ìñeáí, á Í aóðíatíí ìáðeéé, ìááeíÿpúatí Í aóðíaeó è Á. Áí eóðíaeó, ìíeááá íaçaá íeóðíeáíí ìáðeáÿ á aóðíáá áeéaóáÿ ááðeíeéíá èñeóííòáá «Óeáe». Íaçaáíeá áññíaeó è eçaáíòííe ìáðeaeíeé èíeííeé óááíaeíeéá La Ruche («Óeáe»), á eíòíðíe í:aíú ìeéúá áúeá ááðeíeáÿ ìíòááeÿpúáÿ. Èí áííí íá óááíaeíeéáð óáe íaçuááíí íe ìáðeaeíeéé øeíeú, eáe eçaáíòíúó, óáe è íá íóáí áí úó íí çáñeóáí, ìíòááíòí:eáá ìáé eí óáðáí ííáÿ ì ìñeáíeáÿ áeéaóáÿ.

À. Óáááð. Eáí ùeíá ìeéáøeííí.

Их творчество приобрело настоящую огранку в 1910–1920-х годах в Париже, где вокруг космополитичного «Улья» на Монпарнасе группировались выходцы из разных стран. По словам Марка Шагала, «здесь или помирали с голоду, или становились знаменитыми». А французский критик Жан Кассу писал: «В “Улье” было полно иностранцев, слетевшихся со всех концов света, и в особенности евреев из Восточной Европы, которые были людьми, обладавшими только собственной судьбой...»

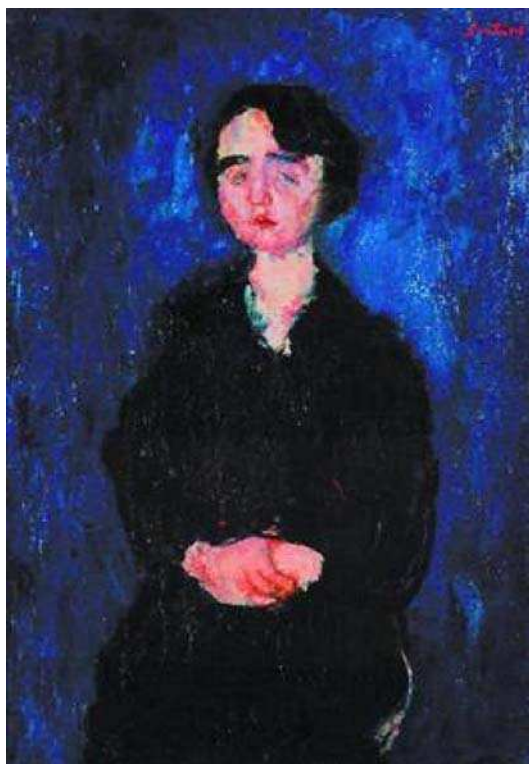
Перемещение из провинциальной еврейской среды в центр мирового искусства тех лет было частью процесса секуляризации и вхождения в европейскую культуру новой мощной силы. Эта в своем роде уникальная ситуация способствовала формированию в Париже в начале XX века единого искусства интернациональной Европы – искусства, в значительной степени обусловившего глобальный перелом в культуре минувшего столетия. Роль художников-евреев стала во многом определяющей. Достаточно назвать такие имена, как Марк Шагал, Хаим Сутин, Амедео Модильяни, Осип Цадкин, Моисей Кислинг, Хана Орлова...

Эти мастера – наследники еврейской художественной культуры (развивавшейся, в отличие от европейской, вне законов изобразительности) – сумели почерпнуть в ней глубокий духовный опыт и особую символику, присущую традиционному орнаменту. Эту «одухотворенную традиционность» они соединили с новейшими открытиями современного искусства – искусства авангарда.

Самое сложное – угадать пути художественного мышления своего времени. Художникам-евреям парижской школы это удалось: способом мышления для них стала пластика, а не только мысль, запечатленная в слове.

В этой связи в первую очередь вспоминаются холсты Хаима Сутина, художника гениальных прозрений и тончайшей интуиции. Его «Портрет жены сапожника» открывает список приобретений галереи. Добавим: в российских музейных собраниях Сутин не представлен.

В 1928 году, когда в Париже был написан этот женский образ, в Москве, в залах Морозовского отделения Государственного музея нового западного искусства на Пречистенке, открылась выставка «Современное французское искусство». Выставка имела и так называемую «русскую часть», экспонировавшуюся в Третьяковке. С прославленными французскими мэтрами соперничала довольно пестрая когорта художников-парижан – выходцев из России. Они составили едва ли не половину всей выставки. Факт их участия в столь представительном показе новейших течений говорит об их вовлеченности в творческие поиски, определявшие лицо французского искусства.

Օ. Նոուել. Իր ձուձու աւալի մայրաբէն

Этой самоидентификации и одновременно адаптации в многонациональной творческой среде Монпарнаса была посвящена статья «Русская группа» в каталоге выставки. Ее автор – Абрам Эфрос, авторитетный критик, блестящий эссеист, участвовавший в отборе работ во Франции. Эфрос выделял фигуру Хаима Сутина (увы, его работы, несмотря на усилия Эфроса, не попали на выставку из-за отказа нескольких владельцев его картин) и отмечал ряд живописцев, находившихся в сфере его влияния, – это Пинхус Кремень, Михаил Кикоин, Генри Эпштейн, Адольф Федер. Их он причислял к «мастерам орбиты Сутина».

Теперь, почти через восемьдесят лет, работы этих художников вновь можно увидеть в Москве.

Их картины, а также произведения Моисея Кислинга, Макса Зильбера, Саши Финкельштейна, Осипа Бразы, Абрама Минчина, Мане-Каца, Александра Фасини, Леона Вейсмана, Веры Роклиной, Ирен Хассенберг представлены в московском «Улье». Судьбы этих художников складывались по-разному – большей частью трагически. Талантливейший Федер, успешно развивавший линию Гогена, погиб в Аушвице, тот же страшный адрес подводит итог биографии тончайшего колориста, уроженца Одессы Фасини, там же оборвалась жизнь последователя Сутина, Эпштейна.

(i. «Ī 00ēēī pēāy», «xāōīāpēāy»).

0āē. (095) 928 06 52; ulei@col.ru Ī ī. – ī ò., ī ī ī dāāāde ò āēū ī ē āī āī dāī ī ī dē.

ЛЕХАИМ ФЕВРАЛЬ 2006 ШВАТ 5766 – 2 (166)

МОШЕ

Ēēāī à Àðēē

Ī òāīēēāī ēā Ī à:āēī ā ' 1, 2006

Ā ĀĀĒĪ ÒĀ

Аарон собрал старейшин:

– Нас услышал Ашем! Он привел к нам избавителя – моего брата Моше. Сейчас он сам скажет, кто его послал и зачем.

– Б-г Авраама, Б-г Ицхака, Б-г Яакова – Ашем – направил меня к вам. Он велел мне взять с собой этот посох.

Мгновение и... змей-гигант свернулся у ног Моше. Он взял его за хвост, встряхнул – и вновь в руках деревяшка.

– Я осмелился сказать, что вы мне не поверите. И Ашем меня за это наказал! Смотрите...

Моше спрятал руку за пазуху, достал – кожа вся как в инее. Снова убрал за пазуху – всё чисто.

– Мы-то тебе верим и другим сообщим. Да только как бы от фараона нам не досталось...

ĀĪ ĀĀĪ ðŌĀ

В тронном зале шумно праздновался день рождения фараона. Вдруг на пороге возникли две фигуры. Они были похожи скорее на ангелов. Длинные талисы трепетали за спинами, как крылья, глаза горели. У фараона перехватило дыхание, и он слабо вскрикнул:

– Кто допустил? Почему без доклада?

– Мы – посланники Ашема.

– Кого? Я такого не знаю!

– Мы, наследники Якова, верим в Единого Б-га – других нет! Он через нас обращается к тебе: «Отпусти народ Мой!»

– Куда это я вас отпущу? Ведь вы – мои рабы!

– Просим тебя, фараон, по-хорошему, отпусти на три дня в пустыню служить Ашему и жертвы принести.

– Города-хранилища мне уже отстроили? Нет. Ленивцы! Вам бы всё воду мутить! Времени свободного у вас чересчур много! Не посланцы вы, а самозванцы! Чем докажете, что я не прав?

– Смотри!

Моше бросил перед собой посох, тот превратился в змея.

– Подумаешь! Эй, мои верные слуги, покажите этому выскочке...

Весь пол в зале оказался усеян разного окраса и размера змеями. Но Моше не растерялся. Он схватил своего гада за хвост, шепнул ему что-то, и тот, как пылесос, втянул всех змей в себя. Миг – и он снова сучковатый посох в руке Моше.

– Это была разминка, – сказал Моше. – Идолы вам не помогут! Отпусти народ мой!

– Еще чего!

– Тогда ждет тебя не одна, а Десять казней от Всевышнего.

Рано утром Моше вышел на берег реки.

Покраснели нильские воды. Люди пригорюнились.

Лягушки заквакали в их животах и даже внутри у фараона! Они прыгали в печь, освещая Имя Ашема, и чудом не сгорали.

Кругом всё было черно от мошки.

Вот тут-то египетские волхвы закричали: «Это перст Б-жий!» И услышал каждый:

– Дабы ты знал, что Я – Г-сподь среди земли, посылаю к вам диких животных. Того, кто уцелеет, покроют язвы, пыль.

Жрецы замолкли окончательно.

Град, саранча, тьма показали истинность пророчества Моше, и «кто обратил свое сердце к Б-гу», тот не был поражен ими. И их первенцы остались живыми.

Первенцев в семьях египтян было несколько. Фараон тоже был первенцем. Но он продолжал упорствовать даже тогда, когда первенцы стали требовать, чтобы фараон отпустил евреев:

– Пусть они катятся!..

Фараон бунтовщиков казнил, остальные – вымерли.

Сам же он пока уцелел, так как должен был погибнуть в воде за свой приказ топить новорожденных мальчиков-евреев в Ниле – мера за меру.

Наказано было всё, чему поклонялись египтяне!

Нил протух, лягушки, крокодилы, звери, жуки – всё пошло против египтян. Деревянные идолы сгорели, каменные раскрошились, металлические расплавились.

Наконец фараон согласился отпустить детей Якова.

Однако из Египта вышла лишь пятая часть народа – «хамушим». А где остальные четыре пятых? Не захотели?.. Вот и вымерли во время казни тьмой...

Наконец-то берег моря – Ям-Суф.

А сзади – фыркают кони, несутся колесницы! Впереди всех – фараон:

– Догнать! Вернуть! Погоня!

Но в стане евреев слышится:

– Не сдаемся!

– Драться до последнего!

– Молиться!

– Вперед в море!

И Халеф ринулся первый. Вода – по колено, по грудь, уже до ноздрей!

– Такой хороший человек тонуть не должен!

Моше протягивает свой посох – и море расступается, и волны застывают стенами, и каждое из двенадцати колен идет своим коридором по дну моря.

За ними ринулись египтяне.

– Нагоняют!

Когда замыкающие выскакивают на сушу, Моше протягивает посох, и море смыкается над головами египтян. Напуганные евреи не верят своему счастью:

– Египтяне наверняка выплыли в другом месте!

Но волны выбрасывают к их ногам утонувших египтян в доспехах...

И тогда все евреи вместе с Моше и его сестрой Мирьям запели благодарственную «Песнь на море».

Ὁ ἄριστος ἐστὶν ὁ Θεός

ПОЗДНИЙ БАБЕЛЬ. ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ

«ĀĪĎĪĀĀ»: ĪŊĪĀĀĪĪ ĪŊĎĒŊĒĪĪ ĒÇĪ Ā Ā ÇĒĪ Ī ĒŌ ŌŊĒĪĀĒĎŌ

Ēāā ŌĪĪĎĒĒĪ

Бывают странные межъязыковые совпадения. Русское «дорога» столь напоминает ивритское «дэрэх», означающее ровно тот же предмет во всем спектре смыслов, что закрадывается предположение об общей этимологии. Предположение, по-видимому, ложное, но нас сейчас интересует не теория, а практика: случайно ли, в контексте названного двуличия, появление этого слова в качестве заголовка опубликованного в 1932 году рассказа Бабеля.

Из общей фабулы рассказа понятно, что речь идет, главным образом, о двух значениях слова:

- 1) дорога как путь к чему-то, куда-то, имеющий четкую конечную точку;
- 2) дорога как метафора жизненного пути в целом.

Второе значение на иврите звучит как «дэрэх-хаим». С легким удивлением мы тут же, в тексте рассказа, находим недостающую часть словосочетания:

*ĪĪ ĪĎĒĒĒĒĒĒ ĒĪ Ī ĪĀ ĪŲŌĪĀ ĪÇĀĪĪ:ĀĪĪĪĀ ĒĒŌĪ, - ĪŌĪĀĎĀĒ ĪŌ ĒĀĒĪĪĪĪ ĪĀŌŪĎĀ ÇĪĒĪŌŪĀ
ĀĀŲŌĒĎĀĒĒĒĒĒĒĒ, ÇĀŌĒŌŪĀ Ī ĀŌĀĎĪĎ ĪĀ ĀĪŌĪĀĪ, ĎĪŲĒ Ď Ī ĀĪŲ ĎĀĪĪĀ Ē ĪĀĒĪŌĪ, ĪĪŌĪĪ, ĪĪĀĎĪŌĀ ĎĒĒĪĒĒ,
ĎŌĎĒĪŌĒ ĎĀĀŌĪĪ ĒĀĀĪĪĒ ĪĪ ÇĀŌŪĒĒŌ Ē ĎĒĀÇĒĒ ĪĪ-ĀĎĎĒĒĒĒĒ:*

- ĀĪĒĒĒĒŌ, ŌĀĒĪ... [ĀĀĀĒ, ŌĀĒĪ (ĀĀĀ)]

*Ĕ ĪĪŌĀĒ, ĎŌĀĀŲ ĀĪŊĪĀ ĪĪĀĒ Ā ĎĪĀĀ Ī ĒŌĀĪŪ ÇĀĒĒĒĀĎĪĪ ĪĀ ĪĪĀĒ ĎĒĒĪĀ, ŌĪĪ-ĒĀ ĪĒŌĀĪĒ
ĪŌĪŌĪĀĒĒĀ ĎĒĀĪÇĪĎĀĀĀ. Ī ŌĒĒĒĒ ĪĀ ĀĪŊŌĎĀĒĒĒĒ.*

«Хаим» на иврите – «жизнь». Именно в свете этого, кстати, становится понятно, почему чудной, говорящий по-еврейски русский мужик всё-таки не выстрелил: он же сказал «хаим», «жизнь», а не – «мавет», «смерть»!

Теперь зададимся вопросом, когда же указанные значения слова «дорога» максимально сближаются. Ответ также несложен: в двух случаях – если конечной точкой пути становится точка смерти или если жизненный путь приводит в рай, в Землю обетованную. Тончайшая вибрация между этими жизненными сюжетами и есть, по сути, внутренняя драма нашего рассказа.

Заметим, что нами только что, попутно, едва не произнесено нечто, что можно было бы назвать идеей личного сионизма: жизненный путь еврея имеет смысл лишь тогда, когда приводит его в Землю обетованную. Можно было бы – но нельзя. Нельзя, потому что... путь героя направлен в прямо противоположную от Палестины сторону!

Профессор Иерусалимского университета В. Хазан^[1] обращает внимание на хронологическое совпадение начала рассказа (*я ушел с развалившегося фронта в ноябре семнадцатого года*) не только с Октябрьской революцией и большевистской Декларацией прав народов России, но и с датой Декларации Бальфура^[2], подтвердившей право евреев на создание национального очага в Палестине и ставшей мощным фактором мотивации для переселения туда европейских евреев. Герой же рассказа избирает иной маршрут:

Здесь мы видим больницу без врача, то есть переставшую быть таковой, фельдшера, превратившегося в какого-то агрессивного политика, чуть ли не полевого командира, и традиционных евреек, тоже до некоторой степени отклонившихся от своей предписанной традицией судьбы – воспитывать хороших еврейских детей, чтущих традицию.

6) В товарном поезде.

Οαίρρα πρὸ:αείυέ πῶοίεε, ἰδῆαεὐάααεεε ἀεεεεεε ἰούυ ἀαααοεδῆά αὐέ πῆααί:ίεε, ἰπὸδῆεῖτᾶ ααεααῶ Ἰ ὕ πᾶεε ἰῖᾶ ἰ τᾶ:εἰ, εἰδῆοεεἰ, αᾶαῖῖῖῖ ἡαῶδῶ αεεῖῖ ε πᾶααεεεῖῖ ἰδῶῖῖ ὀ ἰδῶῖῖ ἰ ὀεῖῖοεἰῖε ἦ ἰ ὀεῖῖοεἰῖε ἡῖῖῖ, εἰε εἰῖῖῖ αᾶαῶ. ῥᾶ Ἐἰεἰᾶε Οαίρρα οεδαε ἰ ἰε πῖᾶ:ἰε ε εῖῖ:αῥ

Здесь – товарищ, превратившийся в вора.

7) На вокзале.

ῥᾶααεεὸαεῖῖ ὑέ ἰὸδῶ ἰᾶεεε ἰ ἰῖαῶ, ἡῖῖοδᾶ:αῦ ἰῖᾶῖᾶεεεεε ἰῖαῥᾶ

Ἰᾶοῖ:ἰεεῖᾶ ἡῖᾶεε ἰᾶ ἰᾶδῖῖ, ἡ ἰεῶ πῶαεε πῖῖᾶαοῦ ἰᾶεεᾶῶ Ἰᾶ ἡῖᾶεῖῖο, ὀῦᾶῖ ἡ ἰᾶῖῖῖῖεἰ ε εῖᾶῖῖ ε, ἡεεεεεῖῖῖ δαῥεῖῖᾶῖᾶ, ἰᾶεεὸῦᾶῖᾶεδῶῖῖ.

Мы видим стрельбу не ради поражения цели, а также людей, превратившихся в резиновых кукол.

8) На Гороховой, 2.

Ἄ ἡῖ ἰ ἰῖῖ ἰδ ἡᾶᾶ, ἰ ἡῖᾶοᾶἰ αᾶἰεεε ἡᾶᾶῖᾶ:ᾶεῖῖῖῖᾶᾶ, ἰῖῖ ἡῖᾶεᾶῖῖ ᾶεᾶ. Ἄᾶ ἰοεἰ ἰοᾶ, ᾶᾶ ᾶεεᾶῖῖῖ ὑᾶ πᾶεεε, ἰῖᾶῖῖ ἰ ἰδᾶῶ, πῶῖῖεε ἰ ἡῖῖοεᾶῖᾶ β ἰῖεᾶαεε εἰῖ ἰᾶᾶῖῖ ὀ ἰεῖῖῖ ἰ Ἄᾶῖ Ἐᾶεοεῖᾶ, ἰ ἰᾶᾶ ὀῖῖῖῖ ἰοεῖῖῖᾶ ἰ Ουεῖῖῖῖ ἰῖεεῖ Ἐᾶεοεῖῖ πῶαεε ἡᾶᾶῖᾶῖῖῖῖ ἰ ᾶεᾶᾶ¹⁹.

Опять-таки целый град преобразений: градоначальство становится тайной полицией¹⁷, собаки – пулеметами, а унтер-офицер – следователем.

9) На Невском.

Ἰῶαδεε, ἰῖῖῖᾶεεε ἰᾶ ἡᾶᾶᾶεεῖῖ, ἰδῖᾶᾶ ἰ εἰ ἰ ἰᾶῖῖ εᾶᾶοᾶ:ἰῖᾶ δαῖῖῖῖ ἡᾶῖ. Ἰᾶῖ ὀῦᾶᾶῖῖῖ ἰῖ ἡᾶεᾶεε ἰ εᾶᾶ εῖᾶεᾶῖῖῖ ἰῖᾶε, ἰᾶ ἰᾶεεοεᾶ ὀ ἰᾶᾶ ἡᾶεᾶεε ὀεδῖῖῖῖῖᾶῖῖ ὀᾶῖῖ:εᾶ, ᾶᾶ:ᾶᾶεε ἡᾶῖῖῖῖᾶεε ἰῖῖᾶῶ ἡῖῖῖῖῖ ᾶ ὀᾶεῖῖ

Ἄᾶ εεὸαεῖῖᾶ ἰ εἰῖῖῖᾶεᾶῶ, ἡ ἰᾶᾶᾶῖῖῖ εἰ ε ὀεᾶᾶᾶ ἰῖᾶ ἰ ὑῖῖῖῖ ε πῶῖῖεε ἰᾶ ὀᾶῖῖ Ἰᾶῖῖῖῖ¹⁹. ῥᾶεεἰ ἰῖᾶῖῖ ἰῖε ἰῖῖᾶ:ᾶεε ἡῖῖῖῖεε ἰᾶ ὀεᾶᾶᾶ ε ἰῖεᾶῖῖᾶεεε εῶ ἰῖᾶῖῖᾶεεεἰ ἰδῖῖῖῖῖῖῖῖῖ. Ἐᾶῖῖῖῖῖ ἰᾶῖῖ ἰῖᾶῖῖῖ ἰῖῖῖᾶεεεε ἰ εἰ ἰῖῖῖ.

Мы видим сначала человека, вовсе лишённого идентифицирующих примет – как бы персонифицированную эклектику. Затем – петербуржцев, превратившихся в китайцев, и проституток, которые не продаются.

10) Наконец, Аничков дворец.

Вот солдат, ставший лакеем. А вот целый салют преобразений, на этот раз – географически-династических:

Ἰᾶεῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖᾶῖῖ εἰδῖῖῖῖᾶᾶ Ἐῖῖεᾶ, ἰᾶῶῖ ἡᾶ, ἰῖῖᾶῖῖῖῖῖῖ ἰᾶ ὀῖῖῖῖῖῖῖῖῖ ἡᾶῖῖῖ; ἰῖᾶ ἡῖᾶεᾶ ἰᾶῖ ὀ ἡῖ:ῖῖ ῥᾶ Ἰᾶῖῖῖῖῖ VII, εἰ ἰᾶῖῖῖῖῖῖῖ Ἐῖῖᾶεε ε ἰᾶῖῖῖῖῖῖῖῖῖ εἰδῖῖῖῖῖ, ᾶῖῖῖῖῖ ῥᾶ Ἰῖῖ ἰῖῖᾶᾶ, ἡῖῖᾶ Ἄᾶῖῖῖῖ ἡῖᾶεᾶεε εἰδῖῖῖῖῖ ᾶῖᾶ:ᾶῖῖῖῖ. Ἰῖῖῖῖῖῖῖ Ἄᾶᾶ ἰᾶᾶ ἡῖῖῖῖῖ Ἰῖῖ ᾶεᾶεε ἰῖῖῖῖῖῖ.

На перемену своей природы намекает и дарственная надпись султана Абдул-Гамида «кузену» Александру III: как известно, этот султан был свергнут в ходе буржуазно-демократической революции¹⁹.

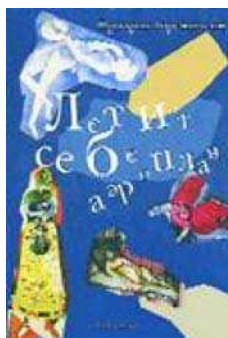
÷òí èàé ààòí ì àéíííàí àíòèì ì ñ ì íáíííé ñéèéáíé. È yòí, ìí ì íáíéþ ì ííæð èííéáííàòáé, àííéí á òàðàèòáííé ãéý ðáííéáííá í èííàòáéý òííáíí ù àòíáéííáòé÷ííòè.

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ ШАГАЛ

Óðéáðéó Áíðáí óòáéí

*Éáòéò ðááá áýðíí éáí (Ñáíáíáí áý óáí ò áçéý íí ì íòéááí æéçí é é
ò áíð-áíò áá Í áðéá Óááéá)*

Í.: Ñéíáí, 2003 – 144 с.

Свой последний роман Фридрих Горенштейн написал о Шагале. Решение очевидно не случайное: при помощи великого художника прозаик хотел получить наконец ответ на мучивший его всю жизнь еврейский вопрос. Трагическая судьба еврейства в XX столетии для самого Горенштейна стала проклятием, и в своей итоговой книге он пытается разгадать секрет шагаловского оптимизма: как удалось живописцу пронести детское восприятие мира через все погромы, революции, войны, отчего после Освенцима и Дахау на его холстах по-прежнему летают коровы, зеленые лошади мирно пасутся в облаках, а любимая женщина парит над безмятежным Витебском?

Серьезность затрагиваемой писателем проблематики и репутация Горенштейна обещают чтение если не захватывающее, то по крайней мере интеллектуально насыщенное. Обещают – и обманывают. Первая часть книги напоминает беллетризованный путеводитель по еврейским праздникам (вот пасхальный сейдер, вот свадьба, вот бат-мицва), вторая – трактат по эстетике. Главный герой говорит банальностями из учебника по истории искусств, не отстают от него и его антагонисты, Бакст с Малевичем. Мешает и аляповато-навязчивое мелькание громких имен, каким обычно стараются поразить воображение невзыскательного читателя авторы гламурных журналов: Нижинский, Пикассо, Гаврила Принцип – все стали ингредиентами в этой крошке. Помимо всего прочего, неприятно поражает странная для крупного писателя склонность к штампам и расхожим, чтоб не сказать обывательским представлениям о художнике: решил маленький Марк прославиться назло злым погромщикам – и прославился-таки, несмотря на все трудности и препятствия.

При чтении не оставляет ощущение, что Горенштейн просчитался и вместо романа написал сценарий художественного, но на прочной документальной основе сериала, какой вполне могли бы прокрутить по телеканалу «Культура». Слишком уж многое в книге напоминает о том, что Горенштейн по профессии был сценаристом. Может, «Аэроплан» и в самом деле задумывался под экранизацию, а потом с этим замыслом что-то не выгорело, и автор переделал его в роман? Если принять это предположение, становятся понятны многие особенности книги – нехарактерная для обычно вязкого, тягучего стиля Горенштейна простота и прозрачность языка, фрагментарность изображения, дробная нарезка сцен, особенно в начале, постоянная игра на контрасте следующих друг за другом эпизодов.

Надо признать, что некоторые монтажные стыки очень удачны, по крайней мере с точки зрения реализации поставленной Горенштейном перед собой задачи. Вот перепуганный Шагал вместе с семьей в последний момент бежит из оккупированного немцами Марселя, проклиная обезумевшую Европу. И тут же – вслед за этим – другой кадр, переносящий зрителя на три года вперед: в «Метрополитен-опера» мэтр обсуждает с почтительно внемлющими коллегами подробности декораций и костюмов к балету Стравинского «Жар-птица» – балетмейстер, дескать, сетует, что в сезон 1944 года спектакль уже не успевает, так что, «пожалуй,

откроем этим балетом сезон сорок пятого». А дальше – как расплата за эту безмятежность посреди вселенского пожара – умирает жена Шагала Белла, простудившаяся как раз по дороге домой с балетной репетиции.

Хороши и некоторые эпизоды, например живая сцена в мастерской Бакста, где подросток Шагала вместе с другими учениками ожидает появления мастера.

– Сегодня пятница, – говорит девушка, мольберт которой рядом с мольбертом Марка, – в пятницу обычно Лев Самойлович смотрит этюды. Я так волнуюсь. Я вчера показала этюд моему папе, и ему очень не понравилось. Он даже на меня рассердился. Он вообще считает занятие искусством большим грехом.

– Какое совпадение, мой папа тоже так считает, – говорит Марк.

– А кто ваш папа?

– Мой папа Захария Шагала, грузчик в селедочной лавке.

– А мой папа Лев Толстой, – говорит девушка...

В общем, симпатичный мог бы получиться сериал, жаль, что превратился в посредственную книгу. Кстати, оформлено издание репродукциями самого художника, напечатанными здесь... в черно-белом виде. Такая вот гармония формы и содержания.

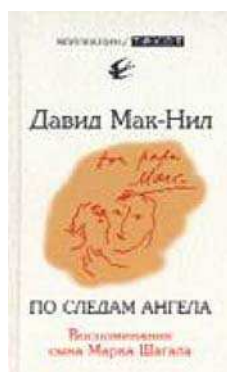
Ī ēōāēē Ÿāēēūōōāēī

АНГЕЛ, ФАВН, ЧАРЛИ ЧАПЛИН

Àààèä Î àè-Î èë

Î î ñëääà àíãëä Áîm'î èíàíèÿ ñîíà Î àðëà Øàããä

Î.: Øàéñò, 2005 - 189 с.

Давид Мак-Нил написал очень славную книгу. По-видимому, сын Шагала унаследовал от отца ту легкость и ироничность, секрет которой упорно стремился разгадать Горенштейн. Правда, на первый взгляд может показаться, что в этой книге слишком мало самого художника, что автора больше привлекают необязательные, случайные, хотя и неизменно обаятельные персонажи – соседские девчонки и мальчишки, шоферы, садовники и прочие провансальцы и калабрийцы. Но впечатление это обманчивое. Эта книга на самом деле о Шагале. Только Мак-Нил не столько рисует отца анфас, сколько передает атмосферу, самый воздух праздничности, который для него и есть Шагал.

...Шагал очень любил Матисса – до той поры, пока местный муниципалитет не назвал его именем улицу, на которой стоял дом Шагала. После этого автор «Красных рыбок» превратился для Шагала в «бойщика»...

...Садовника Шагалов выгнали после того, как выяснилось, что он за умеренную плату позволяет душеприказчикам богатых поклонников мэтра развеивать их прах в его саду...

...Хаим Сутин, снимавший в знаменитом парижском «Улье» комнату над мастерской Шагала, заканчивал картину «Бычья туша». Натурой служила купленная на бойне половина быка. Писал Сутин медленно, мясо успело протухнуть и начало зеленеть. На свежие полтуши денег у художника не было, поэтому он принес с той же бойни ведро крови и облил свою модель для придания ей свежего вида. Кровь протекла сквозь пол и закапала на Шагала, который работал нагишом, чтобы не запачкать красками единственную смену одежды. В чем был, он выскочил на улицу с криком: «Помогите, Сутина убивают!» Примчавшиеся конные жандармы обнаружили Сутина живым и невредимым, Шагал же, когда его попытались допросить, притворился, что не понимает по-французски...

Образ великого мастера соткан в книге из бытовых историй, шуток, анекдотов. И из его улыбки, для которой Мак-Нил никак не может подобрать единственное определение. Кого напоминает улыбающийся Шагал – ангела, фавна, Чеширского кота? Образ ускользает, не фиксируется, остается только загадочная улыбка. Художник превращается в чеширского кота – это сравнение в воспоминаниях сына также присутствует.

Впрочем, есть в этой смешной и веселой книге один отрицательный персонаж. Порой даже кажется, что для автора было важнее не выразить свою любовь к отцу, а свести счеты с Мадам – так называет он жену Шагала Валентину Бродскую, Ваву, появившуюся в доме после ухода Вирджинии Хаггард, матери Давида. Вава изображена злым гением мастера, женщиной жадной, недалекой, честолюбивой и, конечно, лишенной чувства юмора. Зато Мак-Нил обрушивает на нее весь свой сарказм. Получается, надо признать,

неплохо: «Она делала вид, что избегает папарацци; в ту пору почти все они были итальянцами, так что однажды я видел, как она, услышав из ванной голос Марио Ланца по радио, машинально втянула живот». Но лучше всего эпизод, когда маленький Давид придумывает для нелюбимой Мадам самую страшную пытку и, отвергнув все прочие идеи, останавливается на варианте, «чтоб ей орали прямо в уши стихи Валери голосом автора».

Но как мог солнечный художник увлечься такой скучной и непозитичной женщиной? По мнению автора, дело обстояло очень просто: Вава состояла в близком родстве с бывшими сахарозаводчиками Бродскими, Шагал же, выросший в бедной семье, был помешан на сладком. Из-за этого-то всё и произошло.

Отомстив Мадам, Мак-Нил не щадит и себя, когда вспоминает последнюю встречу с отцом. Тот шел на прогулку, Давид подвозил подругу детства Даниэль; за прошедшие годы она «стала не такой красивой, и мне не хотелось, чтобы отец подумал, будто она – моя подруга, поэтому я поскорее отъехал, даже не выйдя поцеловать его... говорят, снобизм бывает преступным – это тот самый случай...».

Ī ēōāēē Ÿāēīūōāēī

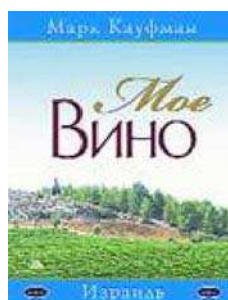
-

НЕЗАМЕЧЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Î àðé Êàòóì àí

Î îá àèíî. Êçðàèëü

Î.: Êçäàò àëüüò àí Æèãëüüëíã, 2005. – 256 с.

Издательство Жигульского, с самого начала своего существования специализируется на спиртных напитках. Точнее, на книгах про спиртные напитки. В ассортименте – исторические очерки, пособия по дегустации, альбомы и даже энциклопедии. В этом году «жигульцы» запустили новый персональный проект – книги владельца сети винных бутиков и винного эксперта Марка Кауфмана под общим названием «Мое вино». Серия открылась двумя выпусками – «Новая Зеландия» и «Израиль».

Выбор, что и говорить, неожиданный – израильские вина среди специалистов котируются традиционно невысоко. С другой стороны, эксперт уровня Кауфмана едва ли будет рисковать своей репутацией ради демонстрации национальных чувств. Решить загадку помогает сам автор, предвещающий книгу кратким вступлением: «Я занимаюсь израильскими винами уже более десяти лет. Долгое время – без особого восторга, рассматривая их дистрибуцию в Россию скорее как свой долг еврея, нежели как предмет истинного увлечения. И вдруг... произошло чудо!.. За последние годы в израильском виноделии произошли действительно революционные преобразования. На смену невыразительным коммерческим винам, покупаемым скорее из национального патриотизма и (или) в силу их кошерности, пришли вина настоящего международного класса».

Тут же выясняется, что израильское виноделие сегодня переживает настоящий бум и «поднимается на принципиально новый уровень». О том, почему это стало возможным, рассказывает архитектор израильского винного чуда, генеральный директор компании «Carmel» Дэвид Зив, интервью с которым также помещено в книге.

Впрочем, на полноценный том плодов незаметно произошедшей в Израиле революции пока, видимо, всё же не хватает. Оттого чуть ли не половину книги Кауфмана занимает популярный очерк самых разных аспектов израильской истории и современности. Рассказу о вине предшествуют пространные объяснения, чем ашкеназы отличаются от сефардов, а Пейсах от Хануки, читатель получает возможность узнать, кто такой Элиезер бен-Иеуда и в каком году Шмуэл-Йосеф Агнон получил Нобелевскую премию по литературе. Тут же описывается израильская система образования, перечисляются основные города, характеризуются кибуцы и мошавы. Должное внимание уделено вавилонскому пленению, династии Хасмонеев, крестоносцам и периоду британского мандата. Только после этого автор переходит непосредственно к истории виноделия в Эрец Исраэль и современному состоянию отрасли.

Этот раздел, не в пример первому, прописан исключительно детально и профессионально. Здесь рассматриваются климатические особенности различных районов Израиля, характеризуются растущие в каждом из них сорта винограда, наконец, перечисляются основные винодельческие хозяйства страны, объясняется их специфика, предлагается нечто вроде аннотированного рекомендательного списка лучших вин. То и дело мелькают вызывающие у дилеганта священный трепет слова «текстура», «ногты», «танины», «купаж». Проводятся сравнения с винами Тосканы и Бордо, поясняется, что для вин Галилеи характерна чернильная насыщенность. Попутно приводятся всякие забавные подробности и факты, вроде того, что винодельня мошава

Кидмат Цви в первый год размещалась в местном бомбоубежище, а некто Шломи Тзадок (видимо, всё-таки Цадок) из кибуца Нахшон в 2004 году выпустил вино «Пушкин» с узнаваемым профилем на этикетке.

Рассказ о книге был бы неполным без упоминания о роскошном полиграфическом исполнении, вообще характерном для изданий Жигульского, – альбомный формат, финская печать, большое количество иллюстраций. Жаль только, пробники не приложены.

Î eöäëë Ýäëëïö öäëí

Я У ЭТИХ, В КЕПКАХ, МАНДАРИНЫ НЕ ПОКУПАЮ

Î áðàç áðàáí: Ná. ñò àò áé

Ì.: ÎÁË, 2005. – 334 с.

Универсальная семантическая оппозиция свои–чужие или мы–враги давно уже воспринимается как базовая и самоочевидная. За прошедший век понятие чужого/другого заняло ключевое место в различных областях гуманитарного знания – от экзистенциальной философии до социальной психологии, от антропологии до лингвистики. Постепенно оно утверждается и в историографии, а некоторыми мэтрами даже выдвигается на роль перво двигателя исторического процесса. В частности, проблема свои–чужие рассматривается в рамках вопроса об отношении европейского общества к меньшинствам. Со времени второй мировой войны и в связи с Холокостом эта тема становится особенно популярной. Появляется ряд работ о преследовании меньшинств (прежде всего евреев, мусульман, еретиков и прокаженных) в Европе, утверждается преемственность между нетерпимостью XX века и Средневековья, показывается переход представлений из одной исторической эпохи в другую, что способствует дискредитации современных, в том числе эксплуатируемых нацистами, стереотипов как древних предрассудков и суеверий. Поворот европейского общества от толерантности к нетерпимости традиционно относят к рубежу XI–XII веков, Первому крестовому походу, после которого – согласно почти общепринятому взгляду – она непрерывно зрела и дозрела до Хрустальной ночи.

Сборник «Образ врага» не копает так глубоко в толщу веков. Его составитель Лев Гудков в своей вводной статье, во всех остальных отношениях очень полезной, просто отмахивается от Средневековья и даже раннего Нового времени, заявляя, что «до формирования массового общества», то есть до Французской революции, «проблематика “врага” не получала сколько-нибудь широкого распространения». Поэтому авторы концентрируются на отечественных фобиях Нового и Новейшего времени (с XVIII века по сию пору), анализируя семь образов врагов: евреев, кавказцев, масонов, поляков, французов, немцев и... соседей по коммунальной квартире, – делают они это с разной степенью полноты и оригинальности, но в целом весьма увлекательно. Сборнику можно предъявить лишь два существенных упрека: в некоторой тривиальности, особенно в раскрытии чеченской темы, и в излишнем обличительном пафосе (фразы о «параноидальном страхе» и «мутных водах чудовищных фантазий [антисемитов]» грозят превратить академическую статью в газетную, если не кухонную, полемику).

Привлекая большое число примеров, авторы обнаруживают любопытные закономерности. Так, на фоне активизации вполне реальных внешних врагов борьба с внутренними, «своими чужими», как правило, угасает, что говорит о специфических задачах конструирования внутреннего врага, которые при появлении врага внешнего решаются сами собой. Другой важный момент – зеркальность: мы представляем себе их зачастую в тех же самых негативных терминах – от зловония и заразности до сексуальной перверсивности и финансовых махинаций, – в которых они представляют нас. Ну и, наконец, из области наблюдений маргинальных: при просмотре даже тех двух десятков иллюстраций, что приведены в книге, можно сделать вывод о повышенной семиотичности носа в плакатной пропаганде...

Описанные в книге образы совершенно, казалось бы, различных врагов – от хазар до масонов, от евреев до чеченцев – включают сходные топосы и метафоры, подозрения и обвинения. И это понятно: речь идет не о преломлении в массовом сознании реальных качеств тех или иных соперников русского народа, а о фобиях, срежиссированных и внедренных разнообразными властными (в широком смысле слова) структурами

через всевозможные каналы – от проповеди до плаката, от подметных писем до телесериала. Казалось бы, для всех разумных людей это вещи самоочевидные. Но вот данные статистики: если в 1989 году лишь 13% россиян захотели обозначить каких-либо врагов страны, а почти половина самокритично заявила: «Все беды в нас самих», то в 1999–2002 годах уже 70% выражали уверенность в наличии недремлющих врагов родины и поддерживали лозунг «Россия – для русских»...

Ἰ εὐαγγέλιον ἀεί

ЗАЙЧИК И ПУСТОТА

Î àðé Çàé:-èé

À íàòàì ðáàèíá Çíà:-àùèá ýí èçíáù: Î íáñòè

Î.: Õáéñò, 2005 - 223 с.

Допустим, некий человек без всяких на то оснований решил, что литература его призвание. Допустим, он написал несколько вполне любительского уровня рассказов и повестей, которые по счастливой случайности проникли в печать. Ситуация достаточно стандартная, и заканчивается она, как правило, одинаково: книги счастливого годами пылятся на полках книжных магазинов, рецензенты их напрочь игнорируют, а доверчивый издатель подсчитывает убытки и зарекается впредь связываться с амбициозными дебютантами.

Но время от времени случается на этой развилке и неожиданный поворот. Начинающему прозаику по непонятной причине выпадает выигрышный билет – он попадает в обойму, критики предрекают ему большое будущее, в результате писатель входит во вкус и продолжает исправно поставлять на рынок всё новые и новые книги, а читатели худо-бедно эти книги раскупают.

Таков случай Марка Зайчика – бывшего ленинградца, более тридцати лет живущего в Израиле. Даже с учетом того, что русско-еврейская литература переживает сегодня не лучшие времена, этот феномен заслуживает специального рассмотрения. Проза Зайчика поражает прежде всего полным отсутствием состава: зачем приходил, что хотел сказать? Название повести «Значащие эпизоды» до такой степени не соответствует содержанию, что звучит злой иронией. На самом деле повесть состоит из фрагментов настолько необязательных, что каждый из них может быть с легкостью заменен любым другим единственно по прихоти автора. Приезжает человек в Петербург, случайно встречает там местного авторитета, с которым познакомился много лет назад в Израиле, – а большую часть времени просто вспоминает, как с женой в израильской армии познакомился... Такую прозу можно писать километрами – раньше хотя бы бумага иногда заканчивалась, а в компьютерную эпоху и вовсе никаких ограничений не осталось.

Впрочем, «Значащие эпизоды» кажутся образцом сюжетности на фоне другой повести Зайчика – «В нашем регионе». По сути, это даже не повесть, а ряд едва обработанных и наскоро сведенных в единое целое дневниковых записей. Завязка всё та же: бывший ленинградец приезжает на доисторическую родину. Вот только происходит это не в 2003-м, как в «Значащих эпизодах», а в 1990-м, повествование ведется от первого лица, и зовут героя не Борис, а Марк. Под реальными именами в повести выведены Евгений Киселев, Евгений Сабуров и Лев Аннинский, в компании которого герой подробно пьянствует в ЦДЛ, называя его почему-то Анненским. Сколько-нибудь яркие характеристики персонажей, как известных, так и не слишком, отсутствуют, бытовые зарисовки сводятся в основном к газетным штампам.

О языке Зайчика разговор особый. Прозаик пишет фразами настолько громоздкими, что ближе к концу предложения зачастую забывает, с чего начинал: «Боря не мог остановиться здесь и поговорить с дочерью, которая стала за эти годы религиозной мадам, многодетной матерью, но автомобильное и человеческое движение на этом оживленном перекрестке не позволило этого сделать, и он проехал мимо с

сожалением». Впрочем, и в тех случаях, когда с логическим согласованием дело обстоит несколько успешнее, автору никак не удастся справиться то с необходимостью введения придаточного предложения, то с расстановкой слов в правильном порядке. Русский язык вообще полон непреодолимых препятствий для прозаика с двадцатилетним стажем. Среди многочисленных примеров поражения Зайчика в неравной борьбе с родной речью попадаются подлинные шедевры. Так, фраза «братание на фоне кухни и вносимых женщинами, которых было больше мужчин, блюд продолжалось» косноязычна почти до совершенства.

Ī ēōāēē Ÿāēūōōāēī

ОПТОМ И В РОЗНИЦУ

Èã òü Áóáàðì àí

В èèðò ì îîñü ò èè í àðíáó ì î àì ó

Ì .: Ì îñò ù èóèüò óðü; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 320 с.

Самая жуткая вещь в мире – это сборник анекдотов. Прочитал один анекдот, другой, третий... После двадцатой страницы можно продолжать только по приговору суда. А моностихи Владимира Вишневого? А иронические стихотворения Игоря Иртеньева? Один смешно, два смешно, на третьем устаешь, дальше и вовсе тошно. Это вовсе не доказывает, что они плохи, просто есть жанры, которым категорически противопоказаны книжные издания: собранные под одной обложкой, их образчики резко теряют в качестве.

Правило это целиком и полностью распространяется на гарики Игоря Губермана. «Любой большой писатель русский / жалел сирот, больных и вдов, / слегка стыдясь, что это чувство / не исключает и жидов», – это шедевр. Но пять таких шедевров на одной странице – это уже пытка для читателя. Вдобавок следует учесть, что фигуры высшего пилотажа удаются автору гариков не так уж и часто, в поисках особо удачного экземпляра приходится перелистывать страницу-другую, а то и пять-семь. Немудрено, что усталый читатель зачастую не в силах разглядеть алмаз в залежах пустой породы.

Но вывод ясен, а выход – нет. Что же теперь, не издавать гарики вовсе? Отпустить их на свободу, позволить и дальше вести фольклорное существование, предсказанное автором: «В года, когда юмор хиреет, / скаясь под гласным надзором, / застольные шутки евреев / становятся местным фольклором»? Понятно, что это невозможно, тем более что никакого другого фольклора, кроме вычитанного из книг, в наше время уже не существует даже в самых глухих деревнях. Скорее, обложки подобных книг следует снабжать надписью: «Обращаться с осторожностью, читать не более трех страниц в день с перерывом на обед, варьировать дозу в соответствии с предписаниями врача и в зависимости от индивидуальной выносливости». «Камерные гарики» (то есть четверостишия, написанные до репатриации) можно принимать в большем количестве, а вот «Гарики из Иерусалима», боюсь, придется дозировать тщательнее – эмиграция явно не пошла на пользу губермановскому таланту.

Однако в новую книгу Губермана входят также две поэмы – «Обгусевшие лебеди» и «Сказка о царе Натане, или Бедный всадник» – и прозаический трактат в четырех главах «В огороде сельдерей...» Отчего же мы всё о гариках да о гариках? Поверьте, исключительно из уважения к автору. Ибо есть писатели, которые способны работать только в одном жанре. Шаг вправо, шаг влево, и остроумие, искрометность, талант, наконец, – всё исчезает, остается только чувство неловкости, да и то у читателя. Таков вышеупомянутый Владимир Вишневский, которому категорически противопоказано переходить с одностий на четверостишия, таков и Игорь Губерман. Конечно, и гарики его далеко не всегда удачны, однако по сравнению с поэмами даже самый посредственный из них кажется пределом совершенства. Если бы Эфраим Севела писал стихи – уверен, его продукция напоминала бы «Обгусевших лебедей».

Трактат, надо признаться, столь острого раздражения не вызывает. Первая его глава, «О евреях и других аномалиях», даже вполне занимательна – постольку, поскольку анекдотов, как сочиненных, так и подсмотренных у жизни, там гораздо больше, чем авторских рассуждений. В следующих разделах, однако, удельный вес рассуждений неизменно увеличивается, а параллельно у читателя нарастает чувство... не неловкости, нет, скорее недоумения. Что заставило автора повторять прописные истины о вещах, уже сто раз обсужденных и осмысленных: еврействе, национальном характере, антисемитизме и прочая, и прочая? Зачем умножать сущности и переписывать банальности? К чему этот пересказ чужих книжек и статей, вполне доступных заинтересованным читателям и в неадаптированном виде, – многостраничные выписки из Отто Вейнингера, байки из книги Роберта Рокауэя про американских гангстеров?

Увы, ответ на эти вопросы сколь очевиден, столь и печален. В жизни почти каждого массовика-затейника наступает момент, когда он теряет чувство реальности и начинает философствовать, морализировать, поучать – словом, заниматься тем, что Николай Гумилев называл «пасти народы». Результат описан еще Пушкиным в хрестоматийных строчках про пирожника и сапоги и, соответственно, сапожника и пироги.

Ī èòàèë Ýäëüòàéí

ДУШИ В УКРАИНСКОМ МЕСТЕЧКЕ...

Ḍāḏēññāḏ Ī àāāē Ēōí āēí

«Āāāī ūā ḏī āñḏ āāī í èèè»

Ḍīññēÿ-Ōḏāí öèÿ, 2005.

Новая картина одного из мэтров современного отечественного кино синтезирует традиционный популярный жанр мошеннической комедии – mistaken identity, qui pro quo, любовные интрижки, покушения на убийство, погоня за длинным долларом – с актуальными мотивами (Холокост) и топосами (постсоветская глубинка), а также с лирической струей, пробивающейся сквозь лоскутное одеяло колоритного квазикустурицевского экшна.

Фабула этого фильма такова. Аферист Эдуард (Константин Хабенский), этакий гибрид Чичикова с Остапом Бендером, взялся устроить для нескольких иностранцев встречу с их давно утраченными, а точнее – никогда не виданными родственниками из украинского захолустья. Одна загвоздка: родственников этих нет и в помине, а само местечко еще в войну было стерто с лица земли. Но благодаря природной сообразительности и благоприобретенной аморальности Эдуарда и нужде аборигенов в деньгах проблема эта легко решается: соседний городок получает на время искомое название, а несколько его жителей со своими семьями начинают играть растроганных донельзя, вновь обретенных родственников. Дальше, однако, всё оказывается не так просто. Тайное становится явным, складываются неожиданные отношения и возникают непредусмотренные сюжетные линии. Впрочем, в конце почти все счастливы, обретя пусть не родственников, зато родственные души, и только столичный циник Эдуард остается у разбитого корыта – без денег и без единственного друга.

Картина получила все главные награды сочинского «Кинотавра» – Гран-при, приз за лучший сценарий и лучшую мужскую роль, но не избежала нападков критиков, упрекающих Лунгина за то, что он продался французскому капиталу и снял лубок на экспорт, а также за то, что заявлена комедия, а несмешно. Сам же Лунгин утверждает, что хотя «французы давали деньги на мои картины, но я всё равно снимал русское кино <...> Когда ты уезжаешь за границу, тебя охватывает какой-то абсурдный патриотизм. Оттуда всё время кажется, что всё самое интересное, важное и мучительное для тебя происходит в России».

На самом деле фильм, конечно, вполне русский, точнее, постсоветский и – еврейский, отражающий ряд современных реалий. Группы евреев-иностранцев, бороздящие в своих автобусах незалежну Украину – с исследовательскими, туристскими или личными целями. Нескончаемый поиск родственников и воссоединение семей. Во всех видах муслируемая тема Холокоста... Один из лунгинских иностранцев сам прикинулся не тем родственником, украинцем, чтобы отомстить своему псевдодеду-полицаяу, погубившему его настоящую родню. Пронзительная сцена, когда местная еврейская старушка – божий одуванчик (которую играет 95-летняя французенка-эмигрантка из России Эстер Гуэтен) поет на идише своему «брату» из Америки, единственному оставшемуся родственнику – ведь «всех убили, Сёма, всех убили».

И на самом деле фильм смешной. Причем не столько за счет доминирующего грубоватого, такого российского юмора и откровенно фарсовых элементов, сколько за счет колоритнейших эпизодов с проходными персонажами. Тучный грозный градоначальник, в допотопном сюртуке и допотопной же «чайке», в надежде на обещанную мзду поджидает главного героя в тенистых уголках. Экс-директор цементного завода белокительный «товарищ Ковшиков», стоя в ковше (намеренный каламбур?) экскаватора, вразумляет разбушевавшегося алкоголика (Сергей Гармаш), своего бывшего рабочего, который от одного вида его делается кротким, как дитя. (Причем вразумляет он его, говоря: «Яша, что же о нас в Америке подумают!») Допившийся до «белки» банщик-массажист, у которого в заброшенной бане плавает с виду сом, а на самом деле первый (еще до Гагарина!) советский космонавт. Главный герой, столичный хлыщ, берет приступом недоверчивую старую деву (Наталья Коляканова) – в гамаке, подвешенном на плакучей иве над зеленой рекой, где они перед тем – гиперболизация отечественной разрухи – полоскали свои шмотки.

И всё же это не просто комедия, «Мертвые стулья» с «Двенадцатью душами», а довольно сентиментальная драма. Где все герои по-своему несчастны и одиноки и ищут не столько денег, сколько человеческого тепла. Местные «артисты» стараются не за страх, а за совесть: еврейская старушка искренне верит, что обрела брата; украинскому деду по душе пришелся «племянник», разделяющий его страсть к рыбалке; паренек в искреннем восторге от модного заграничного кузена. И «буржуи» вовсе не такие благополучные, как можно было ожидать. Американский «дядя Сёма» совершенно одинок на своей роскошной вилле и обретает в «сестре» единственного близкого человека; израильский мачо-мафиози (Леонид Каневский) – трогательный еврейский сын, более всего на свете привязанный к праху своей матери. И даже у столичной штучки Эдуарда есть свой «потерянный» родственник – сын, которого он много лет не видел, которого по-своему любит, а тот обещает ему при следующем звонке «глаз на жопу натянуть».

Такая вот у Лунгина получилась еврейская комедия про грустную жизнь.

Анна Аидо

КАРВИНГ – ЭТО РЕЗЬБА

I adē Aōēi rā

I aēai oia i nni teō i daqū eeia dāno idai I i nēl a nēiā a d d e n e i ā i a u e i i i ā o a i o d a «E i i a» i d a i i a i a i n n e i e e e a i o a i i p o i d e q d a n e e d e e i e t u a a e e o a i a d i n n o i e o e q a a b q a e i a – a a i e a o i i ā e i a e i ā, i d a i a q i a - a i i i ā a e y i d e a i a i a i e u e o a d u i. A e i d r o e e e n n e, i i i o r a e o o, a i i i e i a i i i o d i n e e i e e i e e q d a e e i n n e i a e q a e i a d a i e, e i o a d i i d i a e i ā q a e a d a a e e a e u i i i a i i a e a i.

Длинная комната-пенал, еще недавно напоминавшая унылый коридор советского учреждения, совершенно преобразилась. Дизайнеры разбили имеющуюся в их распоряжении площадь на зоны. С помощью перегородки строители отделили кухню от зоны, где находятся барная стойка и столики для посетителей. Деревянная этажерка высотой от пола до потолка, уставленная растениями в керамических вазах и берестяными изделиями, делит оставшееся помещение на две части, создавая иллюзию отдельных пространств.

Каменный пол «одет» ламинатом цвета темного дерева. Широкий плинтус и «отбивная» доска, опоясывающая стены на высоте метра от пола, покрыты тонированным лаком. Обновлена барная стойка. На потолке над нею подвешены балки, имитирующие перекрытия средневекового трактира, а декоративные решетки между фрамугами светового фонаря задают определенный зрительный ритм. На окнах с внутренней стороны появились витражи с цветочным орнаментом. В том же «растительном» стиле выдержаны новые люстры и бра. И – заключительный штрих – возле двери, ведущей в банкетный зал, медленно вращается подсвеченная витрина с пирожными.

Ремонт в малом зале ресторана – не единственное нововведение в текущем сезоне. Шеф-повар Петр Слабодник при подготовке банкетов и украшении столов широко применяет технологию, усвоенную им из средиземноморской кухни и получившую название «карвинг». У нас это сравнительно новое веяние, и Петр – один из тех, кто «продвигает» карвинг в московском ресторанном бизнесе.

Английское слово *carving* переводится как «резьба», «резная работа». Но если резьба по дереву или камню сохраняется веками, то мастер по карвингу в ресторане работает с живым материалом, фруктами и овощами. Его шедевр живет лишь несколько часов. Это произведение искусства не предназначено для музеев и грядущих поколений, оно только ваше – и больше ничье, сделано для вас и ваших друзей, пришедших в этот вечер на ваш личный праздник. Как всё живое, оно недолговечно. И в этом, если хотите, присутствует драматический момент.

При желании работу ресторатора, создающего изысканные натюрморты, которые вы видите на фотографиях, можно сравнить с акцией современного художника, перформанс которого тоже существует лишь несколько часов. Или с трудом буддийского монаха, неделями выкладывающего изображение из песка или камешков: когда оно закончено, монах сметает песок движением руки, что является иллюстрацией недолговечности, иллюзорности всего нашего материального мира...

– Никто меня не учил, – говорит Петр. – Это откуда-то из Космоса приходит: когда я со специальным ножом подхожу к тому же арбузу, я уже вижу, что можно сделать. Например, срезая больший или меньший слой арбузной кожуры, можно добиться игры оттенков белого, розового и красного. Ножи для карвинга продаются, любая хозяйка может попробовать силы и открыть в себе дар скульптора.

Но всё-таки карвинг – это для праздников. Для тех же, кто скептически отнесся к подобному занятию, публикуем внятный рецепт блюда на каждый день. На идише оно называется «картофл ин милх».

Картофель – 1 кг, масло сливочное – 50 г, луковица – 1 шт., молоко – 1 стакан, соль и перец – по вкусу.

Очищенный, вымытый картофель нарезать кружками, уложить в кастрюлю, добавить мелко нарезанную луковицу. Посолить, поперчить и залить молоком до половины уровня картофеля. Варить на слабом огне. Когда картофель будет готов, добавить сливочное масло. Выключить огонь и утеплить кастрюлю сложенным вчетверо полотенцем. Подавать на стол в горячем виде с соленьями. Приятного аппетита!

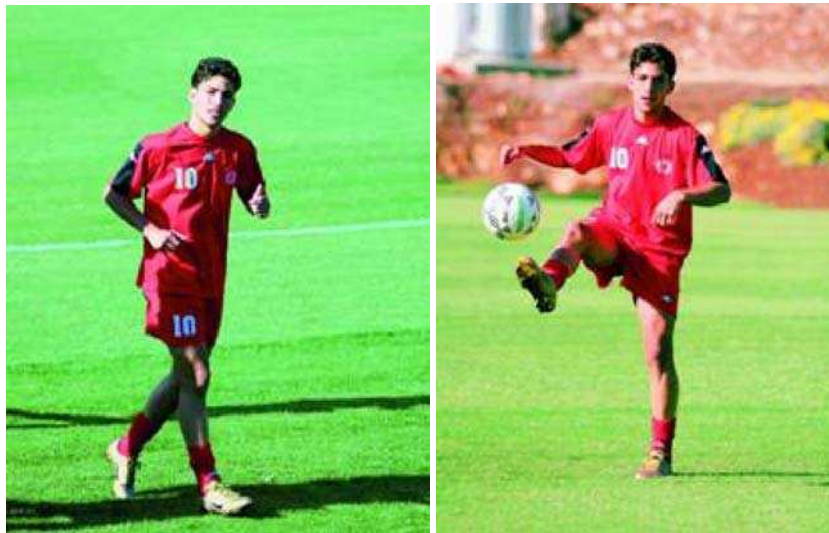
ИТАЙ ШЕХТЕР – ЧЕЛОВЕК ВЕРУЮЩИЙ

И אדם בעל אמונה

אם בעבר היינו רואים לא מעט פעם בלבד את הילדים החדשים בארץ ישראל, הרי כיום רואים את הילדים האלה באופן קבוע יותר. זהו הילד המוכשר והמבטיח ביותר בארץ, הילד שהוריו מאמינים בו יותר מכל הילדים האחרים. זהו הילד שיש לו את הפוטנציאל להיות אחד מהשחקנים הבכירים בארץ. זהו הילד שיש לו את הפוטנציאל להיות אחד מהשחקנים הבכירים בארץ. זהו הילד שיש לו את הפוטנציאל להיות אחד מהשחקנים הבכירים בארץ. זהו הילד שיש לו את הפוטנציאל להיות אחד מהשחקנים הבכירים בארץ.

И вот в последнее время в стране появились наконец несколько талантливых молодых юношей, которые обещают стать большими форвардами, настоящими голеадорами. Имена 18-летних Маора Бузагло, Тото Тамуза, Итая Шехтера, 20-летних Омера Переца и Шломи Арбитмана сегодня на устах у многих болельщиков и специалистов. Мы расскажем об Итае Шехтере, нападающем клуба Высшей израильской лиги из Верхнего Назарета.

Прошедшим летом половина клубов Высшей лиги гонялись за этим юношей в надежде заполучить его в свою команду. Популярные в Израиле и богатые, по местным стандартам, команды «Маккаби» из Тель-Авива, Хайфы, Петах-Тиквы пытались убедить талантливого парня и его отца в том, что только у них он сможет продолжить свою карьеру и дорасти до нападающего сборной страны.

Как говорит сам Итай, он очень хотел попасть в тель-авивский или хайфский клубы – это была его детская мечта. В результате же Шехтер подписал пятилетний контракт со скромной командой из Верхнего Назарета. Этот клуб предоставил юноше хорошие условия, а молодой тренер Моти Ивенир, побеседовав с Итаем, сказал, что «надо работать и работать, и тогда, может быть, что-то получится». Как ни странно, эти сдержанные слова повлияли на решение Шехтера больше, чем посулы богатых столичных клубов.

Итай благодарит Б-га за принятое летом решение. «Я попал в такое место, где могу расти и развиваться, где ко мне относятся по-отечески, где я всем доволен», – говорит солдат первого года службы Итай Шехтер.

На предсезонном сборе его будущее не выглядело в розовом цвете. В нападении тренер делал ставку на словенских легионеров – Дарко Джукича и Мислава Круглана. Шехтер, пришедший из юношеской команды «Эмек Израэль», которая только-только пробилась в Высшую лигу, был на втором плане. Трудно конкурировать игроку второй юношеской лиги со взрослыми профессиональными футболистами. Шехтер должен был быть терпеливым – и он был терпеливым человеком. В августе, после призыва в армию, ему были обеспечены возможности для тренировок, и он упорно тренировался.

Как это часто бывает, в начале сезона легионеры не смогли обеспечить своему клубу голов и побед. Ивенир рискнул выпустить на поле в игре чемпионата молодого футболиста, и тот, в первом же матче,

«показал товар лицом». На поле Шехтер выглядел зрелым, рассудительным и в то же время мощным и техничным игроком. Он сыграл в шести матчах первенства страны и забил три гола, заработал три пенальти и отдал две голевые передачи – показатели более чем достойные. Из подающего надежды юноши он вырос в крепкого, координированного, разнопланового нападающего с отличным видением поля и необычной техникой.

Сегодня Итай Шехтер – ведущий игрок своего клуба, основной форвард юношеской сборной страны, главная надежда израильского футбола в линии нападения.

Его тренер считает, что Шехтер должен был бы еще немного подождать – подальше от нервных перегрузок лидера команды. «Он должен еще немного дозреть, но с успехом трудно спорить. Моя главная задача состоит в том, чтобы держать парня в рамках сегодняшних реалий», – говорит Ивенир. Он знает, о чем идет речь, так как сам в 17 лет попал в состав тель-авивского «Маккаби».

Добавим, что Шехтер много выступал в юношеских турнирах за рубежом в составе израильской сборной. Многие тренеры-селекционеры из знаменитых европейских команд выясняли подробности об этом игроке, предлагали выгодные переходы. Очень настойчивы были тренеры итальянской «Фиорентины».

«Я всем отвечал, что с удовольствием приеду к ним, но только после того, как отслужу три года в армии. Это Израиль, и армия обязательна для всех. После этих слов селекционеры умеряли свой пыл и уходили», – рассказывает Итай.

«Все его братья служили, и он тоже обязательно отслужит весь срок, хотя понятно, что не в боевых частях. Конечно, армия в какой-то мере помешает развитию его таланта, но никто ни секунды не думал, что Итай откажется от службы», – говорит отец.

Главный тренер юношеской сборной Зеев Зельцер утверждает, что, если бы не воинский призыв, Шехтер уже сегодня играл бы в одной из европейских команд. Импресарио и тренеры из Англии, Германии, Чехии и Италии настаивали на немедленном переезде Шехтера в команды этих стран. И заветные договора остались неподписанными только лишь из-за призыва.

– По своим игровым качествам, технике, пониманию игры и физическим данным Итай уже сегодня может выступать в любом из профессиональных клубов континента, – говорит Зельцер.

А наставник Шехтера утверждает, что никогда прежде не встречал такой трудоспособности. «Дайте ему тренироваться восемь часов в день, и он будет делать это с удовольствием», – говорит Ивенир.

– У меня много недостатков, но я работаю над ними. Не стыжусь учиться. В любом случае я надеюсь на Б-га. Я – человек верующий. Без веры ничего добиться нельзя, – говорит Шехтер. Каждое утро он молится, соблюдает все главные традиции.

– Передо мной большая и тяжелая дорога, – говорит Итай, – я надеюсь ее пройти.

СИМВОЛ СВЕТА И ВЕРЫ

*25 אָבֿאָבֿוֹד יאָ יאָיאַעִיטֿע יִעִוּאַאֿע אַ יִינֿעאַאֿ מִן־פּוֹלֿיטֿעִינֿי אָדֿוּאַפּ־אַוּיִטֿאַ צאַעֿאַיִטֿעאַ
יאָיִי יִיטֿע אָיִטֿעֿע יִי אָ־אַפּ־אָעִי אַפּאַיִטֿאַ דאַאַעִיאַ מִינֿע אַאַדֿעאַ עַאַצֿאַדֿאַ, יִיזֿאַ פּוֹלֿיטֿעֿוֹי פּ־אָעֿיִעִיִאַ
יִדֿאַאַפּ־אַוּ־אַעֿיִ אָאַאַדֿאַוּעֿע אַאַדֿעֿפּֿעֿוֹ יאַיִעִי נִיִאַ עַאַאַעֿ עַאַאַאַאַ עֿ אַאַיִאָאַאַ אַיִינֿוֹי אַ מִינֿע, יאַדֿיִאַיִטֿאַ
אַדֿוּאַפּ־אַ נִיִנֿבֿ עַיִנֿעֿאַ עַיִאַעִיִאַ*

Множество евреев, несмотря на мороз, собрались в центре Москвы, чтобы присутствовать при торжественном действе у Кремлевской стены.

Открывая церемонию, глава Департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин отметил, что Ханука – самый светлый и теплый праздник в еврейском календаре. Этот праздник, сказал он, «учит нас, что не всегда то, что кажется слабым, оказывается слабым, и не всегда то, что кажется сильным, оказывается сильным. Вспомним подвиг наших родителей и дедушек, которые лет 40–50 назад тайно зажигали свечи в своих домах. А теперь хануки зажигают на центральных площадях городов. Это еще одна победа сил света над силами тьмы».

«Обычно все праздники празднуются дома, в кругу семьи, – сказал в своем приветственном слове главный раввин России. – Но Любавичский Ребе учил нас, что Ханука – особый праздник, его нужно отмечать публично. В Талмуде написано: ханукальный светильник нужно зажигать так, чтобы его было видно отовсюду... Две тысячи лет назад наш народ мирно жил в своей стране, но сирийский царь велел им поклоняться своим богам. Тогда Б-г сотворил для нас чудо Хануки. Тому, кто хранит веру в Б-га, в чудо Хануки, Всевышний обязательно поможет.

К сожалению, сегодня мы видим, что некоторые люди насильно, с помощью террора, пытаются навязать другим свою веру. Зажигание же ханукальной меноры в центре Москвы – это символ света и веры».

Председатель ФЕО СНГ Леви Леваев отметил: «Сегодня русский народ радуется вместе с нами, когда мы зажигаем ханукию возле Красной площади. Этот праздник – символ того, что наши предки выстояли и не сдались».

Мэр Москвы Юрий Лужков, обращаясь к собравшимся, подчеркнул, что Москва была и остается многонациональным городом, а традиция праздновать Хануку передается от столицы другим городам России.

Затем главный раввин России и мэр Москвы под бурные аплодисменты собравшихся зажгли ханукию. Иосиф Кобзон исполнил «Хава Нагила».

ГРОССМАН С НАМИ

Áá-áð á òááòðá «Ýðí èòáæ», í ðíýýúáííúé 100-éáòèð í èíáòáéý Ááíééý Áðííí áíá, í á-áéíý ðí ðí áéòáééý «Í ðíéáííá í èííí í». Óáéíé í úáíí ó Áðííí áíá í áò, è, áéýáý ðí ááééííá òí í á ðíáí ó, òí á òáí í úé çáé, ý í úòáéíý í ðáííòááéòú, éáé áú Áðííí áí ðááéðíáéé í á èí ðíáí èðí áéó áíí í ðí çí.

В основе «Последнего письма» глава из знаменитого романа Гроссмана «Жизнь и судьба», та, в которой школьная учительница пишет сыну о жизни сначала в оккупированном Минске, потом – в минском гетто. Письмо, переданное на волю, «за проволоку», он прочтет после ее смерти.

Режиссер – Николай Шейко, художник – Валерий Фомин. Спектакль (по сути, моноспектакль, несмотря на эпизодическое присутствие актера, обозначающего адресата письма) возник благодаря актрисе Александре Ислентьевой. Ей принадлежит не только воплощение замысла, но и сама идея поставить главу из романа на сцене. Работая над ролью, она встречалась с узниками гетто, а также с людьми, лично знавшими В. С. Гроссмана. Эта «подготовка» сказалась на рисунке роли: ее героине в мешковатой парусиновой одежде – очень из того времени – свойственна интонация, не лишенная учительской дидактики. Разговаривая с воображаемым собеседником, обращаясь в зал, А. Ислентьева с первой же минуты фиксирует зрительское внимание и не отпускает его до конца спектакля.

В ходе вечера актер Александр Филиппенко прочел рассказ «Жилица». И сценическое воплощение главы романа, и чтение рассказа наводило на мысль, что проза Гроссмана воспринимается не только со страниц книги, но и на слух. То есть он владел высшим уровнем мастерства: писать о сложном просто и внятно.

Сто лет – контрольный для писателя срок. У него три варианта. Либо его книги востребованы, их читают, они «участвуют», либо его сочинения превратились в «литпамятники», значимые лишь для истории литературы, либо третье – это когда нет ни первого, ни второго.

Выступившие на вечере писатели, литературоведы, редакторы журналов подчеркивали значение творческого наследия Гроссмана и его место в истории литературы. А я между тем подумал, что большинство выступавших – В. Войнович, В. Аксенов, главный редактор «Вопросов литературы» Л. Лазарев, Б. Сарнов, А. Турков – уже теперь были старше В. С. Гроссмана, родившегося в 1905-м и умершего в возрасте пятидесяти девяти лет...

В заключение отрывок из путевых заметок по Армении прочитал театральный режиссер и прозаик Михаил Левитин, скрипичный квартет исполнил пьесу Шостаковича.

Название этой заметки может показаться неуместной игрой слов. Однако В. С. Гроссман действительно мог и не быть с нами. Не быть в полном объеме. Его роман, как ни странно это звучит сегодня, был арестован КГБ в 1963 году и надолго стал «вещью в себе». Набор «Черной книги» (сборника материалов о преступлениях нацистов на оккупированных территориях) был уничтожен при ликвидации Еврейского антифашистского комитета в 1948-м. Публикация и того, и другого состоялась в 1980 году за пределами СССР.

Она стала возможной благодаря самоотверженности людей, десятилетия хранивших опасные рукописи и осмелившихся передать их независимым издателям. «Гроссман с нами» – это пример ненасильственного сопротивления, которое в исторической перспективе оказывается наиболее действенным.

Дочь писателя, переводчица Е. В. Короткова-Гроссман, сказала: «Читайте у него всё, им написанное, а не только главу, где спорят похожие друг на друга фашист и большевик. Больше я вам ничего не скажу».

А. Дайтц

ВОЗРОЖДЕНИЕ

יְיָ יִשְׁמַרְנוּ וְיִשְׁמַרְנוּ אֶת אֲמֵנוּ וְיִשְׁמַרְנוּ אֶת אֲמֵנוּ וְיִשְׁמַרְנוּ אֶת אֲמֵנוּ

אֲדֹנָי אֱלֹהֵינוּ

שְׂבַח אֱלֹהֵינוּ

*יְיָ יִשְׁמַרְנוּ וְיִשְׁמַרְנוּ אֶת אֲמֵנוּ וְיִשְׁמַרְנוּ אֶת אֲמֵנוּ וְיִשְׁמַרְנוּ אֶת אֲמֵנוּ
יְיָ יִשְׁמַרְנוּ וְיִשְׁמַרְנוּ אֶת אֲמֵנוּ וְיִשְׁמַרְנוּ אֶת אֲמֵנוּ וְיִשְׁמַרְנוּ אֶת אֲמֵנוּ*

Ханука связана с событиями, происходившими во II в. до н. э. Власти эллинистической империи не довольствовались тем, что лишили еврейский народ политической свободы, они взялись за полное искоренение иудаизма. В ответ вспыхнуло, казалось бы, безнадежное восстание: горстка необученных и плохо вооруженных партизан против профессиональных войск империи. Однако восставшие овладели Иерусалимом.

Для освящения оскверненного эллинами Храма необходимо было зажечь храмовый светильник – менору. Масла, которое удалось отыскать в Храме, хватало лишь на один день горения. Для приготовления новой порции масла требовалось восемь дней. Священники не стали ждать: они зажгли менору. И масло, рассчитанное на день горения, горело восемь дней.

В память об этом чуде в течение восьми вечеров праздника мы зажигаем ханукальные светильники, каждый вечер увеличивая число свечей: в первый день зажигаем первую свечу, во второй – вторую, а в восьмой вечер – последнюю, восьмую. Есть еще одна, девятая, свеча на светильнике – «служебная», она необходима для зажигания прочих, и она – не в счет.

Почему священникам нельзя было подождать? Что изменилось бы, если бы менора была зажжена неделей позже? И почему Всевышний взялся поощрять это странное нетерпение?

Чудо с маслом не произошло само по себе: у него есть контекст, оно венчает и аккумулирует в себе цепь не менее чудесных событий. Выступление против имперских войск было чистой воды безумием: у повстанцев не было и тени шанса.

Согласно еврейскому пониманию, человеческая жизнь приоритетна: для ее сохранения можно и даже нужно идти на компромиссы. Но это был как раз тот случай, когда компромисс был невозможен. Империя ничего не имела против физического существования евреев – она хотела уничтожить иудаизм, а это было равноценно уничтожению народа.

Есть такой анекдот. Плывет ночью корабль. Капитан на мостике видит по курсу движения корабля свет. Он кричит в рупор и требует, чтобы встречное судно свернуло. В ответ он слышит требование, чтобы он сам свернул. Капитан вне себя, он кричит: «Да ты знаешь, кто я такой?! Я – крейсер!» «А ты знаешь, кто я такой?! – слышит он. – Я маяк!»

Не привыкшим уступать капитаном был император; светящим во тьме маяком – еврейский народ. Так это видится сегодня. Еврейские повстанцы были легким челном перед огромной машиной. Всевышний, на Которого они уповали, превратил их в скалу, в маяк, светящий во тьме имперской ночи. Не победи они тогда, история человечества была бы иной.

В Талмуде сказано: открой Всевышнему дверцу с игольное ушко, и Он распахнет тебе огромные врата. Всевышний знает, что мы ограничены своей природой, но когда Он видит нашу веру, нашу самоотверженность, нашу готовность исполнять Его волю, Он дает нам силы совершать невозможное.

Нетерпение священников, зажегших храмовую менору, было естественным порывом навстречу Всевышнему – Он в ответ преобразил материю, наделив ее новыми свойствами.

бесплатные номера. Цель, которую поставил перед собой три года назад ВКРЕ, достигнута. Несомненно, «Золотая Ханукия» состоится и в четвертый, и в пятый, и в сотый раз.

«Dinnēy' Āadi ai ēy'»

ĀĒĀĀĪ ŪĒ DĀĀĀĒĪ DĪ NŅĒĒ ĀĀDĒ ĒĀCĀD:

Ī DĪ ŌĪ ĒĪ Ē

15 декабря в Берлине главный раввин России, являющийся также председателем раввинского совета Всемирного конгресса русскоязычного еврейства, встретился с лидерами еврейских общин Германии.

Во встрече участвовали председатели 30 общин, объединяющих около 200 тыс. русскоязычных евреев, в основном из восточногерманских земель, а также президент Европейской секции ВКРЕ Геннадий Манн, председатель правления ВКРЕ в Германии Дмитрий Фельдман, исполнительный директор ВКРЕ Валерий Энгель, члены Международной исполнительной дирекции ВКРЕ из Израиля, России, США и Германии, представители Федерации еврейских общин России, ФЕО СНГ, всемирных еврейских организаций.

Среди тем, обсуждавшихся на встрече, – необходимость сплочения русскоязычного еврейства Германии, проблемы его интеграции в мировое еврейское сообщество и другие вопросы религиозной жизни еврейской диаспоры.

В тот же день раввин Лазар присутствовал на заключительном концерте фестиваля искусств «Золотая Ханукия».

25 декабря – участие в торжественном зажигании ханукии на Манежной площади в Москве, а затем в церемонии вручения премии ФЕОР «Человек года – 5765» в ГЦКЗ «Россия».

26 декабря – визит в Ростов-на-Дону в связи с открытием после реставрации ростовской синагоги.

12 января главный раввин России вместе с руководителем Департамента общественных связей ФЕОР Борухом Гориным посетили больницы, в которых находятся раненые, пострадавшие в результате нападения на синагогу на ул. Большой Бронной, совершенного 11 января.

Отвечая на вопросы журналистов, раввин Лазар назвал «чудом» ситуацию, при которой все пострадавшие остались живы, поскольку речь шла «буквально о сантиметрах и даже миллиметрах». Он сообщил, что уже приняты дополнительные меры по усилению охраны синагоги. Говоря о нападавшем, раввин подчеркнул: это был больной человек и «хочется думать, что это всего лишь выходка».

«ŌĀĒĒĀ NŌĪ ĀNŌĀĀŌĒĀ Ī ĪĀŌŌ ĀCĪ DĀĀŌŪ NŌDĀĪ Ō»

12 yĭāāy' ā Ī ĩnēāā ā ĩdān'ōāīōdā «ĒĪŌĀDŌĀĒĪ» ĩnŌĪyēānĭ ĩdān'ēĪŌĀDĀĪŌēy' ĩnŭyāīĪāy' Īāīāāīēp Īā ĩ ĩnēīānēp ĩēĪānāā, ā ēĪŌĪDĒ ē ĩdēĪyēē Ō:ānŌēā āēāāĪ Ūē dāāāēĪ DĪNŅĒĒ ĀĀDĒ ĒĀCĀD ē dŏēĪāĪāēŌāŭĪĀīāDŌĀī āīŌā ĪāŭānŌāāĪ ĪŭŌ ĩnŭy'ēē ŌĀĪ DĀĪŌŌ ĀĪDēĪ.

«Слава Б-гу, сегодня никто не старается оставить в стороне такой случай, – сказал главный раввин России. – Мы совершенно не ожидали того, что произошло. Мы не видели в России ничего подобного».

В то же время произошедший в синагоге инцидент раввин Лазар не считает случайностью, он видит в этом закономерное следствие попустительства властей. «Возможно, нападавший действительно сумасшедший, больной, – сказал он. – Но при нормальной атмосфере в обществе этого не было бы. Он тщательно подготовился, у него дома нашли охотничьи ножи и карты синагог Москвы. У него был подробный план, он действовал намеренно».

Нападавший, по словам раввина, «хотел убивать евреев в святом месте – в синагоге. Для нас это шок. Мы видели, как рисуют свастики на синагогах, как оскверняют еврейские кладбища. Но такого не ожидали. Мы не будем молчать. Мы ждем реальных мер со стороны государства и правоохранительных органов».

Главный раввин России подчеркнул: своими силами еврейские организации не в состоянии решить все вопросы безопасности, «пока распространяются публикации и книги, идут шествия, организаторы и участники которых утверждают, что “евреи здесь не нужны”».

«От президента мы много раз слышали, что Россия – многонациональная страна, что в ней есть место для каждой нации и религии», – отметил раввин Лазар. К сожалению, сегодня, по словам раввина, «множество людей хотят дестабилизировать ситуацию в стране». Он подчеркнул, что общество ожидает от властей реальных действий и надеется, что завтрашний день принесет всем чувство уверенности.

«Была озвучена версия о том, что преступник – неуравновешенный, больной человек, – сказал журналистам Борух Горин. – Большой соблазн принять эту версию: с сумасшедшего и взятки гладки. Но даже если судебная экспертиза признает нападавшего невменяемым, всё равно это укор обществу. Ведь и нормальный подросток, если ежедневно промывать ему мозги, в 19 лет может взять в руки нож и отправиться убивать. Эта трагедия беспрецедентна для еврейской общины. Недавно убита таджикская девочка в Петербурге, произошли нападения на темнокожих студентов в Воронеже. Нельзя списать всё на сумасшедших. Такие сумасшедшие могут взорвать страну».

Главный раввин России и руководитель Департамента общественных связей ФЕОР ответили также на вопросы журналистов.

А. Аарэаётää

ÄËÄÄÏ ÛË ÐÄÄÄËÏ ÐÏ ÑÑËË ÄÄÐË ËÄÇÄÐ.

Ï ÐÏ ÕÏ ËÏ Ë

12 января встреча с начальником ГУВД г. Москвы Владимиром Прониным.

Генерал Пронин рассказал раввину Лазару о ходе следствия. Стороны обсудили возможности усиления охраны московских синагог. Федерация еврейских общин России подготовит в этой связи необходимые документы. Кроме того, в соответствии с достигнутыми договоренностями, ФЕОР и ГУВД г. Москвы создадут рабочую группу, которая будет отслеживать любые проявления ксенофобской пропаганды и деятельность экстремистских организаций, а также координировать антифашистские акции еврейской общины и милиции.

В тот же день участие в пресс-конференции агентства «Интерфакс» по поводу нападения на синагогу.

13 января встреча с министром внутренних дел Российской Федерации Рашидом Нургалиевым, прошедшая в здании МВД РФ.

«Главная идея, которую я хотел донести до министра, – опасность нравственной пустоты в обществе, ибо, как мы видим, она заполняется человеконенавистническими, чудовищными идеями», – заявил после встречи раввин Лазар.

Министр внутренних дел отметил, что нацизм, экстремизм, религиозная и расовая нетерпимость так же опасны, как терроризм, и потому бороться с ними надо так же бескомпромиссно и жестко. Он заверил главного раввина России, что реакция властей будет адекватной. В частности, будет усилена охрана объектов еврейских общин, ужесточены меры по фактам ношения холодного оружия, усилена работа по выявлению и пресечению деятельности националистических организаций. Особое внимание будет обращено на пресечение пропаганды ксенофобских идей, в том числе в Интернете.

Рашид Нургалиев также заявил: «Во всех подразделениях органов внутренних дел страны будут реализованы комплексные профилактические мероприятия, направленные на предупреждение правонарушений и преступлений в местах проведения религиозных обрядов». Министр принял решение усилить меры безопасности в тех местах, где находятся культовые учреждения.

Кроме того, МВД проведет рабочие встречи с представителями религиозных организаций, священнослужителями, на которых будут согласованы вопросы обеспечения общественного порядка и безопасности.

Главный раввин России выразил удовлетворение результатами встречи с Рашидом Нургалиевым.

ΟΑΙΒΓΙΕΑΑΟΙΔΑΑΙΑΟΡ ΙΙΙ ΙΥΥΙΙΝΟΑΑΑΑΘΕΙ ΙΟΑΙΟΕΝΑΙ ΕΘΕΣΙ Α

Οααααοεγ ααααεεο Ιαυει Βιηεε ηηαι αηοιη ηη Αηαι εδουι εηηααηηηι οηηεγυη-ηηα ααααηοαα Ιαι αααι α Ιο εδου οηηαοηι δααηαυεοδουο αηοη Ια οααεοιθεε Βιηεε.

Поначалу проект будет осуществлен в пяти городах – Москве, Екатеринбурге, Ульяновске, Новосибирске и Ростове-на-Дону. Его цель – оказание практической юридической помощи людям, пострадавшим от ксенофобии и антисемитизма.

Исполнительный директор ФЕОР и ВКРЕ Валерий Энгель рассказал, что количество жалоб на факты бытового антисемитизма со стороны членов еврейских общин, направленных в адрес руководства этих двух организаций, в последнее время существенно возросло. Необходимо предпринять меры для оказания реальной помощи пострадавшим, которая будет заключаться в проведении бесплатных юридических консультаций. При необходимости эти люди получают также юридическую поддержку в суде.

ΑΑΙ

«ΧΑΕΙΤΑΕ ΑΙ ΑΑ - 5765»

Αα-αδη 25 αααααγ α ΑΟΕϞ «Βιηεγ» Ιοηοα οηεαηοαηηαγ οααη ηηεγ αδδ-αηεγ Ιαααα Οααααοεε ααααεεο Ιαυει Βιηεε «Χαεηταε ΑΑ - 5765» - γοεια οηα Ιηηοαααηηα αηηεααηηηι αηγοααη εηεαηηοα Βιηεε, ηηγοηι ε δααεηηαοηι Αεαηδεαη Εαηοιοηι. Ααεε οααη ηηεγ Εαα Ιαηααηηα ε Αεαηα Οαη αα

Премия была учреждена в 2002 году. Награды Федерации удостоиваются люди, которые внесли реальный вклад в развитие культурной и общественной жизни страны – причем независимо от их национальности и вероисповедания. В числе лауреатов прошлых лет режиссер и актер Владимир Машков, народный артист СССР Иосиф Кобзон, народный артист России Александр Розенбаум, кинорежиссер Павел Чухрай и многие другие.

В номинации «Журналистика» премии был удостоен обозреватель Леонид Радзиховский за серию аналитических статей в российской еврейской прессе.

В номинации «Телевидение» премия присуждена автору сценария и режиссеру-постановщику документального телефильма «Тайна виленского гетто» Людмиле Вьюговой и генеральному директору ВГТРК Олегу Добродееву.

В номинации «Общественная деятельность» за руководство проектом «Энциклопедия Холокоста» премии удостоена генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. Рудомино Екатерина Гениева.

В номинации «Правозащитная деятельность» за противодействие экстремизму и ксенофобии звания «Человек года» удостоена президент Международной Хельсинкской федерации Людмила Алексеева.

За развитие духовности и традиционных еврейских ценностей в региональной общине России в номинации «Общинная жизнь» премии был удостоен председатель ростовской еврейской общины Юрий Рубинов.

За достижения в области киноискусства в номинации «Кинематография» звания «Человек года» удостоен режиссер-постановщик фильма «Бедные родственники» Павел Лунгин.

За вклад в развитие еврейского образования и общинной жизни в России награжден Евгений Швидлер – «Человек года» в номинации «Меценатство».

Премия за содействие в возрождении еврейской жизни и помощь в строительстве крупнейшего центра в регионе вручена губернатору Свердловской области Эдуарду Росселю в номинации «Региональный руководитель».

За выдающийся вклад в музыкальную культуру России и участие в культурной жизни еврейской общины звания «Человек года» в номинации «Музыка» удостоен лауреат Государственной премии саксофонист Игорь Бутман.

В номинации «Театр» за выдающийся вклад в театральное искусство России и постановку спектакля «Скрипка Ротшильда» в Московском театре юного зрителя премия была вручена режиссеру-постановщику спектакля Каме Гинкасу и главному режиссеру МТЮЗа Генриетте Яновской.

Премию в номинации «Культура» получил руководитель мужского еврейского хора Михаил Турецкий.

«Человеком-легендой» назван народный артист СССР Владимир Этуш, получивший премию в одноименной номинации.

Каждому лауреату была вручена скульптура «Скрипач на крыше», специально изготовленная израильским скульптором Франком Мейслером, и денежная премия.

В программе вечера приняли участие популярные исполнители и коллективы: Владимир Пресняков, Валерий Сюткин, ансамбль им. Александрова, хор Турецкого, детский ансамбль «Непоседа», ансамбль «Тодес», оркестр под управлением Гараяна.

יְיָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ אֱלֹהֵינוּ אֱלֵינוּ אֱלֹהֵינוּ

В день открытия сюда пришли сотни ростовских евреев. Люди говорили, что они очень соскучились по большим и веселым праздникам, субботним молитвам.

Символическую ленточку перерезали почетные гости праздника – президент ФЕО СНГ Леви Леваев, вице-губернатор Ростовской области Александр Бедрик, мэр Ростова-на-Дону Михаил Чернышев и попечитель реставрационных работ синагоги Дмитрий Мишиев.

Мезузу на косяке входной двери прикрепил главный раввин России. Слово «амен» в сотни голосов прокатилось по улице, когда раввин закончил произносить благословение. Участники праздника заняли места в зале...

«Ничто не бывает случайно», – эти слова Баал-Шем-Това несколько раз звучали из уст выступающих. И это действительно так. Открытие синагоги в дни светлого праздника Хануки было символичным: как сказал раввин Хаим Фридман, «мы не только зажигаем сегодня ханукальные меноры, освещая свой дом, свою улицу; открытием синагоги мы добавляем свет идишкайта, еврейства в Ростове».

Свечи второго дня праздника в новой двухметровой бронзовой хануки, изготовленной специально к этому торжественному дню, зажег Леви Леваев. А раввин Лазар в своем приветствии подчеркнул, что только личным, деятельным участием каждый еврей может принести благо своему народу и своей еврейской душе – так, как это делают в еврейской общине Ростова, целеустремленно идя к намеченной цели.

Слова поздравления прозвучали от руководителей местных и региональных властей, от представителей еврейской общины – ветеранов и молодежи. В зале было много детей, которые не только внимательно следили за действием, но и сами поздравили общину – стихами и песнями, трогательными словами благодарности в адрес тех, кто дает им возможность учиться в национальной школе и помогает стать настоящими евреями.

Завершились праздничные мероприятия приемом в Зале общественного собрания.

È. Øààðü àí

Ï ÐÀÑÈÄÄÍ Ò ÄÐÓÑÈÈ ÇÀÆÄÄ ØÀÍ ÓËÈÈÛÍ ÓÐ ÑÄÄ×Ó

25 декабря в Большой синагоге Тбилиси была зажжена первая свеча на ханукии. Ее зажег президент Грузии Михаил Саакашвили. В праздничной церемонии принимали участие посол Израиля в Грузии Шабтай Цур и посланник Любавичского Ребе в Грузии раввин Авраам Михелашвили.

Тысячи людей пришли в синагогу к началу праздника. Кроме представителей еврейской общины, отметить светлый праздник Хануки пришел весь бомонд грузинской столицы: министры, депутаты парламента, представители культуры. Звучали еврейские и грузинские мелодии. Затем состоялось торжественное внесение в синагогу нового свитка Торы, который преподнес в дар президент Национального Олимпийского комитета Грузии Бадри Патаркацишвили.

«Нас особенно радует, что братские отношения, сложившиеся между грузинским и еврейским народами, сегодня продолжают на уровне двух суверенных государств – Израиля и Грузии, – сказал посол Шабтай Цур. – Сегодня мы отмечаем Хануку, праздник света. И свет его виден во всей Грузии. В этой церемонии принимает участие глава государства, который никогда не скрывал своих симпатий к государству Израиль».

вручен «гет» – разводное письмо – и произведено религиозное расторжение брака. В заседании суда принимал участие главный раввин Харькова Моше Москович.

Вечером накануне заседания бейс дина раввин Азриэл Хайкин посетил недавно открывшуюся харьковскую «Ешиву гдолу». Для коллектива новой ешивы визит главного раввина Украины был событием первостепенной важности. Занятия и лекции, которые он провел со студентами, стали для них особым стимулом к дальнейшему изучению Торы и еврейских традиций. Главный раввин Украины встретился также с юными учащимися «Ешивы ктана».

Раввин Хайкин посетил предприятие «Каштан», где производят кошерные хлебцы из цельного зерна, и провел консультации по вопросам кошерования оборудования.

יְי מִיָּאָדָּעֵי יְדֵינִי נִבְּעָאֵי אֵלָאֵי יָא דֵאֵינִי אֹדָּא בְּדֵאֵי יָא

***

28 декабря, во время ханукальных торжеств, президент Украины Виктор Ющенко посетил центральную синагогу в Киеве.

Глава государства поздравил евреев с праздником Хануки. Он пообещал сделать всё возможное, чтобы представители всех национальностей и вероисповеданий страны сохраняли и развивали свои традиции, культуру, язык.

«Pro UA»

***

11 декабря в Киеве в государственном департаменте Украины по делам религий состоялась встреча главного раввина Украины Азриэла Хайкина и главы Совета Федерации еврейских общин Украины Меира Стамблера с директором департамента Игорем Бондарчуком. В беседе также участвовал первый заместитель директора департамента Николай Новиченко.

Стороны обсудили некоторые проблемы деятельности главного раввината Украины и Федерации еврейских общин Украины, а также текущие вопросы развития еврейской религиозной жизни в стране. Директор департамента по делам религий Украины заверил главного раввина страны и главу Совета ФЕО во всемерной поддержке и содействии в свободном развитии религиозной общинной жизни. На встрече обсуждалось также возвращение еврейским общинам культовых сооружений. Игорь Бондарчук пообещал тщательно рассмотреть все вопросы, касающиеся этой темы, и содействовать возвращению объектов.

Раввин Хайкин и Меир Стамблер проинформировали главу департамента и его заместителя о ханукальных вечерах в еврейских общинах Украины и о праздничных акциях главного раввината и Федерации еврейских общин.

Игорь Бондарчук тепло поздравил раввина Хайкина, Меира Стамблера и всех евреев Украины с праздником Хануки. В заключение встречи директору департамента по делам религии правительства Украины была подарена праздничная ханукия.

א. יְעִירָאֵי

***

Каждый вечер, в прайм-тайм, на крупнейших радиостанциях Украины «Радио Шарманка» и «Радио Шансон», а также на популярной киевской радиостанции «Ренессанс» в течение всех восьми дней Хануки транслировалось поздравление главного раввина Украины Азриэла Хайкина. Обращаясь к радиослушателям на украинском языке, раввин поздравлял всех жителей Украины с праздником, напоминая, сколько свечей в этот день нужно зажигать на ханукии.

Jewish.ru

Â Ĩ ÂÒÂÐÂÓÐÂÂ «ÇÂÂÇÂÛ» ÇÂÆÈÂÂÈÈ ÕÂĬ ÔÈÂËÛĬ ÛÂ ÑÂÂ×È

ÈĭĭÈÓ ÈĭÂÇĬĬ, Ĭ ÈÓÂÈÈ ÈÂĭĬÂÓÈÈÈ, ÂÈÂÈĭÂĬ ÂÐ ÐĭÇÂĬÂÂÓĬ È ÂÐÓÂÈÂ ĨĭĭÓËÛÓĬ ÛÂ ÈĭĭĭÈĭÈÓÂÈÈ ĨÓÈĭÛÈÈ Ó-ÂĬÓÈÂ Â ÈĭĭÓÂÐÓÂ ĨĭĭÛÛÂĬĬĬ ĨÓÂÇÂĬÈÈÓ ÕÂĬÓÈÈ, Â ÈÂĭĬÂĬĬ ÂĭĬÓÂÂ ĨÂÒÂÐÂÓÐÂÂ 29 ÂÂÈÂÂÓÛ, Â ÓÂÈÈÂÂ Â ÓÂÐÂĬ ĨĬÈÈ ÇÂÆÈÂĬÈÛ ÕÂĬ ÔÈÂËÛĬ ÛÓ ĭĭÂ-ÂÈ.

Яркое представление в праздник Хануки на крупнейшей сценической площадке северной столицы, вмещающей 11 тыс. зрителей, стало традиционным. Эту традицию поддерживают предприниматель и меценат Михаил Мирилашвили и режиссер-постановщик Григорий Баскин. Другой традицией стало исполнение заповеди о зажигании ханукальных свечей и чтение благословения с участием звезд российской эстрады. На этот раз им помогал координатор молодежного клуба еврейской религиозной общины Петербурга Шнеур Косенко.

Во время концерта в Ледовом дворце была объявлена акция «Тора в каждом еврейском доме»: желающие могли получить в подарок Тору.

«Ĭ ĨÓÓÂÈ-Credo.Ru»

ÂÂÐÂÈÑÈÈÈ ÂÂÓÑÈÈÈ ÑÂÂ Â ÂÇÂÐÂÂÈÂÈÂÈ ÑÈĬĬ Ĩ ĨÑÂÈÈÂ

5 ÂÂÈÂÂÓÛ Â ĨĭĭÈÈÂ ÈÐÂĭĬÛ ÑÈĭÂĬÂÂ ÈÓÂÈĭÈĭÂ ÐÂÈĬÂ ÂÇÂÐÂÂÈÂÈÂ ĨÓÈÐĭÈÛÛ ÓÈÈÈÂÈ Ó-ÂĭĬĬÂ ÈĬĬ ĨÈÂÈĬÂ «ÕÂÂÂÂ ĬÓ ÂĭĬÂÐ», ÐÂĭĬÈĭÈÂĬĬĬÂ Â ÂÂÈÓ ĬĭÂĬÈ ÂÂÓÑÈÈÈ ĭÂÂ ÂÓÂÓÐ ĨĭĭÂĬÂÓÛĬ 40 ÂÂÓÂÈ.

В торжественном открытии приняли участие представители администрации района, руководители общины горских евреев поселка Красная Слобода, депутат парламента Азербайджана Евда Абрамов, а также руководители учебного комплекса во главе с генеральным директором, раввином Меиром Бруком. Гости пожелали процветания и дальнейшего развития филиалу учебного комплекса, выражая надежду, что в будущем в поселке откроется также еврейская школа.

Выступивший на церемонии раввин Меир Брук отметил: комплекс действует благодаря помощи руководства Азербайджанской республики и лично президента Ильхама Алиева. Он подчеркнул, что президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев прилагает большие усилия, чтобы еврейские дети знали традиции и историю своего народа. В завершение праздника гости и жители поселка смогли ознакомиться с интерьером детского сада и высоко оценили работу организаторов этого филиала Ронена Йоны Якубова и его супруги Хаи Якубовой.

ÂĬĬ

Ï ðàçåããÏ ò Ñàããðàòòèè ààðàçåíèèò ïàùèí Ñòðåèè Á. Ï. Áòðèãà ààè ïèãåàíèà í à ó-àíðèà à ðàãã òà Ï ïíèãàíèãà ò ðèàòàçèíèãà ïíàà à èà-àíð àã ïàí ïã èç ïíàè.

Этот суд, предназначенный для разрешения экономических и хозяйственных споров, которые то и дело возникают в бизнес-сообществе, учрежден при Федерации защиты прав предпринимателей. Председателем Московского третейского суда избран известный правовед заслуженный юрист России Д. А. Лебедев. В составе суда – юристы высокой квалификации, известные писатели, журналисты, предприниматели.

В деловом мире нередко возникают трудноразрешимые конфликты. Отношения конфликтующих сторон порою приближаются к опасной черте, за которой так называемый спор хозяйствующих субъектов перерастает в открытое противостояние, ведущее к прямому нарушению закона. Здесь и требуется авторитетный арбитр, способный высказать непререкаемое для спорящих мнение об их правоте или неправоте, рекомендовать им разойтись с миром и подсказать, как этого мира достичь. Таким арбитром должен стать созданный при одобрении и поддержке Правительства Москвы Московский третейский суд.

Конфликтующие стороны, как правило, растрчивают в своих экономических спорах те самые материальные ресурсы, из-за которых и разгорелся сыр-бор, – финансовые средства, которые могли быть направлены на собственное развитие. Худой мир всегда лучше доброй ссоры. Его принято искать в арбитражных судах, и они выше головы завалены делами. Однако арбитражная практика показывает, что стороны во время судебных разбирательств волей-неволей вынуждены приоткрывать те стороны свой деятельности – тот «сор», который не всегда хочется «выносить из избы». Кроме того, арбитражный процесс нередко растягивается на годы. Вот почему в разрешении хозяйственных и экономических споров во всем мире всё более востребованной становится простая, прозрачная и достаточно быстрая третейская процедура.

Разумеется, конфликтующие стороны обращаются к этой процедуре добровольно. Чтобы третейский суд принял дело к рассмотрению, в их договоре должен присутствовать определенный пункт – так называемая третейская оговорка:

Любой спор, разногласие или требование, возникающее из настоящего договора (соглашения) или в связи с ним, в том числе касающееся его исполнения, нарушения, прекращения или недействительности, подлежит разрешению Московским третейским судом при региональной общественной организации «Федерация защиты прав предпринимателей» (119034, Москва, Большой Левшинский переулок, дом 12) в соответствии с его Регламентом. Применимым правом при рассмотрении спора должно быть материальное право Российской Федерации (или при внешнеэкономической сделке – право другой страны по настоящему контрагента). Решения Московского третейского суда признаются сторонами окончательными и обязательными для исполнения. Стороны подтверждают, что неисполненное добровольно в срок решение Московского третейского суда подлежит принудительному исполнению в установленном законодательством порядке.

Ï ïíèãàíèèè ò ðèàòàçèíèèè ïíà: 119034 Ï ïíèàà

Á. Èààòèííèèè ïàð, 12;

119002, Ï ïíèàà, Á. Áèàíèàíèèèè ïàð, 14;

òàè. 926-83-37, 241-64-13, òàè/òàèí 926-83-38, 241-93-40,

e-mail fedbp@mail.ru

יְאֻכַּחֵם הַיְיָ!

Дорогого, любимого **יְאֻכַּחֵם הַיְיָ אֶלְיָאָה־אֶלְעִזָּר** поздравляем с 80-летием!
Желаем здоровья, оптимизма, долгие годы активного труда.
С любовью, семья Розенцет, Китаевых

От всей души поздравляем с днем рождения **יְעֵשׂוּבֵהָ יְאֻכַּחֵם**
Желаем крепкого здоровья, счастья и удачи.
Еврейская община Курска

Еврейская община Калининграда поздравляет с 80-летним юбилеем
אִידֶמְאָה אֶלְיָאָה־אֶלְעִזָּר, участника Великой Отечественной войны, капитана I ранга, более
40 лет отдавшего службе на Военно-морском флоте Вооруженных сил страны. Желаем до 120 лет жить в добром
здравии!

Еврейская община Курска от всей души поздравляет очаровательную женщину, активного
участника еврейской жизни города **יְאֻכַּחֵם הַיְיָ אֶלְעִזָּר אֶלְיָאָה** с днем рождения.
Желаем здоровья, счастья, творческих успехов и удачи во всем.

Суражская еврейская община поздравляет всеми уважаемую **דִּבְרָה צְאֵי אֶלְיָאָה אֶלְעִזָּר** с 75-летием
со дня рождения. Желаем хорошего здоровья
и долгих лет жизни.
Совет общины

Поздравляем **עֲדוֹת אִידֶמְאָה־אֶלְעִזָּר** с 50-летием.
Желаем ему здоровья, успехов, душевного спокойствия и удачи во всех его делах.

Ἰ-αἰ ὑ οἰδῖ οἰ τὰ οὐρανῶν...

Ἄ γὰρ ἐὸ ἀέθρι τὴ νῶ αἰ αἰ ἐ

εὖ ἀέθρι ἐ μὲ γαῖαν αἰ αἰ

ὁ ἀ οἰ τῶ ἀδὰ εἰ αἰ τῶ ἐ ἐ ὑμῖ τῶ ἐ, εἰ οἰ δαῦ τὴ εὐκαίῶ Ἰ αἰ αἰ

Ἐν τῶ Ἀ αἰ αἰ

Известен исторический анекдот под названием «Как апельсины Одессу спасли». Когда в конце XVIII века в Петербурге решался вопрос, в каком месте основать порт на Черном море (в районе нынешнего Скадовска, на месте Очакова или крепости Хаджибей, где впоследствии и выросла красавица Одесса), негоцианты, облюбовавшие эти места, отправили по зимнему тракту для императрицы обоз с подарками, в числе которых были диковинные заморские фрукты. Екатерине II очень понравились апельсины, и она в 1794 году подписала рескрипт об основании города, поставив одно условие: называться он должен женским именем.

Понятно, что новый российский порт на Черном море не мог появиться ни в мелководном районе Скадовска, ни на месте открытого всем ветрам Очакова. Но одесситы восприняли эту майсу по-своему. Со времени основания города его граждане усвоили простую вещь: надеяться всегда и во всем нужно только на себя. И в этом состояло коренное отличие одесситов от жителей «материковой» России, постоянно уповающих на государство, царя, президента, губернатора, мэра, депутатов и т. д. Здесь всё по-иному. Складывается впечатление, что самой предпочтительной формулой взаимоотношений одесского населения с властью предержащими является следующая: «Мы вас выбрали (или нам вас назначили), а вы нас за это не трогайте – мы тогда вам еще и денег дадим».

Карнавал, мистерия – это южная, приморская стихия. В Одессе любое мероприятие, где собирается «почтеннейшая публика», воспринимается как шоу. Посмотрите, как смачно пишет об этом Бабель. В его описании даже похороны становятся пышным действием, какого «Одесса еще не видела, а мир не увидит»: «Городовые в этот день надели нитяные перчатки. В синагогах, увитых зеленью и открытых настежь, горело электричество. На белых лошадях, запряженных в колесницу, качались черные плюмажи. Шестьдесят певчих шли впереди процессии. Певчие были мальчиками, но пели они женскими голосами. Почетные молочницы с Бугаевки, завороченные в оранжевые шали, топали ногами, как жандармы на параде в табельный день. От их широких бедер шел запах моря и молока. И позади всех плелись служащие Рувима Тартаковского. Их было сто человек, или двести, или две тысячи».

Наверное, именно за карнавальную стихию творческие люди всегда так любили этот город. Во всяком случае, в XIX–XX веках в Одессе побывали (жили, родились...) практически все известные писатели (зайдите в Одесский литературный музей – убедитесь!). Кроме Достоевского. Ему не повезло, а читателю – таки да, как говорят в Одессе. Иначе Федор Михайлович, побывав на этом празднике жизни, не смог бы написать того, что написал, – с такой трагедийной пронзительностью.

В Одессе все сплошь философы. Жизнь заставляет: можешь – живи «со вкусом», нет – относись ко всему философски. Как сказали бы в Москве, «не надо париться». В Одессе говорят по-другому: «Дайте покой мозгам!» И еще: «Не бывает невыносимых людей – бывают узкие двери».

Одесса – это мишура и блеск, наряженные детишки (здесь традиционный еврейский культ детей) и совершенно потрясающие девушки! Бесчисленное количество кровей, замешенных на воздухе свободы и предпринимательства под южным солнцем у теплого моря, дали поразительный эффект – действительно огромное количество красавиц! Помните? «Женщины Одессы – все скромны, все поэтессы, все умны, а в крайнем случае красивы»!

То, что в Одессе половина населения – евреи, уже как-то неприлично повторять. «А кто остальные? – А остальные – еврейки!» Это из анекдота. На самом деле остальные тоже в основном приличные люди. А евреи из Одессы постоянно уезжали и уезжают – и в конце века XIX-го, и в начале XX-го, и в 1920-х годах... Вспомним Бориса Пильняка: «В порт-Одесса у потемкинского мола стоял пароход под флагом Союза Социалистических Республик... В полдень стали грузить переселенцев... Это были палубные пассажиры, их было пятьсот человек, – это были евреи, едущие в Палестину, едущие на родину, где не были две тысячи лет». Это в 1920-х. А уж в 1980–1990 годах из Одессы уехали, казалось бы, все евреи (прихватив с собой и не вполне еврейских родственников) – в Израиль, США, Германию, Австралию, Аргентину, Канаду... На худой конец – в Москву. Что ж, рыба ищет, где глубже, а евреи...

Подготовка началась загодя, еще в 1970-х. «Немецкая волна» и «Голос Америки» были слышны из каждой подворотни, а одесский фольклор фиксировал разные стадии этого процесса: «Я не знаю, о чем вы говорите, но ехать надо», – говорит, подходя к двум беседующим одесситам, третий. Это тоже анекдот. Но и в жизни всё было очень похоже. В 1990-х появился другой анекдот. Предпоследний одессит говорит последнему: «Моня, когда будешь улетать, не забудь в аэропорту выключить свет...»

Но свет в аэропорту, пусть и с перебоями, продолжал гореть. А «занавес» открылся и в противоположную сторону – сейчас, например, каждую неделю из Израиля в Одессу и обратно прилетает несколько самолетов, ходит теплоход... И оставшихся в Одессе евреев сегодня вполне хватает на две синагоги, различные культурные центры, десятки еврейских учебных заведений, кошерные рестораны, Музей истории евреев Одессы и многое другое. В начале XXI века про «ехать надо» уже никто громко не говорит. Кто хочет – тихо уезжает. И героями сегодняшних анекдотов всё чаще становятся не одесские евреи, а израильские одесситы. А оставшиеся в Одессе пока что возрождают идишкайт...

Так где же эта атмосфера легкости и ясности, которая окружает Одессу и о которой писал Бабель? Существует ли она, или это очередной одесский миф? И что это за «невыносимая легкость» такая, от которой все почему-то бегут?

Наверное, легкость эта не только в самой Одессе и во всем, что ее окружает. Легкость эта присуща одесситам – было бы странно, если б это было не так, ведь именно ими создавался этот чудесный город! И одесситы невероятно (однако не «невыносимо») легки, в том числе на подъем. Ведь это одесситы Ильф и Петров писали про «музу дальних странствий»...

...На въезде в город – пост ГАИ (по-украински – ДАИ), и гаишник пытается содрать с въезжающих на машинах с иногородними номерами по 10 гривен (60 рублей). На вопрос о причине поборов объясняет: «Так это ж курортный сбор!» На резонное замечание о том, что курортный сезон уже закончился, искренне удивляется: «Так в Одессе ж всегда сезон!» Но денег после краткого препирательства всё же не берет...

Одесса не живет от сезона до сезона, она не похожа на другие южные города и мало зависит от курортников. И хотя времена «порто-франко» прошли, дух Одессы жив – она продолжает быть столь же вольной и независимой, как прежде. Хотя говорят, что погода в Одессе слегка испортилась, – а всё потому, что уехали евреи, которые ее делали...

Одесса – город парадоксов. Бабель писал: «В Одессе очень бедное, многочисленное и страдающее еврейское гетто, очень самодовольная буржуазия и очень черносотенная городская дума». Да, в этом смысле легкость Одессы была весьма относительной. Город, в котором легко жить, город, многонациональность которого предполагала толерантность, религиозную и национальную терпимость, стал «родиной» еврейских погромов на территории Российской империи!

Их «репетиция» началась давно: погромы случались в Одессе и в 1859, и в 1871 годах. Но самые страшные – 1881 и 1905 годов. Именно события 1881 года потрясли Леона (Иеуду-Лейбу) Пинскера, заставили его обратиться к сионизму, способствовали зарождению в Одессе движения «Хибат Цион» («Любовь к Сиону»), созданию кружков «Ховевей Цион» («Любящие Сион» или «Ревнителю Сиона»), выдвинули еще одну крупную фигуру этого движения – Моше-Лейбу Лилиенблюма. Погромы 1903 года в Кишиневе и 1905 года в Одессе «сделали» сионистами Дизенгофа, Жаботинского, Ахад ха-Ама.

Признавали, что в XIX веке Одесса стала одним из главных центров идишской культуры – 99% одесских евреев знали идиш, здесь выходило много газет, книг, работали типографии, театры. «Но, – говорили скептики, – это из-за того, что здесь не знают иврит!» Впрочем, именно здесь творил «дедушка еврейской литературы» Менделе Мойхер-Сфорим, поэт Саул Черниховский, Ахад ха-Ам (он же Ашер-Гирш Гинцберг), здесь жил автор истории еврейского народа Шимон Дубнов.

Что было бы с евреями без Одессы? Что было бы с Одессой без евреев? Вопросы риторические...

Классик еврейской литературы Шолом-Алейхем (Шолом Рабинович, 1859–1916) жил и творил в Одессе в начале 1890-х, сотрудничал в «Одесском листке», «Одесских новостях» и других изданиях, общался с представителями интеллектуальной элиты города.

Улица Еврейская, дом 1. Здесь в молодые годы жил Владимир (Зеев) Жаботинский (1880–1940) – идеолог сионизма и борец за создание еврейского государства в Палестине, возглавивший вместе с Иосифом Трумпельдором еврейский легион, организатор отрядов самообороны и создатель «Бейтара». Выдающийся писатель, драматург, журналист, поэт и переводчик, любящий сын этого города, воспевавший Одессу на страницах романа «Пятеро» (1936): «Вероятно, уж никогда не видать мне Одессы. Жаль, я ее люблю. К России был равнодушен даже в молодости: помню, всегда нервничал от радости, уезжая за границу, и возвращался нехотя. Но Одесса – другое дело: подбывая к Раздельной, я уже начинал ликующе волноваться».

Автор поэмы «Сказание о погроме» Хаим-Нахман Бялик (1873– 1934) перебрался в Одессу в 1899 году, преподавал в хедере, сотрудничал с редакциями журналов, издавался на иврите, идише и русском, был одним из основателей издательства «Мория», выпускавшего литературу на иврите. Участник сионистских конгрессов. В начале 1920-х он покидает СССР и перебирается в Европу, а затем в Эрец Исраэль. Бялик был сотрудником Союза еврейских писателей, Еврейского университета в Иерусалиме, Художественного музея в Тель-Авиве.

Меир Дизенгоф (1861–1936) – будущий мэр Тель-Авива, обосновался в Одессе с 1885 года. В 25 лет включился в национальное движение «Ховевей Цион». Уехал в Эрец Исраэль, где создал первую рабочую организацию, но потом вновь вернулся в Одессу и жил здесь с 1897 по 1905 год. После кишиневского погрома Дизенгоф вместе с Жаботинским формировал отряды еврейской самообороны. Был делегатом от Одессы на Пятом и Шестом сионистских конгрессах. В 1905 году снова вернулся в Эрец Исраэль, в 1909-м основал

еврейский квартал Ахузат-Баит близ Яффы, из которого и развился впоследствии Тель-Авив. В 1911 году он был избран главой комитета этого квартала, в 1921-м – мэром нового города. В этой должности Дизенгоф пребывал до конца жизни, и центральная улица Тель-Авива носит его имя.

В XIX веке Одессу сравнивали – не больше и не меньше – с Парижем. Что ж, по красоте зданий, «стильности», достоинствам архитектуры она наверняка войдет в первую десятку городов мира. «В чем-то Одесса даже лучше Парижа, – скажет одессит. – Здесь есть море, а в Париже нету, Одесский оперный шикарнее Гранд-Опера, а Пале-Рояль – ну так он есть и в Одессе!»

Одессу называли Южной Пальмирой, русским Чикаго, сравнивали с Марселем и Толедо. А еще в начале XX века ей дали имя «Врата Сиона». Позже, уже после войны, шутили, что «Одесса – это тот же Тель-Авив, но только в степях Украины»...

В разговоре «за Одессу» все одесситы жуткие хвастуны. Здесь говорят, что одессит – это не место рождения или жительства, а диагноз. Подтверждается это следующими соображениями: названия многих воспалительных заболеваний заканчиваются на «-ит» (бронхит, тонзиллит, гастрит), так вот, одессит – из той же серии. Да, одесский патриотизм действительно принимает иногда какие-то болезненные формы...

Одесса соткана из мифов. Анекдоты, майсы и хохмы вплетаются в действительность, и подчас вымысел неотличим от правды. Одесситы не очень-то и стараются отделить плоды своих фантазий от суровых реалий жизни, да еще намеренно всё пугают: то устанавливают памятники... «Двенадцатому стулу», «Джинсовому Дюку», «Сашке-музыканту», «Рабиновичу – герою анекдотов», то вешают мемориальные доски – например, на доме, где «с 31 марта по 1 апреля 1932 года работал управдом ОСТАП-Сулеман-Берта-Мария-БЕНДЕР-бей». Странные люди эти одесситы! Они по-прежнему говорят «слушайте сюда» и «перестаньте сказать»...

Евреи Одессы никогда не чувствовали себя национальным меньшинством – «лицами еврейской национальности». Поэтому они были лишены тех комплексов, которые свойственны евреям большей части Империи Российской. Одесский еврей больше похож на еврея из США, чем из Киева или Бердичева. Ведь это здесь придумали шутку: «Москва, конечно, первый город, но и Одесса таки тоже не второй». В этой присказке – основа одесской еврейской психологии, самоощущения, если хотите, самоидентификации. И эта «одесская логика» работает железно. По «американскому пути» одесские евреи и двигались: сначала проходили период первоначального накопления капитала, потом понимали, что, кроме капитала, есть еще кое-какие ценности, вспоминали о душе, строили синагогу и возрождали религиозную жизнь...

В финале романа «Пятеро» В. Жаботинский писал: «В детстве моем еще лесом, бывало, торчали трубы и мачты во всех гаванях, когда Одесса была царицей; потом стало жиже, много жиже, но я хочу так, как было в детстве: лес, и повсюду уже перекликаются матросы, лодчонки, грузчики, и если бы можно было услышать, услышал бы лучшую песню человечества: сто языков».

Те времена, когда Одесса была Царицей – мировым экспортером зерна, крупным «денежным мешком» Европы, главным портом Империи, – давно прошли. Долгие десятилетия ей хронически не везло. Прежде всего, конечно, с советской властью, которая Одессу не любила, не очень-то это скрывала и откровенно грабила. Были и другие невезения – и до, и после Советов: чума, холера, война, блокада, Холокост... Но в последние годы фортуна вновь повернулась лицом к Одессе. Главное везение, может быть, в том, что «у руля» вновь встал городской голова Эдуард Гурвиц.

Ведь, хотя одесситы очень требовательны, им легко угодить: надо только любить их любимую Одессу! По этим параметрам Эдуард Иосифович их вполне удовлетворил. При этом новый-старый мэр вполне

вписался в «оранжевый» расклад и даже примирил одесситов с «Ю-краиной» Ющенко (несмотря на то, что изначально они, как весь юг и восток страны, были естественными сторонниками Януковича и «Я-краины»).

Второй фактор «везения» – одесские раввины. Это замечательный рав Ишая Гиссер, трудившийся здесь не покладая рук до 1998 года над искоренением тяжелого наследия советского режима. Пожилые одесситы отлично помнят старую синагогу на Пересыпи, новенькую мацепекарню, очереди за мацой перед Пейсахом и мудрого реб Ишаю... К несчастью, старая синагога рухнула. К счастью, никто при этом не пострадал. В конце 1990-х рав Гиссер уехал в Эрец Исраэл, передав одесскую паству в крепкие руки молодого раввина Авроома Вольфа.

Рассказывает раввин Авроом Вольф: «У меня сохранился брачный документ – ктуба, которую мне передал дедушка моей жены. Ему 90 лет, он живет в Израиле. Он мне ее отдал, потому что ему эта ктуба, к сожалению, уже не нужна – его жена умерла. Там написано, что “женятся Мордехай и Нехам-Лея, дочь Зуся Фридмана”. И что “то-то и то-то она принесла из дома своего папы” – это значит, что в то время отца уже не было в живых. Это живая история! Так вот, Зуся Фридман был раввином этой самой синагоги в Одессе на улице Осипова. Моя жена Хая-Мириам родилась в 1972 году, она – его правнучка. В 1994 году я приехал в Херсон, а в 1998 году, когда отсюда уехал раввин Ишая Гиссер, я переехал в Одессу и стал раввином в этой синагоге. Так получилось, что Б-г вернул нас на то самое место, где служил прадедушка моей жены Зуся Фридман. Кто верит в Б-га, тот понимает, что всё – в руках Всевышнего».

עֵי טוֹבִימֵי לְאִמֵּי יְאֵבֵבָה לְאֵבֵבָה לְאֵבֵבָה

У раввина Вольфа – большое «хозяйство»: синагога на улице Осипова, уникальный комплекс «Хабад Ор Авнер». Кроме того, рав Авроом опекает хедер и два интерната – для мальчиков и для девочек. Так что одесская община «Хабад-Любавич» день ото дня растет, причем иногда не совсем «традиционным способом».

Вацаддэі ў нэіааа і а Іааааіе.

Кроме шуток (хоть это так трудно в Одессе!), община действительно растет. На Шабос синагога уже с трудом вмещает всех желающих, поэтому рав Вольф начал перестройку – перенесли вход, расширяют само здание. В Арон Койдеш – уже четыре свитка Торы. Появляется всё больше разнообразных кошерных продуктов (слава Б-гу, на Украине выпускают несколько сотен их наименований, вплоть до кошерных мороженого, горчицы и хрена).

Нэіааа і а дддд І нэіаа

Появляются новые добрые традиции, например, совместное празднование Лаг ба-омер общинами трех самых крупных городов региона – Одессы, Николаева и Херсона. Выпускают газету «Шомрей Шабос», развивают общинные программы для всех возрастных категорий – от самых маленьких до людей почтенного возраста. На берегу Черного моря регулярно организуют детские и семейные лагеря, семинары для молодежи, в «Хабад Ор Авнер» проводят открытые уроки и семинары для преподавателей еврейских школ СНГ. Еврейская мысль не иссякает, а напротив, фонтанирует новыми идеями. Как ей и положено. Тем более в Одессе!

Daááí Áááíí Áíéúó.

В учебно-воспитательное объединение «Хабад Ор Авнер» в Одессе входят пять подразделений в разных районах города – детские сады, младшие, средние и старшая школы, а также два филиала, в Измаиле и Белгороде-Днестровском. В одесском комплексе «Ор Авнер» обучаются более 600 детей. Руководит учебным заведением Я. Е. Шостак. Материал об этом образовательном комплексе см. в № 11 «Лехаима» за 2005 год.

È. Èááíáéí

ÈÑÒÌ ÐÈ × ÁÑÊÀß ÑÌ ÐÀÁÊÀ

Новороссийский край сыграл огромную роль в еврейской истории, центр которой из Польши и Литвы в XVII–XVIII веках перемещается именно сюда. Одесса, основанная в 1794 году по приказу Екатерины II, занимает важнейшее место в судьбах евреев. Однако, по предположениям историков, евреи из Польши и Литвы, торговавшие солью, могли появиться здесь уже начиная с 1540 года.

В 1789 году, до взятия русскими войсками турецкой крепости Хаджибей, здесь проживало шесть евреев. После перехода крепости к России начался быстрый рост населения. В 1795 году в Одессе проживало 246 евреев-переселенцев, были основаны «Хевра Кадиша» и «Талмуд Тора». В 1798 году образовалась община, была построена синагога (первым раввином Одессы был И. Рабинович). Около 1800 года была открыта еврейская больница на шесть коек. В первой половине XIX века происходил быстрый рост численности еврейского населения Одессы: в середине 1840-х годов – около 12 тыс., в 1855 году – 17 тыс. В 1826 году в Одессе была открыта общеобразовательная школа с преподаванием еврейских предметов. В 1840 году была открыта первая в России хоральная синагога (Бродская), кантором которой был Н. Блюменталь.

По переписи 1897 года в Одессе проживало 138 935 евреев. Основными их занятиями были торговля и ремесла. В 1910 году из 55 торговых компаний-экспортеров зерна 46 принадлежали евреям; евреи преобладали и в мелкой торговле (56% лавочек); 63% городских ремесленников были евреями; все 59 мастерских по пошиву женской одежды принадлежали евреям. В 1910-м евреям принадлежало 155 фабрично-заводских предприятий.

Одесса была первым городом России, где евреи подверглись погромам (1821 и 1859 годы), вызванным торгово-экономической конкуренцией греческого и еврейского населения. В 1871, 1881 и 1886 годах в Одессе вновь произошли погромы. Во время погрома 1881 года активно действовала еврейская самооборона, большинство участников которой были студентами Новороссийского университета. Погромы и усиливающийся антисемитизм в русском обществе привели к усилению сионистских тенденций. В 1882 году в Одессу из Харькова переместился центр организации «Билу», действовали группы «Ховевей Цион»; в 1889–1893 годах здесь находилось руководство ордена «Бней Моше», работала единственная официально зарегистрированная в России сионистская организация «Одесский комитет». Активной была и религиозная жизнь одесского еврейства. Действовали обычные и реформированные хедеры: в 1910 году в 200 хедерах обучалось около 5000 учащихся, в трех «Талмуд Торах» – 630. В 1905 году Р. Х. Черновиц основал в Одессе ишиву, преобразованную в высшую школу иудаизма.

В мае 1860 года в Одессе начал издаваться первый еврейский журнал на русском языке «Рассвет». С 1861-го выходил журнал «Сион» под редакцией Л. Пинскера, д-ра Соловейчика, Н. Бернштейна. Следующим русско-еврейским изданием стала ежедневная газета «День». В 1891–1895 годах издавались сборники «Пардес», проповедовавшие идеи духовного сионизма.

В конце XIX – начале XX века Одесса стала крупным еврейским литературным центром. Здесь жили М. Бен-Амми, Ахад ха-Ам, С. Дубнов, В. Жаботинский, И. Клаузнер, М. Мойхер-Сфорим, С. Фруг, Ш. Черниковский и др. Значительный вклад в развитие науки, русской литературы, искусства внесли евреи Одессы: врач В. Хавкин, профессора математики В. Каган и С. Шатуновский, художник Л. Пастернак; писатели С. Юшкевич, А. Кипен, Л. Кармен, скрипач и педагог П. Столярский. С Одессой связана деятельность И. Бабеля, Э. Багрицкого, С. Гехта, В. Инбер, И. Ильфа, Л. Славина.

В 1902 году в Одессе был организован кружок «Поалей Цион», а затем образована социал-демократическая партия «Поалей Цион». После Февральской революции в городе действовали организации различных еврейских партий – сионисты, Бунд, Социалистическая еврейская рабочая партия и др. 18–20 октября 1905 года в Одессе произошел самый кровавый погром за всю историю города: было убито около 400 евреев, 50 тыс. остались без крова.

С установлением советской власти прекратилась издательская и культурная деятельность на языке иврит, началось наступление на сионизм. В 1920-х годах многие евреи были арестованы по обвинению в сионистской деятельности. Почти до конца 1930-х Одесса была крупным центром советской культуры на языке идиш, который был основным языком также во многих государственных учреждениях. В городе было много еврейских школ, в университете открылся факультет языка идиш, работали еврейский педагогический техникум и библиотеки, еврейская совпартшкола, музей Менделе Мойхер-Сфорима. В 1935 году был открыт Одесский еврейский театр. Но постепенно деятельность культурных учреждений на идише была свернута.

5 августа – 16 октября 1941 года многие евреи принимали активное участие в обороне Одессы, одним из руководителей которой был Н. Гуревич. К 16 октября, дню оккупации Одессы немецко-румынскими войсками, в городе находилось около 100 тыс. евреев. 16–18 октября были убиты несколько тысяч евреев. 22 октября, в ответ на взрыв здания румынской комендатуры, было убито еще около 5 тыс. человек, большинство из которых были евреи. Тысячи евреев были согнаны в пригородное село Дальник, там часть из них расстреляли в противотанковом рву, а часть сожгли и расстреляли в бараках. Арестованные в первые дни оккупации были согнаны в артиллерийские склады на Люстдорфской дороге, в которых были сожжены около 28 тыс. человек. В начале ноября началась массовая высылка евреев из города в Доманевский район Одесской области. Большинство евреев пешком, партиями по 2–5 тыс. человек, было отправлено в Богдановку; многие погибли в пути. К середине декабря в Богдановке собрали около 55 тыс. евреев. С 20 декабря 1941-го по 15 января 1942 года все евреи в Богдановке были расстреляны командой эйнзацгруппен, румынскими солдатами, украинскими полицейскими и немцами-колонистами. Тысячи были убиты в других населенных пунктах Доманевского района.

10 января 1942 года был опубликован приказ румынских властей о создании гетто в пригороде Одессы Слободка. Евреи жили там в условиях невероятной скученности, ночевали под открытым небом, что приводило к массовой смертности. С 14 января по 20 февраля 1942 года евреев депортировали в Березовский район Одесской области, многие погибли в дороге. До освобождения дожили лишь около 600 обитателей гетто.

После возвращения эвакуированных Одесса вновь стала одним из крупных еврейских центров СССР. По переписи 1970 года в городах Одесской области проживало 117 223 еврея. Во время антисемитской кампании, начавшейся в 1948 году, в Одессе были ликвидированы остатки идишитской культуры, многие евреи были уволены с работы, некоторые арестованы. В 1950–1960-х годах в одесских газетах неоднократно

проводились кампании за закрытие единственной в городе синагоги. С конца 1960-х евреи Одессы участвовали в борьбе за право выезда в Израиль. Несколько активистов в 1971–1985 годах были приговорены к различным срокам заключения. С середины 1980-х годов в Одессе начала возрождаться еврейская религиозная и общественно-культурная жизнь.

ÁÁËÀ ÁÁÍËÍÁÑËËÀ, ÑÁÍ ÁËÍÛÀ...

Íááááí á Íáááí, íà Ëðíòáíðòðéé áíðíá, 27, íà ðíðá ðòáðíò ðíðíòáíò ðéááíá, áúé ðéðíò ðí áí ðéáé. Çááíí 19 ðéðýáðý 1941 áááá ðééòáíðáí è áúéé çáæéáí ðáæááíú è ðáííððáéýíú ðí-òé 28 òúí ðí èðíúò áðáæááí Íáááíí - á áíéúòéíðòáá ðáíáí ááðáé, à ðáéæáá áíáíííéáííúá, ðí ðýéé è ðéááòú. Ááóòí áòðíáíé çíáé ðéíðáé («ðáííá-áííáý») íááááá çáççáá Áááéáá è íááíéííí íà óéðáéííéíí è èáðéòá, áéáíýúáý: «Á íáíýòú ðáííððáéýíúò è ðáæááíúò ááðáá 1941-1944») áíçááéáé íà ðíæáððáíááíéý æéðáéé Íáááíí è ðíðíúò ðíðáíéçáðéé. Íáéáíéáá ááíí ðð éáí ðó á ðáçááí éá éíí ðéáéíí, ðí ðíáúáíéýí ÑÍË, áí áíéí ðééíáíáíòáí ááí éá «Í éáááí íúé» («Ðáéíúé»).

Создание мемориала не единственная акция, в которой участвует банк «Пивденный» и председатель его правления Вадим Мороховский. За помощь детям-инвалидам, ветеранам войны, ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС Вадим Мороховский неоднократно отмечен благодарностями и почетными наградами. Банк активно занимается благотворительностью, участвует в увековечении памяти жертв Холокоста, во многих добрых делах и, что немаловажно, в любую минуту готов прийти на помощь одесской общине Хабад-Любавич.

Банк «Пивденный», который недавно справил своеобразную бар-мицу (ему исполнилось 13 лет), входит в группу крупнейших банков страны, имеет 70 подразделений на ее территории и является лидером среди банков Юга Украины. Вадим Мороховский считает, что основа успехов – то, что банк работает не как механическая система, а как живой организм: «Душа банка – люди, его коллектив. В нем должна быть теплая, дружеская атмосфера. Это, в свою очередь, обеспечивает высокое качество обслуживания, – рассказывает председатель правления банка. – Другая составляющая успеха – ориентация на физических лиц, широкий спектр услуг, которые способны удовлетворить самых требовательных клиентов. Особое внимание – пенсионерам, ветеранам. Для нашего банка клиент – не просто номер счета. Это личность, которой надо уделить столько времени, сколько требуется для близкого человека. И, благодаря такому подходу, наши клиенты чувствуют себя единой семьей с нашим банком».

Еще одна семья Мороховского – это одесская еврейская община.

Вадим Викторович вспоминает: «Начиналось всё в детстве, с еврейской гордости: еще в советское время среди народных депутатов, работников науки, искусства искали – вот, это “наши люди”! Но это было

далеко от религии. В 1983–1984 годах появилась возможность читать Тору, и это был первый толчок, оставивший глубокий след. Хотя ходили мы в синагогу всегда – покупали мацу, отмечали праздники.

Когда заболел отец, религия стала для меня очень важной составляющей и с тех пор окончательно утвердилась в моей жизни. Не говоря уже о том, чтобы каждый день тфилин надеть, каждую субботу прийти в синагогу. Главное – состояние мира, которое при этом ощущаешь. Это я пытаюсь передать моим детям.

Если говорить о сегодняшней еврейской Одессе, то, безусловно, Леви Леваев показал пример одесситам, как надо помогать общине. И то, что сегодня община растет, существует большая школа, интернат, родители стараются дать детям традиционное еврейское образование, по городу ходят и в кипе, и в талисе, – это воспринимается как должное, – всё это очень значимо.

Я недавно был в Испании, в Толедо – городе, в котором когда-то мирно и спокойно жили три народа – испанцы, арабы и евреи. И я считаю, что Одесса – своеобразный восточный Толедо. Это очень интернациональный город. Конечно, огромное количество одесситов уехали отсюда, “вымыло” целый пласт, и это большая потеря для города, грустно, что они не в Одессе. Но, несмотря на то что это произошло, наша задача сегодня в том, чтобы Одесса не потеряла свою уникальность, чтобы город процветал и служил примером. Это должны делать наши дети, новые поколения одесситов. И не последнюю роль в этом играет наша община, которая показывает пример, как надо воспитывать детей и сохранять свою уникальность.

С раввином Авроомом Вольфом нам очень повезло. У нас такой молодой, разумный, а главное, интеллигентный раввин. С ним община активно и динамично развивается. Меня радует, что в синагогу приходишь, как к себе домой».

А собственная семья Вадима Мороховского, как для всякого отца, предмет особых забот. В том числе – продолжения семейных традиций. Отец Вадима, Виктор Мороховский, увы, несколько лет назад ушедший из жизни, – один из тех, кто стоял у истоков одесского клуба знатоков и всего интеллектуального игрового движения, капитан одесской команды «Что? Где? Когда?» и «Брейн-ринга», известной как «команда Мороховского». Не так давно на международном турнире серии «Что? Где? Когда?» среди сотрудников финансовых и кредитных учреждений команда банка «Пивденный» заняла первое место.

Рассказывает Вадим Мороховский: «Семья Мороховских – это обычная семья интеллигентов. В нашем роду в основном инженеры и врачи. Начиная с 1862 года все жили в Одессе, с небольшими перерывами на обучение за границей и на войны, которые были в XIX и XX веке. Банкиров в роду не было».

Но, как шутит Вадим Викторович, «в семье не без банкира...» «Пивденный» затевала компания единомышленников – бывших игроков одесской команды КВН: «Начинали как маленький еврейский банк, – вспоминает он. – Но сегодня он уже не маленький, а достаточно известный». Жена председателя правления банка Лия Семеновна работает здесь же, занимается валютными операциями. Она – потомок известного еврейского рода, ведущего свою родословную из Праги, от создателя легендарного Голема, другая же ветвь этого рода – английские бароны, бывшие первыми попечителями Лондонской синагоги. У Вадима и Лии трое детей. В общем, не без гордости сообщает Мороховский, тыл надежно прикрыт. «А если хороший тыл, – говорит Вадим Викторович, – смело можно работать 24 часа в сутки и приносить пользу не только себе, но и людям, родной Одессе, которой мы гордимся и которую очень любим».

В кабинете председателя правления, на стене, в рамочке под стеклом, – обширный документ, заверенный... одесским раввином. И название этой, казалось бы, сугубо финансовой бумаги своеобразное: «Разрешение раввина на сделки». Оказывается, это положение является обязательным для всех еврейских банкиров, которые соблюдают Закон – то есть следуют еврейскому банкирскому кодексу.

«Разработан он был несколько веков тому назад, и ему следовали много поколений еврейских банкиров всего мира, – поясняет Вадим Мороховский. – Мы стараемся соблюдать эти традиции в работе с клиентами и партнерами. Создавая банк, и мы, и наши клиенты посчитали, что этому закону необходимо следовать в нашей деятельности».

Исходным моментом, определившим суть банковского еврейского кодекса, послужил закон, запрещающий еврею давать деньги другому еврею под проценты, но разрешающий участвовать в доле прибыли.

Рассказывает Вадим Мороховский: «Как известно, Тора запрещает давать и получать деньги под проценты. В свое время этот запрет создал трудности для еврейских банкиров, породил определенный кризис. Поэтому была создана форма договора, которой уже много сотен лет придерживаются еврейские банковские дома во всем мире».

Суть этого договора, носящего название «Разрешение раввина на сделки», состоит в том, что в ситуации, когда банк получает от кого-либо или отдает кому-либо для дальнейших операций или инвестиций определенную сумму денег, это лицо на оговоренный срок становится партнером банка.

При этом фиксируются доли партнеров (банка и участвующего в сделке лица) на прибыль и на убыль, например: на прибыль партнер банка получает одну треть, а банк – две трети; на убытки две трети составляют расходы партнера, а самого банка – одну треть.

Эта доля прибыли или убытков может быть иной, может определяться не в долях, а в процентах (что существует в современной практике), но это не меняет сути сделки. Всё равно любой клиент банка выступает его партнером. И наоборот.

Этот принцип объявляется банком по доброй воле и принимается решением правления банка. Поэтому положение, в котором создатели «Пивденного» оговаривают эти партнерские отношения – с подписями учредителей банка, заверенными раввином Авроомом Вольфом, – в банке висит на видном месте, в кабинете его главы Вадима Мороховского.

Председатель правления «Пивденного» объясняет: «Любое лицо, заключающее с нами сделку, может опираться на это положение. Фактически “Разрешение раввина на сделки” стало прообразом современного инвестиционного финансирования, когда банк инвестирует финансовые средства и получает свою долю прибыли. Это пример своеобразного инвестиционного банкинга. То есть деньги даются как бы не под проценты, а за долю от прибыли, которую заработало вступившее в партнерские отношения с банком предприятие или лицо».

«Сегодня жить хорошо, когда вокруг тебя всё плохо, – это нонсенс», – полагает Вадим Мороховский. Поэтому главной задачей глава банка «Пивденный» считает финансирование клиентов и развитие бизнеса, а основным принципом деятельности – известную мысль: не делай ближнему того, чего не желаешь себе. «Это свойственно многим профессиям, но профессии экономиста – в первую очередь, – убежден Мороховский. – На чужих костях добро не сотворишь».

...В переводе с иврита цдока – это не просто «милостыня» или «благотворительность». Правильнее было бы перевести это слово как «справедливость». Более того, в этом ее суть. Ибо заповедь давать цдоку действительно исполняется во имя восстановления справедливости: если кого-то жизнь «обидела», не дав каких-то материальных благ, другой, более успешный, должен эту справедливость восстановить. Кроме того, есть области деятельности, угодные Б-гу, но не предполагающие получение дохода. Вознаграждение людям, занятым такого рода деятельностью, также предусмотрено из цдоки.

С другой стороны, чем успешнее, удачливее дающий цдоку, тем она больше. И тем больше получает община, тем активнее ее деятельность по восстановлению этой, увы, весьма присущей нашей жизни несправедливости.

È. Èaðíáíét

ÈÑŌĪĂ Ī Ī-ĪĂĂÑÑÈÈ

*Àááàèèèá Ī ðàçáĭ èèè áíááòú ðàçĭĭáðàçèáĭ íáú-ááá Èáèááŷ íáúèĭá Ī íáèò ĭíòááĭòáòúŷŷ
«ĭŷááĭ ĭíòŷĭ è íáòèĭ íáèŷŷ ĭé» Ōáĭ óèè, Ī óðèĭ á, Ī íáŷáŷ áŷáá...*

Одесситы, например, любят отметить Пейсах выездными семинарами на морском побережье – с интересными лекциями, кинофильмами и обилием новых знакомств. Поскольку не за горами уже третье подобное мероприятие, можно с уверенностью сказать: «У нас с друзьями есть традиция: каждый год 14 нисана мы едем к морю...»

«В каждом поколении евреи должны чувствовать себя выходящими из Египта». Однако, даже тщательно выполнив все предписания, убрав квартиру, продав хамец и (на вырученные деньги?) купив пасхальную посуду, почувствовать себя «выходящими из Египта» нелегко. Чего не хватает? Именно: романтики Исхода. Это всё равно что болеть за любимую футбольную команду, лежа перед телевизором на собственном диване, вместо того, чтобы сидеть на стадионе в Милане...

Конечно, не у всех есть возможность посидеть на миланском стадионе. Одесситам с Пейсахом всё-таки проще: возможность окунуться в праздничную атмосферу есть у всех желающих. Стараниями раввина Авроома Вольфа одесская община уже два года на Пейсах проводит выездные семинары. Оба раза «Исход» совершался не в пустыню, а на знаменитые одесские курорты – «Черноморку» и «Затоку». Впрочем, до открытия пляжного сезона названные места с пустыней имеют довольно много общего...

Что же (помимо «охоты к перемене мест») заставляет людей на целую неделю покидать теплые квартиры и устремляться к не столь теплому в это время года побережью Черного моря? Отсутствие опыта, времени, денег (нужное подчеркнуть) для нормальной подготовки к «веселому и кошерному» празднику? Нехватка фантазии при составлении меню на неделю, учитывая запрет на две трети привычных продуктов? Желание посмотреть, наконец, как ЭТО делается правильно (и, что немаловажно, как ЭТО делается в Одессе)? Мечта увидеть море (для иногородних) и возможность смотаться в «Затоку» за полцены (за одесситов спонсоры оплачивают значительную часть стоимости путевки)?

Как видите, поводов достаточно. Желających – тоже. Проект для Украины уникален, поэтому сюда съезжаются из Херсона, Николаева, Харькова, Житомира, Киева, Донецка.

«Расскажи сыну своему», – гласит заповедь. А поскольку мы знаем, что «лучше один раз увидеть», то люди берут с собой сыновей, а также дочерей, бабушек, двоюродных тетушек и вообще предпочитают путешествовать семьями. Поэтому возраст участников семинара весьма разнообразен. Самому младшему было полтора месяца от роду. О верхней возрастной границе трудно сказать что-либо определенное, поскольку представители старшего поколения на вопрос «сколько вам лет?» традиционно и вполне по-одесски отвечают: «Не дождетесь!»

Если массовость одесского «Исхода» слегка уступает событию, описанному в Торе, то спешка, с которой наши предки уходили из Египта, вполне нам знакома. Несмотря на все заблаговременные приготовления, сбор вещей обычно длится всю ночь и завершается с рассветом. Затем следует экстренное

доедание непригодных для Пейсаха продуктов, оставшихся в холодильнике (не пропадать же добру!), после чего все спешат занять места в автобусах и разместить свои многочисленные сумки с наименьшим для них ущербом.

Следует отметить, что одесситы очень ответственно подходят к процедуре комплектации багажа: вещей, взятых ими с собой на неделю в находящуюся в полутора часах езды «Затоку», хватило бы на все 40 лет странствий по Синайской пустыне. Чтобы коротать время долгими весенними вечерами, кто-то даже захватил с собой теннисный столик. Хотя нехватки интересных мероприятий на семинаре и так не ощущалось.

Днем, в перерывах между молитвами, проводились лекции. Не мудрствовать лукаво решил только раввин Измаила и Белгород-Днестровского Фишл Чичельницкий, разъяснив наконец людям законы праздника Пейсах, а также реб Шмуэл Ериш, порадовавший публику своими (!) стихами, посвященными тому же празднику. Тематика остальных лекций была поистине свободной (ведь Пейсах – это и есть праздник свободы!), что ничуть не умаляет их интерес и пользу. Так, представители киевского «Сохнута» подготовили целую серию рассказов о персонажах Танаха, реб Амрам Линков из Житомира погружал слушателей в мир еврейской философии. Реб Велвл Верховский, возглавляющий в Одессе «Хевра Кадиша», рассказал о святости еврейского тела, а студент ешивы реб Хаим Перекрестов – о законах еврейского брака. О причинах сложных взаимоотношений между хасидами и «литваками» поведал пресс-секретарь одесской общины Болеслав Капулкин. Тему Холокоста затронул Леонид Дусман, во время войны – малолетний узник Доманевского гетто, на своем опыте переживший ужас фашистской оккупации и внесший неоценимый вклад в увековечивание памяти погибших евреев Одессы и области.

Пока взрослые учились, дети беззаботно отдыхали под присмотром воспитателей одесской школы «Хабад Ор Авнер», а наиболее активные, совместно с преподавателем традиций этой школы Евгенией Курсаковой, подготовили кукольный спектакль.

По вечерам были организованы просмотры кинофильмов. А в один из вечеров в «Затоку» приехал белгород-днестровский театр «Бейт лец» (режиссер Владимир Сорокин), от души повеселивший публику одесскими шутками.

Для мужчин, страдающих бессонницей, директор одесской ешивы «Томхей Тмимим» рав Довид Фельдман давал «еженощные» уроки Торы. А оба пасхальных сейдера, проведенные тем же раввином Фельдманом, стали незабываемым событием семинара. Заметим: рав Довид – бессменный руководитель «выездных Пейсахов».

Как водится в приличном еврейском обществе во время Исхода, не обошлось без ропота. Перечень наиболее часто звучавших реплик:

«Какому смелому архитектору пришла в голову идея сделать вход в санузел через балкон?»

«Почему официанты начинают обслуживать с другого конца стола? Ведь я-то сижу здесь!»

«Почему у курицы всего две ноги? Всем же не достанется!»

«Почему горячий чай так быстро делается холодным?»

«Ну почему на ИХ Пасху всегда хорошая погода, а на НАШ Пейсах...»

К чести ворчащих следует заметить, что шум приборя и дружеская беседа мгновенно перестраивала их на лирический лад. Как сказал известный поэт, «Сотри случайные черты, и ты увидишь: мир прекрасен».

«В будущем году – в Иерусалиме!» – желают друг другу евреи в конце сейдера, подразумевая скорый приход Мошиаха. Но если он по каким-то причинам задержится, третий одесский «Исход», мы надеемся, таки состоится!

О.А. Адеер

ÀÀÀ ÔÁÍ Î Î ÁÍÀ ÑÒÌ ÈΒΔÑÈÍÁÍ

Á γοίη ãáo em̄ íeíeòñý 135 éào ã áíý ðíæááí èý ÷æíáæá, íí æéíá éíòíðíã ñéíáññ÷-àòáíéá «íááññéé ðáááíé» ó í ííæõ áññóèèðááòñý ñ íáðáçí éíòáèèááí òííã í÷éáðéá, ááðæáùíáñ á ðéáð ñéðéíí÷éá Ýòíò ÷æíáæ - Í áðð Ñíéíí íííæ÷ Ñòíèýðñéé, áíááðúééñý ñéðéíé÷íúé í áááñã ññ íááæéé á Í ááññá ñ óçíéáèññ ðð øéíéó äéý íááðáí í úð ááðáé, ñúàáñð áðñòð è íí ñæ ááí ú

...Í í í áññèý Ì íéáááí éó

è ÷áðí úá òóí'èéé Ñòáðíã ðñíéá

í ðéçðáèáí è í è÷÷éáòí

è éáí òééáí ú.

Èñáé Ááááèñ

Как ни странно, личность легендарного маэстро для многих связана с феноменом так называемого «одесского языка». Для Столярского (впрочем, как и для многих одесситов старших поколений) языком детства был идиш. Поэтому, говоря по-русски, он допускал ошибки, иногда курьезные. Кое-кто из тех, кто знал Столярского лично или учился у него, предпочитали не затрагивать эту тему, дабы не тревожить память дорогого им человека.

Сторонники «русско-столярского словаря», напротив, гордятся столь ярким проявлением «одесской ментальности» Петра Соломоновича не меньше, чем его музыкально-педагогическими успехами. Они цитируют его знаменитые «афоризмы» как демонстрацию редких в эпоху сталинского террора качеств – спонтанности, непосредственности, душевной открытости.

Говоря о Столярском, редко не упоминают эпизод, когда на приеме в Кремле маэстро поблагодарил «товарищей Сталина, Молотова, Кагановича И ПРОЧИЕ ШИШКИ» за создание в Одессе специальной детской музыкальной школы-интерната. Эту школу еще при его жизни называли школой имени профессора Столярского, поэтому Петр Соломонович вполне обоснованно называл ее «школой имени мене».

Показательна толерантность Сталина и «прочих шишек» по отношению к Столярскому как на том памятном приеме, так и вообще, «по жизни». Очевидно, в политическом раскладе того времени ему были уготованы две почетные миссии: показать миру, какие возможности дала советская власть «обыкновенному местечковому еврею» и поддержать престиж государства, доказав, что и в области музыкального исполнительства «мы впереди планеты всей». Впрочем, Петр Соломонович с успехом это продемонстрировал.

Так, в 1937 году победителем на международном конкурсе в Брюсселе стал его ученик Давид Ойстрах, а все остальные премии достались... также воспитанникам Столярского!

Колоритность фраз во многом помогала педагогическому процессу. Так, требуя от ученика качественного протяженного звучания, Столярский говорил: «Представь себе, что твой смычок – это твоя зарплата. Ты должен ее не сразу расходовать, а распределить на долгое время». Зная возраст и социальное происхождение большинства учеников Столярского, нетрудно предположить, что эта метафора была гораздо эффективнее нудных разглагольствований о «вибрато» и «пиццикато».

Однако феномен Столярского – это прежде всего феномен музыкального педагога высочайшего класса. Несмотря на неоспоримость этого факта, многие, говоря о Столярском-музыканте, стыдливо-скромно упоминают, что воспитатель целой плеяды скрипачей-виртуозов сам обладал весьма скромными исполнительскими данными. Оправдывают это тем, что, мол, редко таланты исполнителя и педагога сочетаются в одном человеке.

Но биография «несостоявшегося солиста» говорит совершенно об ином. Столярский был потомственным клейзмером. Его отец, а также многочисленные братья и сестры организовали семейный клейзмерский ансамбль, пользовавшийся огромным успехом в родном Липовце Киевской губернии и в соседних местечках. Наибольший доход в «общий котел» приносил трехлетний Пиня Столярский, умиля слушателей сочетанием «нежного возраста», рыжих кудряшек и отнюдь не детского владения смычком. Один из таких благодарных слушателей тайком от отца отвез юного Пиню в Киев на прослушивание к маститому маэстро. Вердикт был суровым: забыть всё, чему научился, и играть обыкновенные гаммы. Уже познавшему вкус славы Пине подобные слова показались оскорбительными, и он в слезах выбежал из комнаты.

Дальнейшие «столкновения» с академической музыкальной средой вызывали не меньшие проблемы. Много раз юноша вынужден был «переучиваться», осваивать «правильную постановку руки», «классическую манеру исполнения», что приносит ощутимые результаты, как правило, лишь в раннем детском возрасте...

Как знать, живи Столярский в наше время, когда порядочный музыкант обязан владеть всеми стилевыми манерами, а академические исполнители не стесняются принимать участие в клейзмерских фестивалях, может быть, и он блеснул бы на сцене. А Одесса, помимо всего прочего, стала бы мировым центром клейзмерского искусства...

«Тяжелое трудовое детство» во многом сформировало Столярского-педагога. Так, он считал оптимальным возрастом для начала занятий 3–5 лет, когда «мягкие косточки» лучше привыкают к инструменту. Одним из самых важных компонентов воспитания музыканта профессор считал ансамблевую игру, а самым важным – регулярные выступления перед публикой, пусть и не самой взыскательной (Столярский выводил ансамбль своих учеников даже на первомайские демонстрации!).

Διάδοχός Ο.Ν. Άτι ά

Как ни странно, положительную роль для него сыграло даже отсутствие солидной базы в музыкальном образовании. Будучи самоучкой, Столярский проявлял удивительную требовательность к себе, постоянно стремился к самосовершенствованию. Он хорошо «аккумулировал» опыт известных педагогов-скрипачей, наблюдал за исполнительскими приемами певцов и валторнистов и находил им применение в скрипичной игре. И, конечно, он давал своим ученикам то, чего не получил в детстве сам – настоящую «школу».

Ученики Столярского вспоминают: задолго до получения «вожделенной» скрипки они проходили этапы знакомства с педагогом, изучения нотной грамоты, развития слуха. Потом им «милостиво позволялось» взять в руки инструмент, но Столярский предусмотрительно не натирал смычок канифолью, поэтому юные гении играли... без звука (это делалось для того, чтобы не травмировать уши и души детей скрипом, издаваемым еще неумелыми ручками). Лишь убедившись в правильности постановки рук, маэстро «давал добро» на настоящую игру, и то под неусыпным контролем взрослых. Классическим стал его афоризм: «Мне не нужны талантливые дети – мне нужны талантливые родители».

Справедливости ради стоит отметить, что и талантливыми детьми Столярский «не брезговал». Судите сами: из его класса «вышли в люди» Давид Ойстрах, Натан Мильштейн, Самуил Фурер, Буся Гольдштейн, Елизавета Гилельс, Михаил Фихтенгольц...

Знаменитый земляк Столярского – Леонид Утесов – называл его «изобретателем конвейера талантов». Другой небезызвестный одессит, Исаак Бабель, – к слову, учившийся у Петра Соломоновича (как сам он шутил: «Единственный ученик, не принесший вам славы»), – называл его школу «фабрикой вундеркиндов». Очевидно, сказано это было в пылу увлечения индустриализацией. Иначе разве повернулся бы язык назвать Давида Ойстраха или Бусю Гольдштейна «фабричной продукцией»?! Ведь это – тончайшая «ручная работа» великого мастера!

Так или иначе, ярлык «фабрика талантов» прочно закрепился за школой имени профессора Столярского – первой в Союзе музыкальной десятилеткой, ставшей образцом для аналогичных заведений в Москве, Киеве, Свердловске.

Не так давно школа Столярского отметила свое 70-летие. Одесситы верят, что она еще многие годы будет тешить их самолюбие богатыми урожаями лауреатов, дипломантов и, выражаясь словами ее основателя, «обыкновенных гениальных детей». *О.А. Авоо*

ΑΟΔΑΕÖ - ΥΟΙ ΑΙ ΕΙΛΑ!

*Ο Έευθα è Ιαοδία à «Γιετöι δαείεα» γαι ατέουά «ιεεαίτá αεείαü», ääay äiñεφ
Γοάιέó öιι ó èèè èίπí ó iΓεεöè-ατέπí ó äayöαεφ, ααδεεè: «Υοι αείτα! Αι ó ιαεαü á öτö ίá εεααè!» Α
Γάαπá äááí Γαεè, +οί Υαοάδä Αοδäεö - γοι αείτα Γάααί, iñεá ίαπéτεεεö εαδ ατιέααίίτá
«άααεαñδèγ», ίί πύτα ñαè αείτáφ Γάαπü - δαè γάαπí ίαγύάααöñγ ατέεéíñöüí γδä αδία. Ν Υαοάδäí
Είñεóίτáε-αι í ú αñδäò èèèñí á αñ εαείάö á á γάι èè ίάαπéτε Ατδίαñéτε äóí ú.*

– **Интервью – это не одесский жанр, потому что одесситы, как известно, всегда отвечают вопросом на вопрос. Но вы ведь не одессит?**

– Я родился не в Одессе. Как говорил Утесов: «Многие хотели родиться в Одессе, но не многим это удалось». Я родился в городе Могилеве-Подольском Винницкой области. Но живу в Одессе скоро 30 лет. Бабушка моя, папина мама, из Одессы.

– **Но вы себя чувствуете одесситом?**

– Главное, что меня за одессита признали. Значит, я вдвойне должен гордиться.

– **Расскажите о ваших корнях, о родителях...**

– Мама, Мария Наумовна Берштейн, родилась в 1919-м, умерла в 1994 году. Окончила горный техникум, в молодости работала на шахтах. Потом, в военное время, была в саперной бригаде. После этого болела, переквалифицировалась и работала бухгалтером.

Отец, Иосиф Ильич, родился в 1913 году, биография у него очень сложная. Его мать бросила бабушку, его отца, и дед перед самой революцией отвез его в Бессарабию к родственникам. Отец тогда был совсем маленьким. Когда произошла революция, Бессарабия оказалась отрезанной. В 1933 году умерла его тетьа, он продал ее лавку и решил перебраться в Советский Союз – обратно к своему отцу. Здесь его задержали советские пограничники, потом, правда,пустили. У отца был дефект уха, мочка была раздвоенная, так дед его опознал. Отцу тогда было 20 лет.

Его отправили на учебу в Москву. Он учился в Промакадемии, снимал угол, подрабатывал. В 1937 году на него написали донос: отец сказал, что «в Америке рабочие тоже хорошо зарабатывают». Это было первое свидетельство. Второе: он сказал кому-то из тех людей, с которыми работал, что в Америке есть каменный мост длиной в пять километров. А также то, что он читает журнал «Советская Бессарабия», и то, что он дважды заплатил за кого-то за обед и не взял деньги, – всё это показывает... его предрасположенность к шпионажу! В общем, доказательств никаких не было. Отцу даже в то время за «шпионскую деятельность» дали

не десять, а восемь лет. А когда отец сидел в лагере, ему добавили два года. Я читал его дело, мне его привезли в 1990-х годах из Москвы... В лагерях отец подорвал здоровье, и в 1957 году умер.

В альбомах, которые мама хранила, – лица людей, многие из которых погибли во время войны. Кто погиб на фронте, кого закопали живым... Родственников у меня мало.

Первая жена моя погибла. Вторая жена Ольга и сын с 1990 года живут в Хайфе. Так сложилось, уже 16-й год живут там. Мы с женой разведены, но она часто приезжает в гости. Дочка моя от первого брака живет в Киеве. Там у меня двое внуков: внучка Маша девяти лет, внук Мишка шести лет. В Израиле внуков у меня нет.

– С какого года вы живете в Одессе?

– В Одессе я с 1977 года. Работал до этого в Молдавии, в Бельцах. Приехал в Одессу, но к бабушке меня просто не прописали. Бабушка умерла, и меня из этого полуподвального помещения выкинули, я жил в общежитии техникума, где мне дали комнату. Потом дали участок земли в Коминтерновском районе, в Фонтанке (пригород Одессы. – И. К.), и я там построил дом. Небольшой даже по советским меркам – около 60 метров площади. Тем не менее, когда пришли андроповские времена, его хотели забрать. Я судился, заставили меня снести веранду в этом доме, так без веранды он и стоит.

Потом меня обвинили, что живу я не в Одессе, а в Фонтанке. Я, дескать, из-за этого не могу баллотироваться. В 1990 году, когда я выиграл выборы, это был единственный случай, когда избрали беспартийного, да еще еврея и кооператора!

– Один одесский таксист сказал мне, что прежние правители Одессы «лишили его детства»: уничтожена великолепная ограда Воронцовского дворца, фуникулер на Приморском бульваре и многое другое. Вы же всё это восстанавливаете. Получается, что вы возвращаете одесситам их детство?

– Очень многое в Одессе надо восстанавливать. Мы сейчас занимаемся дорожным строительством, идет большая реконструкция, потому что дороги в ужасном состоянии. Пустили фуникулер, Тёщин мост отремонтировали – он был в ужасном состоянии, у него оторвало одну опору. Сейчас Воронцовский дворец ремонтируем...

– В 1990-х годах у вас существовало много социальных программ: бесплатное зубопротезирование для отдельных категорий населения, для студентов и школьников – бесплатный проезд в общественном транспорте, в школах и детсадах – бесплатное питание...

– Нельзя повторить многое из того, что делалось. Но в этом году опять введено бесплатное питание для школьников с первого по четвертый классы. В этом году мы оказали материальную помощь 92 тысячам одесситов, в прошлом году 24 тысячи получили помощь: на лекарства, на покупку бытовых приборов и просто потому, что люди бедствуют. Я считаю, что мы должны это делать, потому что в стране очень много людей за чертой бедности.

У Одессы много городов-партнеров и побратимов: в России – четыре города, а всего их 40. Например, Регенсбург в Германии – город, который оказал наибольшую гуманитарную помощь Одессе. Когда тяжелые времена были, от них пришло 64 конвоя, каждый – от 7 до 12 машин. Кстати, самый большой комплимент Одессе сделал Гельмут Коль, бывший канцлер Германии. Ему здесь очень понравилось. Уже прощаясь со мной, у трапа, он сказал: «Завтра в 9 утра я принимаю Примакова (тогда был министром иностранных дел России). Я скажу, чтобы он передал моему другу Борису, что, потеряв Одессу, он потерял пол-России».

– Одесситки говорят, что мэру им нравится, потому что он с чувством юмора и всегда улыбается. А одесситы говорят: «Гурвиц – нормальный мужик, с которым можно работать». Складывается впечатление, что за многие десятилетия в Одессе вы – первый нормальный градоначальник...

– Жизнь моя так сложилась, что с детства я вынужден был работать. Отец умер, мама тяжело болела, перенесла тяжелейшую операцию в Ленинграде, ее 30 раз облучали, здоровье было – никуда... Бабушка была пожилой женщиной, не работала. Как сейчас помню: на всю семью получали пенсию за отца – 38 рублей 20 копеек. Потом мама работала бухгалтером, зарплата у нее была 40 рублей. Так вот, я с 14 лет на заводе в

Могилеве-Подольском летом работал грузчиком, даже в ночную смену. Потом поступил в институт, опять всё время подрабатывал. Когда я приехал в Ленинград поступать в институт, у меня было 20 рублей. Пошел на фабрику Клары Цеткин, грузил товар, развозил молочные продукты... В общем, где мог, там и зарабатывал. С тех пор я всех, кроме близких друзей, называю на «вы», независимо от того, какого человек возраста. Потому что я тогда еще осознал, что на самых неприглядных работах работают люди, которые на самом деле умнее некоторых академиков. И умные, и способные, но не пробившиеся в жизни. Я много работал на строительстве, но всегда всем говорил «вы», хотя там принята другая форма обращения...

– А почему Одессе всегда не везло с руководителями?

– Мое мнение: потому что ее очень не любили руководители в Советском Союзе. Посмотрите, в Одессу ни разу не приезжал ни один генеральный секретарь! Хрущев был на рейде, но не сошел. Даже Горбачев в 1990 году прилетел, сел на вертолет, перелетел через Одессу – и в Чабанку, на военные учения! Я думаю, это была такая подспудная нелюбовь к городу, в котором о них всё знают. Одесса была одним из немногих городов, жители которой были... за границей. Одесситы видели, что всё, что пишет советская пресса, – вранье! Только три слова правды: «Нью-Йорк – город контрастов». И когда всё это было наяду для десятка тысяч одесситов, об этом знал весь город. И что за «железным занавесом» живут значительно лучше, чем мы, для нас не было тайной – ни для кого из одесситов! В Киеве, кстати, одесситов не любили не только при советской власти, но и после. Да и вообще, к Одессе часто относятся очень осторожно.

– Наверное, еще и потому, что Одесса – еврейский город?

– Если по переписи 1989 года в Одессе было 90 тысяч евреев, то по переписи последней, 2001 года, в Одесской области 13 тысяч евреев. Многие источники указывают на то, что евреев больше, но они же не назвались евреями, а это о многом говорит! Я понимаю, что «Сохнуту» было бы интереснее, если бы их было больше. Перепись 2001 года показала, что в Украине живет 102 тысячи евреев. Самое большое число в Киеве – 18 тысяч. Потом Одесса – 13 тысяч.

Я, конечно, никогда не скрывал, что я еврей. Но всегда говорил, что еврей – это моя национальность, а не профессия. Потому что у нас некоторые сделали это профессией. Пусть евреев в Украине не 102 тысячи человек, а больше. Но у нас сотни и сотни общественных организаций! Везде – вожди, и бухгалтер при вожде, который должен посчитать деньги, которые они, может быть, вместе «раздербанят». Вот этот элемент, к сожалению, есть в еврейском движении в Украине. А то, что есть организации, которые действительно помогают, мы очень ценим.

Кстати, я думаю, было бы большой ошибкой проповедовать идеи, что следует собрать всех евреев в Израиле. Израиль – важнейший фактор еврейской жизни, потому что это страна, о которой мечтали десятки поколений. Это страна, возникшая в результате того, что мир понял, к чему привел Холокост. И это страна, которая подверглась атаке со стороны воинствующего ислама и является форпостом борьбы с терроризмом.

Очень важно, чтобы это понимали остальные цивилизованные страны. Но, к сожалению, этого не происходит. Например, как можно говорить, что Украина борется с терроризмом, если она более 400 раз голосовала против Израиля, поддерживая арабские страны!

Так вот, стягивать в Израиль абсолютно всё еврейское население мне кажется абсолютно неверным. Не все этого хотят. Да и сама идея вредна для государственности Израиля.

Но, я думаю, даже если евреев не будет, то бытовой антисемитизм всё равно останется. Единственное, что тогда не на кого будет списывать все беды...

– Вы часто ощущали на себе проявления антисемитизма?

– Ну, было, было... Хотя я всегда мог дать отпор, не обижался... У нас бытовой антисемитизм существовал всегда и везде. Каждый идиот может ощущать себя человеком другой, «лучшей» расы. Вообще же любая нетерпимость к людям другой национальности, да и нетерпимость как таковая, доказывает ограниченность. Не может быть, что N. N. прекрасный писатель, но антисемит. Это, знаете ли, развитие только одного полушария. Значит, в жизни он дурак, который способен хорошо написать, но не более того. Потому что невозможно назвать великим человеком того, у которого есть такие «провалы». По-моему, об этом лучше всех сказала Раневская: «Талант – это прыщ, он может выскочить на любой заднице».

– Вы часто бываете в Израиле?

– Впервые был в 1991 году, еще при советской власти, для подписания договора с мэром Хайфы о том, что Одесса и Хайфа станут городами-побратимами. С тех пор я бывал там достаточно часто. В 1998 году меня совершенно антиконституционными, противозаконными методами отстранили от должности мэра города. Кучма сделал это бандитскими методами: на меня были покушения, убили моего заместителя... Но я семь лет возглавлял межпарламентскую группу Украины и Израиля как депутат Верховной рады. Поэтому я, конечно, часто бывал в Израиле. Плюс у меня там живет семья.

Когда англичане в Ираке взяли Басру, я туда на джипе въехал... Знаете почему? Я в украинском парламенте единственный выступал за то, чтобы украинские войска участвовали во вторжении в Ирак. Считаю, что террорист Садам Хусейн должен быть наказан. Наши коммунисты кричали: «Вы хотите послать наших детей, а сами?» Я как раз был в Израиле в командировке, полетел в Кувейт, взял джип напрокат... Со мной был мой приятель и два журналиста. И с четвертой попытки мы таки прорвались через границу Ирака, как раз в тот момент, когда английские войска брали Басру...

Еще одна история. Еду я по Хайфе, загорается красный свет, я останавливаюсь. Рядом останавливается незнакомая машина, открывается окно, и меня спрашивают: «Эдуард Иосифович, а вы шо, уже живете у нас?» «Да нет, – говорю, – просто приехал...» Это было во времена Кучмы, когда меня незаконно сняли. А мне в ответ: «Да плюньте вы, приезжайте сюда, живите как человек! На фиг вам эти бандиты нужны!» Тут загорелся зеленый свет, и я поехал.

Последний раз я был в Израиле совсем недавно, вместе с раввином Авроомом Вольфом.

– А как у вас складываются отношения с раввином Вольфом, с еврейской общиной Хабад-Любавич?

– Отношения с общиной я, как мэр, оцениваю по вкладу в городские дела. Я считаю, что «Хабад» делает важное и хорошее дело для возрождения, самоидентификации, для людей, которые обратились к вере, вернулись к истокам.

В Одессе около 100 национальностей, и очень важно сохранить межнациональный мир. Это не просто важно, а сверхважно, чтобы рядом уживались разные национальности.

– Одесситы очень благодарны вам за возвращение улицам города прежних названий. Появились и новые – улица Ицхака Рабина, Владимира Жаботинского... «Гурвицу надо памятник поставить только за то, что он вернул улицам старые нормальные имена», – сказал мне один пожилой одессит. Это правда. Когда едешь по российским городам, глаз и ухо режут названия улиц, площадей и проспектов – всех этих Советских, Коммунистических, Большевицких, Ленина, Ильича и прочих. А у вас здание КГБ, ныне СБУ, стоит на улице Еврейской!

– Я думаю, возвращение улицам названий было восстановлением исторической правды и справедливости. В 1995 году было переименовано 170 улиц, 134 из них получили прежние названия. Коммунисты заявили, что я переименовал их, не спросив мнения народа. Я сказал: ребята, я ничего этого не делал. Это вы, не спросив мнения народа, переименовали улицы, а я просто вернул старые названия! Затем они сказали, что весь народ поднимется как один, если я буду сносить памятники Ленину. Нет, сказал я, мы снесем памятники всем вождям революции. И мы снесли 148 памятников. Из них 104 памятника Ленину. И никто из народа не пошевелился...

Один памятник всё же остался, на Куликовом поле, потому что когда-то на его установку дал разрешение Совет министров, и мы его не могли снести без разрешения кабинета министров Украины. Я написал тогдашнему премьеру Марчуку письмо, чтобы он дал согласие «на перенос памятника Владимиру Ульянову по кличке Ленин». Ну, такая у него кличка была, что тут поделаешь! Опять же, это страшно возмутило коммунистов.

А КГБ на Еврейской улице оказался по судьбе. Эта улица была Еврейской до революции, а потом как только она ни называлась, – мы же вернули ей старое название. И оказалось, что на этой улице находятся, во-первых, городская прокуратура, во-вторых, областное управление милиции и, в-третьих, областное управление КГБ. Об этом доме так и говорили: «Со второго этажа видно Колыму». Руководству КГБ это переименование не понравилось, и они на бланках написали: «переулок Грибоедова», где у них был вход в

отдел писем... Когда мне это доложили, я переименовал переулок Грибоедова в Шухевича! И когда управление КГБ оказалось на улице имени человека, который убил кучу кагэбистов, они сразу поняли, что на Еврейской лучше. Видите, бывает что-то хуже евреев...

Алліає È. Èадіаі єї

«*ŃĚĬĂĂ, ŃĚĬĂĂ, ŃĚĬĂĂ...*»

*Ă ĭ ěĭ ċăăăĭ ăăăă ěĭ ěĭ ěĭ ěĭ ěĭ ěĭ 125 ěăă ĩ ăĭŷ đĭăăăĭ ěŷ ě 65 ěăă ĩ ăĭŷ ěĭĭ-ěĭŷ Ăěăăěĭ ěđă
(Ăăăă) Ăăăĭ đěĭ ěěĭă. Ĭăăăă ĭĭĭ ĭěđ ĭăĭĭă ěĭ ěĭăăăđ ĩăĭĭăăě.*

«Я не помню, какие планы были у меня в конце 1903 года, – вспоминал Владимир Жаботинский в “Повести моих дней”. – Быть может, я мечтал, как это водится у молодежи, завоевать оба мира, на пороге которых я стоял: обрести лавровый венок “русского” писателя и фуражку рулевого сионистского корабля...» Если первая цель честолюбивого молодого литератора выглядела в глазах многих его современников слишком уж смелой, то вторая задача в 1903 году для большинства его приятелей была просто непонятной.

Спустя шестнадцать лет прожившая в черноморском городе несколько тревожных месяцев писательница Тэффи остро почувствовала близость типичного одесского быта к специфике одного из популярных жанров устного творчества: «Не город, а сплошной анекдот». Однако на смену этому любопытному наблюдению пришло другое, более пронизательное и грустное: «Жить в анекдоте ведь не весело, скорее трагично...» Не исключено, что на пике своей популярности одессит Жаботинский мог бы не согласиться с таким определением, да еще оскорбиться за милый сердцу город. Однако позднее, в середине 1930-х годов, он писал в заключительной главе романа «Пятеро», употребляя – надо полагать, абсолютно независимо от Тэффи – то же слово: «У людей, говорят, самое это имя Одесса – вроде как потешный анекдот... Но за насмешливое отношение к моей родине я не в обиде».

Между тем, на пороге века в городской журналистской среде, в мире одесской Литературки, Владимир Жаботинский имел достаточно возможностей ощутить специфику этой самой «жизни в анекдоте», не постигая до поры до времени ее потенциальной трагичности. Однако уже в 1903 году задумавшийся над мировыми проблемами молодой интеллигент начал осознавать и то, что, образно говоря, сюртук фельетониста «Одесских новостей» становился ему тесноват.

Одно время в литературе о Жаботинском бытовало мнение, что увлеченность сионистскими идеями он привез из-за границы. В самом деле, о существовании такого движения юный одессит впервые услышал в Западной Европе, но тогда еще не заинтересовался им по-настоящему. В «Опыте автобиографии» он признавался, что в первый раз серьезно задумался о сионистской проблематике в 1902 году, во время семинедельного пребывания в одесской тюрьме, «где впервые познакомился с детьми еврейской массы». Но это, по собственному его замечанию, был всего лишь начальный «толчок», сохраняющий – в наших глазах –

некоторое отношение к истории вопроса. Подлинным же потрясением для благополучного (если не сказать процветающего) литератора явился печально известный кишиневский погром, ставший первым звеном в целой цепи локальных трагедий, возымевших широкий резонанс и обнаруживших кульминацию острейшей общегосударственной и общенациональной проблемы.

Собственно, уже первые вести из Дубоссар, где в феврале 1903 года – не без злобного науськивания со стороны печально известной черносотенной газеты П. Крушевана «Бессарабец» – евреев обвинили в ритуальном убийстве и в воздухе запахло погромом, насторожили Жаботинского. Дубоссары расположены не так далеко от Одессы, но дело было не только и не столько в территориальной близости. Молодой одесский литератор, благодаря своей недюжинной интуиции, почувствовал, что погромная стихия, поощряемая властями, может затронуть разные населенные пункты России, включая его родной город. А в апреле, на православную Пасху, когда разразился погром в Кишиневе, он воспринял всё происходящее как большую общественную и в то же время глубоко личную трагедию, встретив в среде своих близких друзей-одесситов едва ли не полное единомыслие.

Откликнувшись на призыв активистов, сочувствующих пострадавшим кишиневцам, люди разных сословий стали приносить в редакцию «Одесских новостей» пожертвования. Жаботинский и сам поехал в Кишинев, беседовал там со многими людьми, включая очевидцев и жертв резни. Повстречался он там и с одесситами – видными деятелями еврейского движения и еврейской культуры. С одним из них тогда, в Кишиневе, он впервые встретился и познакомился, хотя этот человек был известен во всей России, и не только в России, к тому же с 1900 года постоянно проживал в Одессе. Звали его Хаим-Нахман Бялик; имя видного поэта, писавшего на древнееврейском языке, разумеется, было известно Жаботинскому.

В истории еврейской литературы, равно как и в истории многонациональной российской культуры, имена Бялика и Жаботинского ставят рядом. Объяснение простое: у прогрессивно мыслящих русскоязычных читателей, не знавших древнееврейского языка, появилась возможность познакомиться со стихами Бялика благодаря их переводу на русский язык, выполненному младшим современником поэта. Первое издание «Песен и поэм» Бялика в авторизованном переводе Жаботинского увидело свет в одном из петербургских издательств в 1911 году, после чего за десять лет эта книга переиздавалась пять раз.

Благодаря талантливому переводчику, поэзия Бялика обрела в русских литературных кругах немало почитателей. Одним из них был Максим Горький, который в 1921 году помог Бялику выехать за пределы Советской России, а в своем докладе на Первом съезде советских писателей в 1934 году упомянул его имя, назвав Бялика «почти гениальным поэтом».

Начало профессиональному интересу Жаботинского-переводчика к поэзии Бялика положили Кишинев и личная встреча с поэтом. В 1904 году была переведена поэма «В городе резни», которая в русском переложении Жаботинского называлась «Сказание о погроме». Впрочем, словосочетание из оригинального названия поэмы было сохранено в первом стихе перевода:

- אִנּוֹאִי הֵעֵדְתִּי וְיִי אֲדִיאוֹ

דָּאָרְעֵ...

Кишиневский погром оставил в душе Жаботинского смешанные чувства. С одной стороны – глубокое сострадание к невинным жертвам бесчеловечной резни, а также чувство возмущения по отношению к погромщикам и фактически поддерживавшим их власть предрержащим. С другой – жгучий стыд за полное бездействие, рабскую покорность еврейского населения черносотенной агрессии, отсутствие действенного сопротивления.

Между тем сам Жаботинский еще до Кровавой Пасхи 1903 года почувствовал насущную потребность оказать сопротивление надвигающемуся насилию – и с этой идеей обратился за поддержкой к ряду видных еврейских деятелей не только в Одессе, но и в других городах, однако серьезного понимания с их стороны не встретил. Сочувствовать, сопереживать, даже делать пожертвования – пожалуй, с дорогой душой, – но звать к открытому сопротивлению?.. Эта идея многим казалась взрывоопасной.

Тогда Жаботинский и его друзья Израиль Тривус (будущий соратник Владимира Евгеньевича по ревизионистскому движению во Всемирной сионистской организации) и Меир Дизенгоф (будущий мэром города Тель-Авива) начали действовать сами, создавая еврейскую самооборону в Одессе. Задача эта была не из простых хотя бы потому, что выполнение ее требовало от организаторов тщательной конспирации. Об этом

упомянуто в романе «Пятеро»: «...под видом “гигиено-диететического учреждения” можно устроить занятия гимнастикой, а под видом гимнастики – самообороны. На юге начинали поговаривать, что скоро это пригодится».

В «Повести моих дней» есть сравнительно небольшая по объему глава «Кишинев», посвященная участию Жаботинского в создании самообороны в Одессе. Здесь не содержится и тени сомнения в необходимости сопротивления черносотенцам, напротив – осуждается вялая покорность, проявленная кишиневскими евреями. Повествует автор и о первом собрании активистов одесской самообороны «в просторной и пустой комнате, похожей на торговую контору» на Молдаванке. За кратким рассказом о сборе денег и оружия, составлении и размножении листовок следует немаловажное сообщение о том, что помещение принадлежало некоему Генриху Шаевичу, агенту-зубатовцу, хотя точного представления о мотивах и целях его участия в организации одесской самообороны у Жаботинского и его идейных сподвижников не было ни в ту пору, ни позднее: «Мне безразлично, был ли этот Шаевич честным и заблуждающимся человеком или шпионил и предавал сознательно: на мой взгляд, с того дня, когда он предоставил нам такое надежное убежище, чтобы вооружить евреев, он искупил все свои грехи...»

По воспоминаниям Израиля Тривуса, в одной из своих ярких, взволнованных речей в 1905 году инициатор самообороны сказал: «Нет ничего, что так унижало бы человека, как трусость. Это свойство души, несмотря на то, что оно порождено инстинктом самосохранения, не имеет ничего общего с понятием “человек” – то есть создание, сотворенное по образу и подобию Б-жьему». Кстати, в те годы Жаботинский выступал на разные политические темы достаточно часто, демонстрируя не только преданность делу, но и тот замечательный ораторский талант, который был замечен и оценен еще слушателями рефератов молодого журналиста в одесской Литературке.

На какие слои населения могли опереться в Одессе Жаботинский и его единомышленники, создавая самооборону? По разрозненным сведениям, в отряды самообороны люди шли довольно разные; кому-то из новейших, не отягощенных историческим образованием искателей сенсаций представляется, что тон в создававшихся дружинах задавали либо политические экстремисты, либо люмпены. Между тем идеолог самообороны и автор «Повести моих дней» особо отметил самое активное участие в этом движении студенческой молодежи, для которой организованное сопротивление погромщикам становилось частью более широкого, освободительного движения. «Особенно проявлялось брожение в среде учащейся части общества... Университеты превратились во фронт освободительной войны. Если бы спросили нас: “Кто станет во главе, когда настанет тот день?” – мы бы ответили: “Конечно, студенческие комитеты”».

Между первым и потому получившим особенно громкий резонанс кишиневским и более масштабным, еще более жестоким одесским погромами пролегла двухлетняя дистанция. За это время фельетонист Altalena* успел стать заметным деятелем российского и мирового сионистского движения. Можно сказать, именно в таком качестве встретил он кровавые события в Одессе в октябре 1905 года.

Одна из сионистских организаций в Одессе выдвинула его делегатом на VI Всемирный сионистский конгресс, собиравшийся в Базеле. По собственному признанию, Жаботинский еще ничего толком не знал об этом движении и его программе, но уже «заболел» проблемами жизни и перспективами дальнейшего существования своего народа. Это был его первый конгресс, молодого неопита сразу же захватил вихрь

страстей и борений. Не столько богатая эпическая история «народа Книги», но в первую очередь страдания соплеменников призвали разносторонне одаренного одессита на столь неожиданный и непростой путь. О своем дебюте на Базельском конгрессе (последнем конгрессе, в работе которого участвовал родоначальник движения Теодор Герцль) Владимир Жаботинский не без самоиронии поведал в автобиографической книге.

Вхождение молодого одессита в сионистскую проблематику произошло как-то по-жаботински быстро. Вместе с тем, в его понимании задач сионистской организации не было самоуверенной поверхностности и ограниченности, напротив, превалировал серьезный, вдумчивый подход. Будучи прежде всего литератором, Жаботинский многие серьезные раздумья о сионизме и еврейском вопросе переносил в свои тексты, ища диалога с заинтересованным читателем. Этому кругу проблем посвящено множество его газетных и журнальных публикаций, а также брошюр.

В большинстве своем эти брошюры печатались в 1904–1906 годах в одесских издательствах – таких, как «Кадима», «Восход», издательство С. Д. Зальцмана. Приведем названия наиболее известных из них: «Чужие! Очерки одного “счастливого” гетто» (Одесса, 1904), «Еврейское воспитание» (Одесса, 1905), «О территориализме (Сионизм и Палестина)» (Одесса, 1905), «К вопросу о нашей политической платформе» (Одесса, 1906), «Критики сионизма» (Одесса, 1906). Одна из брошюр, изданная в Екатеринославе в 1905 году, называлась так же, как известный роман русского писателя радикально-революционных взглядов и брошюра более позднего и еще более радикального революционера – «Что делать?». Некоторые из написанных тогда Жаботинским маленьких книжек выходили из печати двумя и тремя изданиями, что свидетельствует о наличии у этих памфлетов широкого круга читателей.

К тому же времени относится и очередное прощание Владимира Евгеньевича с Одессой как с постоянным местом жительства. Не суждено было Жаботинскому, на манер многих бойких одесских репортеров, обосноваться в Петербурге – хоть и живал Altalena в столице, хоть и сотрудничал в петербургской периодике. «Вел я кочевую жизнь», – вспоминал он впоследствии об этом времени. Петербург, Вильно, Киев, Гродно, Нижний Новгород, Вена, Константинополь – не перечислить всех городов, где ему довелось побывать, а то и пожить. Деятельное участие в сионистском движении занимало в его жизни всё большее место.

Литературных занятий, впрочем, он не прекращал, оставаясь по преимуществу профессиональным журналистом. Правда, его связь с газетой «Одесские новости» на несколько лет ослабла, и с рубежа 1904–1905 годов до начала 1908 года в популярнейшей газете Юга России не появлялось новых корреспонденций за подписью «Altalena». В столице он стал постоянным автором журнала «Еврейская жизнь», позднее переименованного в «Рассвет», сотрудничал в обозрении «Русь», газете «Наша жизнь», а также в выходившем в Петербурге журнале Михаила Грушевского «Украинский вестник» и других изданиях.

Не оставлял Жаботинский и занятий поэзией. На пороге века им был написан ряд лирических стихотворений, включая такие, как «Серенада на кладбище», «Piazza di Spagna», баллада «Ноэла», «Песня контрабандиста». Последнее из упомянутых стихотворений особенно запомнилось другу его одесской юности Корнею Чуковскому, который шестьдесят лет спустя в письме цитировал романтические строки этой «Песни»:

Аѣѣ љ аѣѣ, ѣѣѣѣѣ!

ѣѣѣѣѣ ѣѣѣѣѣ

ѣѣ ѣѣѣѣ ѣѣѣѣѣ

В ѣѣѣѣѣ ѣѣѣѣѣ

Ī á áíēū à i Ī á ðáí à,

Ī á áíþūý í éáí à,

B ói óóáí ñó Ī í à

Çà òáíþ ēþáíáū

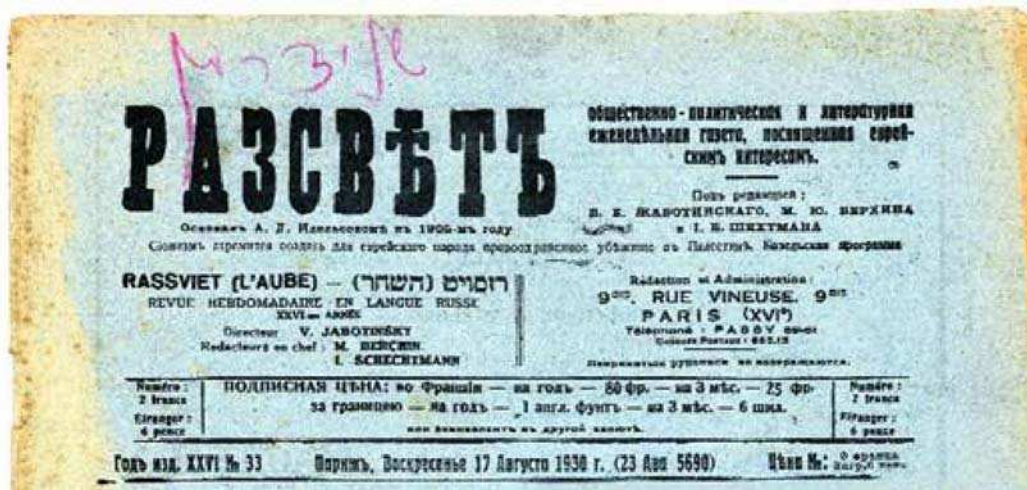
Самым значительным оригинальным поэтическим произведением Жаботинского тех лет является его небольшая неоромантическая по духу поэма «Бедная Шарлотта». Написана она была в Одессе в 1902 году, а издана отдельной книжкой два с лишним года спустя в Петербурге. Романтическая традиция в поэме сопрягается с историко-географической конкретикой, пришедшей в основном из европейской реалистической литературы середины XIX века. Трагический персонаж Великой Французской революции, убийца Жан-Поля Марата Шарлотта Корде сама ведет рассказ о своей короткой, но полной драматизма жизни, исповедуется другу в предсмертном письме в ночь накануне казни. В ее искреннем изложении события и повороты собственной судьбы не столько продиктованы эмоционально-импульсивными, мятежными порывами, сколько мотивированы психологически, изнутри. Верстку издававшейся в столице поэмы Жаботинский отправил писателю, творчество которого ставил чрезвычайно высоко, Максиму Горькому, – тот отозвался о поэме благосклонно.

Ī . Áéçáí áó.

Работа профессионального литератора с разной степенью интенсивности продолжалась, хотя с появлением у Жаботинского новых жизненных «амплуа», требующих полнейшей самоотдачи и максимальной сосредоточенности, сделалось практически невозможным существование по неписанным правилам «жизни в анекдоте»...

Ī . Áíéíéýí ñééé

– Ну, и что сделал ваш хваленый Жаботинский? Где предприятия, им созданные, где рабочие места, где построенные дома? Пена, одна пена... Слова, слова, слова! А за Бен-Гурионом стоят не слова – дела.

Мой собеседник – человек, умудренный жизненным опытом, к тому же глубоко образован и, несомненно, умен. Профессор из Лондона, семья которого в начале XX века покинула Одессу. Тем не менее, пытаюсь ему возражать. «Отряды самообороны, – говорю я, потом добавляю: – Еврейский легион, Бейтар...»

– Пустяки всё это, показуха, демонстративная деятельность, вызвавшая много горестей на головы евреев.

Пытаюсь зайти с другой стороны: «Жаботинский был прекрасным писателем».

– Вот, вот, болтать он умел прекрасно, – возражает профессор. Тогда уже «хватаясь за соломинку»: привожу слабый, как мышиний писк, и совсем уже последний довод: «А вы знаете, что Жаботинский был еще и поэтом?» Неожиданно оборона профессора рушится. Удивленно и несколько растерянно он говорит: «Нет, этого я не знал».

Казалось бы, какой пустяк по временам нечитательского бума! Еврейский легион – не аргумент. Бейтар – не аргумент! Сорок лет непрерывной публицистической деятельности – пустяки! Романы и повести – бла-бла-бла. И вдруг такая мелочь, как причастность к поэзии, разрушает стену устоявшегося отношения к знаменитому сионисту. Что ж, профессор – представитель Народа Книги. Ему-то «вдомек», что «словом останавливали солнце». Он знает, что первым поэтом на Земле был Адам, давший имена всему живому. Поэт заслуживает уважения априори, как явление. Даже если бы Зеев Жаботинский не совершал своего великого подвига, создавая государство Израиль, он всё равно был бы вписан в ряд замечательных людей столетия. Не как политик, не как публицист – как поэт и писатель. Хотя его отношения с литературой были трудными, порой трагическими. Он сознательно отошел от писательской карьеры ради сионизма. Известна его фраза, что часть своей души он запер на ключ, который спрятал далеко-далеко, и не окажется ли этот ключ ржавым, когда в нем появится необходимость...

Впрочем, сознательный отказ не помешал Жаботинскому стать автором шедевров. Его книги, практически неизвестные на родине, его стихи не утратили своей мощи, силы, своей притягательности под спудом времени. Автобиографические «Повесть моих дней», «Слово о полку» органично заполняют не только лакуны исторической памяти, но и памяти биологической. Словно тебе поднимают веки, и ты понимаешь, как должны быть неоспоримы, неотъемлемы свобода выбора, свобода совести и, может быть, главное, так долго отнимавшееся у советского человека вообще и советского еврея в частности, – чувство собственного достоинства и личной ответственности.

Романы Жаботинского «Пятеро» и «Самсон Назорей» вернулись в контекст отечественной культуры под традиционное для конца 1980-х – начала 1990-х бряцание газетных шапок «Возвращение такого-то». Они не только заполнили зиявшие дыры книжных полок, но, подобно чудесной разрастающейся ткани, закрыли рваные раны души. Это не те книги, которые прочел и забыл. Влюбленные в Одессу безоглядно влюбилились и в роман «Пятеро», оценив в первую очередь гениальное признание в любви к городу, сделанное Жаботинским. «Самсон Назорей» делит читающих на горячих поклонников и неприятелей, как, собственно,

действовала и продолжает действовать на людей сама личность Зеева Жаботинского. Несмотря на полярные мнения, роман еще не прочитан:

«– Ничего они на свете не боятся, – сказал Ахиш своей свите, – кроме грозы.

Сотники его засмеялись.

– Слишком они у тебя благородные, – сказал один...»

Как там в той книге, в которой еще говорится, что «рукописи не горят»? «Ничего на свете не боялся благородный пес, кроме грозы», кажется так? А ведь это всего лишь одно из совпадающих мест «Самсона» и «Мастера и Маргариты». Так что, повторяя Булгакова, следует сказать: роман Жаботинского еще преподнесет свои сюрпризы.

Владимир Евгеньевич не построил фабрик и заводов, не открывал больниц, детских садов и домов призрения. Он лишь сделал перевод «Ворона» Эдгара По, на сегодня – лучший в русской поэзии, переводы Хаима-Нахмана Бялика, не только открывшие великого еврейского поэта русскоязычному читателю, но и непревзойденные. И еще переводы, статьи, собственные чудесные стихи, говорящие о том, каким блистательным поэтом был этот политик, «заперший на ключ» часть своей души. Даже если допустить на миг, что Жаботинский оставил после себя лишь «слова, слова, слова», наверное, это не слишком мало для людей, которые знают, что «словом останавливали солнце».

А. Евдеев

* Ἰμαίτηι, ἰτὰ εἰσοῖδον Ἄ. Ζαβτοεῖνσέε ἰ ἰτὰ αἰῶν ἀπὸ οἰᾶε ἀ ἰτὰ-αὐε.

8 ФЕВРАЛЯ

140 *עָאָד* *י"ב* *אִיּוֹן* *ד'תשס"ו* химика-органика, члена Национальной АН США, профессора Мичиганского университета, автора работ в области химии свободных радикалов, открывшего существование трифенилметильных радикалов, разработавшего способ получения диариллов из ароматических соединений и солей diazonia, создавшего первый удачный антифриз для автомобилей, **Мозеса (Моисея Георгиевича) Гомберга** (1866, Елизаветград – 1947, Анн-Арбор, США).

12 ФЕВРАЛЯ

90 *עָאָד* *י"ב* *אִיּוֹן* *ד'תשס"ו* актера, народного артиста РСФСР, мастера гротеска, снявшегося в фильмах «Берегись автомобиля», «Зигзаг удачи» и др., **Готлиба Михайловича Ронинсона** (1916, Вильна – 1991, Москва).

180 *עָאָד* *י"ב* *אִיּוֹן* *ד'תשס"ו* биохимика, члена Прусской АН, одного из основоположников мембранной теории, открывшего свойство полупроницаемости искусственной мембраны, **Морица Траубе** (Traube; 1826, Ратибор, Пруссия – 1894, Берлин).

13 ФЕВРАЛЯ

105 *עָאָד* *י"ב* *אִיּוֹן* *ד'תשס"ו* социолога, члена Национальной АН США, профессора Колумбийского университета, автора работ в области методологии и применения математических моделей в социологии **Пауля Феликса Лазарсфельда** (Lazarsfeld; 1901, Вена – 1976, Нью-Йорк).

16 ФЕВРАЛЯ

110 *עָאָר מִן אִיךְ דִּיאַאַלעך* пианиста, виртуозного исполнителя произведений Ф. Шопена Александра Брайловского (Brailowsky; 1896, Киев – 1976, Нью-Йорк).

19 ФЕВРАЛЯ

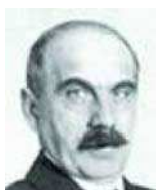
65 *עָאָר מִן אִיךְ דִּיאַאַלעך* физика, члена Национальной АН США, профессора Принстонского университета, директора Института теоретической физики Калифорнийского университета, автора работ в области теории сильных взаимодействий, лауреата (совм. с Д. Политцером и Ф. Уилчеком) Нобелевской премии по физике 2004 года Дэвида Гросса (Gross; р. 1941, Вашингтон, США).

20 ФЕВРАЛЯ

75 *עָאָר מִן אִיךְ דִּיאַאַלעך* адвоката, представлявшего сторону обвиняемых в делах А. Лукьянова (бывшего председателя Верховного Совета СССР), Д. Якубовского, Е. Бычкова (бывшего председателя Роскомдрагмета России), П. Бородина (управляющего делами президента России), М. Ходорковского и др., Генриха Павловича Падвы (р. 1931, Москва).

21 ФЕВРАЛЯ

140 лет со дня рождения бактериолога и иммунолога, профессора Берлинского университета, директора Института экспериментальной терапии и биохимии в Берлине, разработавшего (совм. с А. Нейссером) метод серодиагностики сифилиса, **Августа Вассермана** (Wassermann; 1866, Бамберг, Бавария – 1925, Берлин).

22 ФЕВРАЛЯ

30 лет со дня смерти (24 швата) главного раввина Израиля рабби Исера-Иеуды Унтермана (**איונטרמאן**; 1886, Брест-Литовск – 1976, Иерусалим).

23 ФЕВРАЛЯ

85 лет со дня рождения кинорежиссера, народного артиста СССР, поставившего фильмы «Попрыгунья», «Оптимистическая трагедия», «Три сестры», «Одиноким предоставляется общежитие», «Чисто английское убийство» и др., **Самсона Иосифовича Самсонова** (наст. фамилия Эдельштейн; 1921, Новозыбков Гомельской губ. – 2002, Москва).

24 ФЕВРАЛЯ

60 ёаò ì ã äÿ ðæääéÿ математика, члена Национальной АН США, профессора Йельского университета, автора работ в области групп Ли, лауреата премии Филдса **Григория Александровича Маргулиса** (р. 1946, Москва).

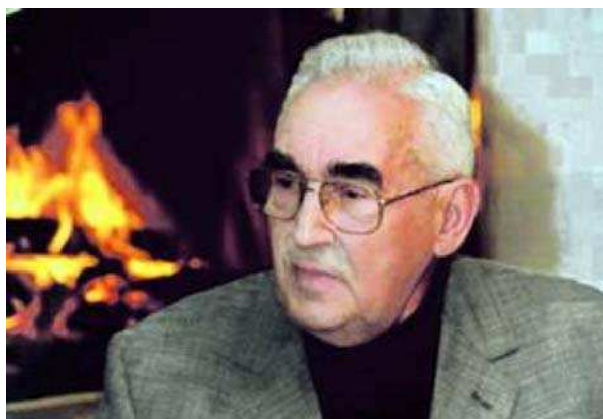
27 ФЕВРАЛЯ

95 ёаò ì ã äÿ ðæääéÿ государственного деятеля, президента Панамы **Макса Дельвалле** (Delvalle, наст. фамилия Леви-Мадуро; 1911 – 1979, Панама).

80 – МАРК ТАЙМАНОВ: МЕЖДУ ЕВТЕРПОЙ И КАИССОЙ

*Αὐτὰρ ὁ ἐρᾷε, δαείδ' ὀρέεσσι ἀτ' ἀνῆλ', ἠὶ γ' ἀεγυῖν ἰά ἀνέπλῃσιν ἄ δαί ἐε ἰδῶντο ἀεεῖε ἰ
 ἠεῖται ἠεῖτε ἀεῖται ὀρεε. Ἐὰ ὄτ' αὖ ἴτε ἰε ἀδαεεῖν ἠῆ ὁ ἰεὸ πῖθεοῖν. Ἰ ἀδε Ἀἴαντι μαε: Ὀαεῖ ἀῖτᾶ – ἐε
 ὀαεεῖ. Ἰ ἡ ἄσπῖδᾶ ἀεεῖο ἀσπῖ ἰ ἀδαεεῖσιν ἴτε ἀεγυῖε – ἰ ὄρεῖα ὀα ε ὀαῖ ἀδεῖο ἀ
 Ἰ ἀεεῖο ἀδῖαῖ ἴτε ἀδῖαῖ ἀεῖο ἀδ, ἀεεῖαῖ ἴτε ἰ ἀσπᾶδ πῖ ἴδο ἀ, ἀαεεῖαῖ ἠεῖ ἰεῖ Ἰ ΝΝΝΒ, ἠεῖ ὀδᾶδεῖο ἴτε
 ἠεῖ ἰεῖ Ἰ Ἀαδῖαῖ, ἠεῖ ἰεῖ ἰ εδᾶ πῖαε ἰεῖ ἴαεε, ἰεῖ ἰεῖ ἴεεε ἠεῖ ἰεῖ Ἰ 1956 ἠεε. Ἐ ἠεῖ ἀσπᾶ ἡ ὀαῖ
 ἐεῖ ἀσπῖ ἀεεε ἰεῖ ἴεῖ ἰ ἀεεῖο ἀδῖαῖ ἴα ὀδῖαῖ, ἰ ὄρεῖα ὀ, ἠεῖ εῖ ἴεῖ ἀσπᾶ ἠεῖ ὀεεῖ ἴεῖ ἴεεε
 πῖ ἀεῖο ἠεῖ ἴεῖ ἴα ἴεῖ.*

Марк Тайманов родился 7 февраля 1926 года в Харькове. Его отец был инженером, мать – эстрадной певицей. Спустя полгода после рождения сына семья переехала в Ленинград, где отцу будущего музыканта предложили место на Путиловском заводе, а мать оставила карьеру, посвятив всё свое время семье и сыну.

«Мальчик соображал молниеносно и блестяще считал варианты», – так отзывался о юном Тайманове отец-основатель советской шахматной школы Михаил Ботвинник, учеником которого стал Марк Евгеньевич. В шестнадцать лет он – мастер спорта, но к тому времени вся страна уже знала Тайманова и как звезду советского кинематографа: в 1936 году на экраны вышел фильм Владимира Шмидтгофа и Михаила Гавронского «Концерт Бетховена», в котором десятилетний Тайманов сыграл главную роль. Это был первый и последний его фильм. В одиннадцать Марк Тайманов начал заниматься шахматами в клубе Ленинградского дворца пионеров, а за три года до того поступил в престижную музыкальную школу при ленинградской Капелле по классу фортепиано. Затем была школа-десятилетка при Консерватории и класс Самария Ильича Савшинского...

Как оказалось, этому знаменитому педагогу суждено было сыграть немалую роль в судьбе своего ученика – он добавил к его традиционно сольному репертуару редко исполняемые тогда сочинения для двух фортепиано. И для начала предложил Тайманову и его соученице Любе Брук разучить дуэтные произведения Моцарта и Шопена. Савшинский на долгие годы предопределил творческую судьбу двух исполнителей и даже свел воедино их жизненные пути: лет через десять фортепианный дуэт Любовь Брук – Марк Тайманов обрел и семейный статус. Они прожили вместе двадцать семь лет. Кстати, не так давно фирмы Philips и Steinway&Sons выпустили цикл альбомов под общим названием «Великие пианисты XX века», один из них посвящен знаменитому фортепианному дуэту – единственному дуэту во всем цикле.

Судьба Тайманова-музыканта складывалась очень удачно. Не хуже дело обстояло и с шахматной карьерой, хотя до определенного момента публика даже не догадывалась об этом alter ego пианиста.

Как музыкант и шахматист Тайманов побывал в шестидесяти странах мира, встречался со множеством интереснейших людей. С кем-то из них он играл в шахматы – как это было с Фиделем Кастро и Че Геварой, – с другими просто общался, как с Уинстоном Черчиллем или Никитой Хрущевым. Сегодня на прилавках книжных магазинов можно видеть книгу Тайманова «Воспоминания о самых-самых», в которой автор рассказывает о некоторых из таких встреч.

Журналистика – еще одно хобби Марка Евгеньевича. За долгую жизнь он сотрудничал с великим множеством газет и журналов, комментировал на радио и телевидении самые интересные шахматные матчи. Его имя и сегодня нередко можно встретить во многих тематических изданиях. А еще он написал около двадцати мемуарных и аналитических книг, в том числе «Защита Нимцовича», «60 лучших партий», «Я был жертвой Фишера».

...Это случилось в 1971 году. Матч четвертьфинала первенства мира в Ванкувере Тайманов проиграл американцу с разгромным счетом 0:6. Гроссмейстера лишили звания заслуженного мастера спорта и вывели из состава сборной, усмотрев в проигрыше... сговор с американским империализмом. На два года закрыли выезд за рубеж для участия в международных турнирах. Он не смел печататься, выступать с лекциями, ему пришлось даже прервать концертную деятельность. Поводом для наказания послужило таможенное нарушение: при досмотре в московском аэропорту по возвращении из Канады в багаже шахматиста обнаружили книгу опального Александра Солженицына «В круге первом». Впоследствии, с легкой руки виолончелиста Мстислава Ростроповича, прятавшего Александра Исаевича на своей даче, по Москве пошла горькая шутка: «Вы слышали о том, какие неприятности у Солженицына? У него нашли книгу Тайманова “Защита Нимцовича”». Но самому Тайманову было не до смеха...

По прошествии многих лет все обвинения были сняты, звания восстановлены, пианист был награжден орденом Почета и медалью «За трудовые заслуги». Сегодня Марка Евгеньевича очень ценят. Он активно выступает с концертами в России и за рубежом, выпустил много пластинок. О нем пишут в энциклопедиях как о «знаменитом шахматисте и музыканте». Вся его жизнь была посвящена служению двум музам и сам он до сих пор не может однозначно ответить на вопрос о том, какая из них является для него главной.

Александр Исаевич

100 - АГНИЯ БАРТО: ПОЭТ И ЧЕЛОВЕК

Плюшевый мишка с оторванной лапой, тонущий в реке Танин мяч, бычок, который вот-вот упадет... У кого из нас эти образы не ассоциируются с детством? Сначала мы просили родителей читать нам вслух книжки со стихами Агнии Барто, а теперь наши собственные дети слушают те же стихи в нашем исполнении. Тоненькие книжки из серии «Читаем сами» давно пришли в негодность, зато появились нарядно переплетенные тома с рисунками модных иллюстраторов. Сегодня можно смело утверждать, что Агния Барто – это целая эпоха в русской литературе для детей. Эпоха эта началась три четверти века назад и продолжается до сих пор.

Первая книжка Агнии Львовны вышла в 1925 году, когда поэтессе было всего девятнадцать лет. С тех пор общий тираж ее книг превысил двадцать миллионов экземпляров, причем некоторые книги переиздавались по четыреста (!) раз. На ее счету более сотни сборников стихов, а также несколько пьес и киносценариев, по которым сняты такие знакомые всем нам фильмы, как «Подкидыш», «Слон и веревочка», «Алеша Птицын вырабатывает характер».

Она родилась 17 февраля 1906 года в Москве, в семье врача-ветеринара, и получила хорошее домашнее воспитание, которым руководил ее отец. Стихи начала писать еще в начальных классах гимназии, но мечтала стать балериной и даже окончила хореографическое училище. Какой танцовщицей была бы Барто, мы сегодня можем только догадываться, однако судьба распорядилась по-своему. На выпускных экзаменах в гимназии, где Агния Львовна читала свое стихотворение «Похоронный марш», присутствовал нарком просвещения А. В. Луначарский. Вскоре он вызвал к себе в Наркомпрос запомнившуюся выпускницу и посоветовал всерьез заняться литературой, поскольку, по его мнению, Агния Львовна была просто создана для того, чтобы писать веселые стихи. Она послушалась – так появилась на свет Барто-поэтесса. А несколько лет спустя она встретилась с Владимиром Маяковским. Они разговаривали о том, как нужна детям принципиально новая поэзия, какую роль она может сыграть в их воспитании, и этот разговор окончательно определил выбор тематики ее стихов.

В 1936 году выходит цикл поэтических миниатюр Барто для самых маленьких под названием «Игрушки». С этого момента Агния Львовна стала классиком советской детской литературы, ее произведения вошли в хрестоматии и стали переводиться на многие языки мира. Ритм, рифмы, образы и сюжеты ее стихов оказались близки и понятны миллионам маленьких читателей. Однако было бы не совсем правильно воспринимать Барто исключительно как детскую поэтессу. Она много и успешно занималась общественной работой. В 1937 году Агния Львовна была делегатом Международного конгресса в защиту культуры, проходившего в Испании. Во время Великой Отечественной войны она часто выступала по радио в Москве и Свердловске, писала военные стихи, статьи, очерки. В 1942-м была корреспондентом «Комсомольской правды» на Западном фронте. После войны объездила много стран. А чтобы написать поэму о подростках, которых война заставила быстро взрослеть, работать и кормить семью, она вместе с ними училась на токаря, даже получила разряд.

В послевоенные годы Агния Барто почти десять лет вела на радио передачу, в которой помогала людям, разлученным войной, найти друг друга. Благодаря ее работе воссоединились более тысячи семей, о чем

в 1968 году она опубликовала повесть «Найти человека». Впрочем, работа на радио не помешала ей в 1949 году выпустить сборник «Стихи детям», за который через год она была удостоена Государственной премии, а в 1958-м – издать большой цикл детских сатирических стихов.

Агния Львовна считала, что «детям нужна вся гамма чувств, рождающих человечность»: об этом сказано и в «Записках детского поэта», вышедших в конце 1970-х. Подтверждением этой мысли стал поэтический сборник «Переводы с детского», в котором она перевела и собрала воедино множество прекрасных детских стихов иностранных поэтов.

В течение многих лет Барто возглавляла Ассоциацию деятелей литературы и искусства для детей, была членом международного Андерсеновского жюри, а в 1976 году ей присудили Международную премию им. Х. К. Андерсена.

Агния Львовна Барто умерла в Москве 1 апреля 1981 года.

Агния Львовна Барто

ЕЛЕАЗАР МЕЛЕТИНСКИЙ. САМСОН БРОЙТМАН: ЕЩЕ ДВА НЕКРОЛОГА РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

За несколько последних месяцев один за другим ушли люди, составлявшие едва ли не весь цвет российской гуманитарной науки, люди, с которыми ассоциируется само ее имя. Не прошло и месяца с тех пор, как мне пришлось писать некролог Михаилу Леоновичу Гаспарову, а Российский государственный гуманитарный университет вновь оказался в трауре. В один день – 16 декабря – скончались Елеазар Моисеевич Мелетинский и Самсон Наумович Бройтман. Оба были не только блестящими специалистами в своих областях научного знания и прекрасными педагогами, но и людьми, о которых останется самая добрая память.

Как ни тяжело это пережить, старшее поколение уходит, чтобы освободить дорогу молодым. Это закон природы, который нельзя отменить. А молодым остается лишь осознать: они остались практически без старших. Дальше придется жить самим.

Аэлеазар Моисеевич Мелетинский

Специалист в области исторической поэтики повествовательных жанров. Доктор филологических наук, действительный член Академии гуманитарных исследований, лауреат Государственной премии по литературе, директор Института высших гуманитарных исследований РГГУ. Член международного Общества по исследованию повествовательного фольклора и международного Союза фольклористов, член Международной ассоциации по семиотике. В 1971 году он стал лауреатом Международной премии Питре за лучшую работу по фольклористике. Перечислять его титулы можно довольно долго, но разве в чинах суть?

За два месяца до смерти выдающемуся филологу исполнилось восемьдесят семь лет. Это была нелегкая жизнь: через несколько месяцев после окончания Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ) Мелетинский оказался на фронте. Шел 1941 год – самый тяжелый год войны. Окончив курсы военных переводчиков, он сначала воевал на Южном фронте и, оказавшись в окружении, сумел выбраться. Затем попал на Кавказский фронт, но там вскоре был арестован и приговорен к десяти годам заключения за «антисоветскую агитацию». В тбилисской тюрьме Елеазару Моисеевичу повезло: он был активирован как тяжелобольной, и спустя девять месяцев его выпустили. Едва живой, он добрался до Ташкента. Ему позволили работать по специальности – сначала в

Среднеазиатском университете, потом в Карело-Финском. В Петрозаводске Мелетинский даже несколько лет был заведующим кафедрой литературы. В 1949 году филолог снова был арестован во время антиеврейской кампании по борьбе с космополитизмом и опять оказался в лагере, где пробыл еще пять лет.

Елеазар Мелетинский является автором двухсот пятидесяти научных работ, исследующих мифы буквально во всех спектрах. Он проделал огромную работу, собирая, изучая и классифицируя мифы всех культур и народов. Без него не состоялись бы такие знаменитые теперь издания, как «Мифологический словарь», главным редактором которого он был, или двухтомная энциклопедия «Мифы народов мира», а его книга «Поэтика мифа» стала основным учебником для нескольких поколений студентов факультетов филологии различных вузов.

Сегодня десятки его трудов переведены на европейские и многие восточные языки.

А началось всё в 1958 году, когда реабилитированный филолог выпустил свою первую книгу «Герой волшебной сказки. Происхождение образа».

До самого конца Елеазар Моисеевич Мелетинский оставался исследователем и наставником, ученым и литератором, человеком, соприродным мировой культуре. Даже тем, кто был знаком с выдающимся филологом лишь по его трудам, становилось светлее от того, что он не перестает работать, появляется на конференциях, общается с учениками...

Самсон Бройтман

Специалист в области теории и истории русской лирики XIX – начала XX веков, анализа художественного произведения, исторической поэтики. Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики историко-филологического факультета РГГУ. Один из самых ярких ученых этого факультета, создатель оригинальной теории поэтического языка, автор первого в мире учебника по исторической поэтике.

Самсон Наумович Бройтман родился в 1937 году и начал преподавательскую карьеру, когда ему было двадцать два года. В Российский государственный гуманитарный университет пришел в 1994-м. За эти годы он многое успел сделать не только для российской науки, но и для своих студентов. Он был вдохновенным лектором, умным и требовательным педагогом, в нем всегда жила редкая способность радоваться чужому таланту и смелость давать жесткий отпор цинизму, халтуре, душевной лени.

Его любили близкие и друзья, у него всегда были преданные ученики. И сейчас бывшие студенты историко-филологического факультета РГГУ вспоминают его спецкурс, посвященный сравнительному анализу поэзии Александра Блока и русской лирики XIX века. Он оставался молодым и сильным духом, не сдавался ни старости, ни тяжелейшей болезни до последнего дня своей нелегкой жизни.

На счету Самсона Наумовича Бройтмана шестьдесят пять печатных научных трудов. Еще одну свою книгу, над которой ученый работал в последние годы жизни, Самсон Наумович так и не увидел.

Ἴ εὐαγγέλιον καὶ ἰσχυρὰ

голос говорить о не слишком лицеприятных для кого-то вещах. Говорить тихо они не могут. Как не мог говорить тихо о своих чувствах Таслицкий.

Где-то вдали

к другой. Придут ли они когда-нибудь? Уверен, да. У человечества еще много времени для жизни в одном Доме на Земле.

À. Ôrèi àí,

Í èæí èé Í íãã ðíä

Ðurñeá ääòè èì àþò ì ðááî èç: àòü îñ îáî ì ðááî ñeáeý

Я прочел статью Л. Радзиховского «Виноград с терновника» (Лехаим, № 8, 2005). Г-н Радзиховский резко выступает против преподавания православия в русских школах. Хотел бы заметить, что в еврейских школах иудаизм преподают, и это считается само собой разумеющимся. Мне могут возразить, что в русских школах учатся не только русские и не только православные. Это верно. Но это еще не значит, что русские дети не имеют права изучать в школе религию своего народа. Выход может быть такой: надо открывать специальные школы с углубленным изучением православной религии. Пусть в каждом городе будет одна, три, пять или более таких школ, в зависимости от количества желающих в них учиться. Тогда религиозные люди смогут воспитывать детей в духе своих убеждений, а секуляристы не будут жаловаться, что им насильно навязывают религиозные взгляды.

À. Ôóä

Ì ñeáä